

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК
Уфимского юридического
института МВД России

№ 2 (112)

BULLETIN
of Ufa Law Institute
of MIA of Russia

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2026

12+

Научно-практический журнал

Издается с июня 1998 года ежеквартально

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России

Главный редактор:

Пожарский Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России по научной работе.

Заместитель главного редактора:

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Аничкин Евгений Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, директор юридического института Алтайского государственного университета.

Анохин Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета.

Баишева Зилия Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий.

Бакирова Лена Рифхатовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, отличник образования Республики Башкортостан, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Безлепкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России.

Бикнин Ирек Анасович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Васильев Антон Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, профессор, действительный член Академии военных наук, заместитель начальника Научно-исследовательского института ФСИН России.

Газизов Рафаэль Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, и.о. директора Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий.

Гейжан Наталия Федоровна – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Ульяновского государственного университета.

Десятов Михаил Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Омской академии МВД России.

Диваева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина по научной работе.

Ендольцева Алла Васильевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Зауторова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Иванов Петр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Илакавичус Марина Римантасовна – доктор педагогических наук, методист службы развития и проектов Петербургского педагогического колледжа имени Н.А. Некрасова, доцент кафедры управления персоналом и воспитательной работы Санкт-Петербургского университета МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Кубанского государственного университета.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Юридического института Сибирского Федерального университета.

Ковтуненко Любовь Васильевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и педагогической психологии Воронежского государственного университета.

Кузбагаров Асхат Назаргалиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры.

Латыпов Вадим Сагитьянович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Рес-

публики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующая кафедрой криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мартынов Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования Российской Федерации, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Мичурин Оксана Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Муравьев Кирилл Владимирович – доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Мухаметов Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России.

Нугаева Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, отличник образования Республики Башкортостан, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры зарубежной лингвистики Высшей школы зарубежной филологии лингвистики и перевода Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий.

Овсепян Жанна Иосифовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, академик Российской академии наук, профессор кафедры конституционализма Южного федерального университета.

Орехова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора

П.А. Леканта Государственного университета просвещения.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Павличенко Николай Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный сотрудник МВД России, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Пономарева Екатерина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Редько Александр Александрович – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России.

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Степанова Айгуль Ахметзямилевна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий.

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Ходякова Наталия Владимировна – доктор педагогических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России по научной работе.

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Рег. №: ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2. Литературный редакторы Л. Р. Байдавлетова, Ю. Р. Исмагилова. Техническая верстка: Т. Д. Латыпова.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 18.06.2026. Дата выхода в свет: 30.06.2026.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 25. Гарнитура Times. Тираж 1000 экз. Первый завод 50 экз.

Заказ № 55. Цена свободная.

BULLETIN
of Ufa Law Institute of MIA of Russia
No. 2 (112) 2026

Scientific and practical journal

Published since June 1998 quarterly

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Pozharsky Dmitry Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia for scientific work.

Deputy editor-in-chief:

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Anichkin Evgeniy Sergeevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Director of the Law Institute at Altai State University.

Anokhin Yuri Vasilievich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Officer of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and International Law at Altai State University.

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Honored Teacher of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law at Ufa University of Science and Technology.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Excellent Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Foreign Language and Culture of Speech at Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bezlepkin Olga Vyacheslavovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Professional Training at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bikkinin Irek Anasovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Administrative Law Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vasiliev Anton Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law at Altai State University.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences, Deputy Head of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Gazizov Rafael Arkadievich – Doctor of Philology, Professor, Acting Director of the Institute of Humanities and Social Sciences at Ufa University of Science and Technology.

Geizhan Nataliya Fedorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology at St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law at Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure at Ulyanovsk State University.

Desyatov Mikhail Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head at Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Scientific Work at Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin for scientific work.

Endoltseva Alla Vasilyevna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Criminal and Criminal Procedure Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education,

Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ivanov Dmitry Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Preliminary Investigation at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Ivanov Petr Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Research Center at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ilakavicius Marina Rimantasovna – Doctor of Pedagogy, Methodologist of the Development and Projects Service of Petersburg Pedagogical College named after N.A. Nekrasov, Associate Professor of the Department of Personnel Management and Educational Work of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision at Kuban State University.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign and Russian Languages at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimova Gulnaz Yurisoyna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karkhalev Denis Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Law Institute of the Siberian Federal University.

Kovtunen Lyubov Vasilyevna – Doctor of Pedagogy, Professor, Head of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Faculty of Philosophy and Psychology at Voronezh State University.

Kuzbagarov Askhat Nazargalievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office.

Latypov Vadim Sagityanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure at Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Ilona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Scientific Adviser of the Institute of Law, Head of the Department of Criminalistics of the Institute of Law at Ufa University of Science and Technology.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law

and Criminology at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Martynov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Head of the Department of Administrative and Financial Law at the Law Faculty of National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Michurina Oksana Valeryevna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Morozov Sergey Yurievich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Civil and Entrepreneurial Law, Dean of the Faculty of Law at Ulyanovsk State University.

Muravyov Kirill Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mukhametov Pavel Alekseevich – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of State Law Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law Disciplines at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugaeva Elvira Damirovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor, Excellent Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Foreign Linguistics of Higher School of Foreign Philology, Linguistics and Translation of the Institute of Humanities and Social Sciences at Ufa University of Science and Technology.

Ovsepyan Zhanna Iosifovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Constitutionalism of the Law Faculty at the Southern Federal University.

Orekhova Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant at the State University of Education.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty of Training of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Pavlichenko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Petrova Elena Aleksandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Excellence in Education of the

Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Foreign and Russian Languages at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Pobedkin Aleksandr Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Policy at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezzhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ponomareva Ekaterina Vladimirovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Redko Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Stepanova Aigul Akhmetzyamilevna – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the

Department of State Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Aleksandr Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure at the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Procedure at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Khodyakova Natalia Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with the Staff at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tukanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Deputy Head at the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia for scientific work.

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

Reg. №.: PI № FS77-758669 24.05.2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editors L. R. Baidavletova, Yu. R. Ismagilova. Layout T. D. Latypova.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 18.06.2026. Release date: 30.06.2026.

Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 25. Typeface Times.

Circulation: 1000 copies. The first plant is 50 copies. Order № 55. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Епифанов А. Е.</i> Отдельные направления хозяйственной деятельности Министерства внутренних дел в системе внутреннего управления Российской империи (промысловая деятельность, стандартизация, строительство)	11
<i>Лукьянов Р. И.</i> Функции правового критерия	19
<i>Маликов Б. З.</i> Русский язык – этническое начало в объединительном социальном процессе Руси, становлении государственности России и культуры единого Отечества	28
<i>Мельникова О. А.</i> Становление и развитие института общественных объединений инвалидов (исторический аспект)	42

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Степина К. В.</i> Публично-правовой механизм участия Российской Федерации в межгосударственных объединениях	54
--	----

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Москвитин О. А., Исламгулов С. Ф., Рахимов Э. Х.</i> Предоставление недостоверной информации в заявках в рамках государственных закупок: основные правовые последствия	62
<i>Шухарева А. В.</i> Правовая природа и особенности закупки у единственного поставщика в системе государственных и муниципальных закупок: теоретико-прикладной анализ	70

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Каримова Г. Ю.</i> Принцип справедливости в уголовно-процессуальной политике современной России	81
<i>Олесовец В. Г.</i> Проблемы назначения наказания в виде исправительных работ в современной судебной практике	87
<i>Платонова Е. И.</i> Сущность и природа правовой неопределенности в регулировании досудебного уголовного производства и ее соотношение с коллизиями и пробелами	96
<i>Черепанов Р. В.</i> Статья 275.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией»: теоретическая модель и практика правоприменения	103
<i>Христинина Е. В.</i> К вопросу о криминалистической характеристике личности дроппера как посредника при совершении мошенничества с использованием средств сотовой связи	114

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ. ЛИНГВОДИДАКТИКА.

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

<i>Байбурина Р. З.</i> Метаязык описания юридической английской глагольной лексики	123
<i>Бульбенко Е. С.</i> Эмоциональное воздействие современных медийных ключевых слов на коммуникативную личность	130
<i>Мухаметгареева Н. М., Юсупова З. А.</i> Новые смыслы артионима: на примере названий картин Эдуарда Мане	139
<i>Шалимова О. Н.</i> Обучение сотрудников правоохранительных органов русскому жестовому языку	147

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ.

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Бодяков В. Н., Бажанов С. А.</i> Использование системы общественно значимых перспектив как средство исправления несовершеннолетних осужденных	157
--	-----

Зинина Н. А. Реализация системы семейного воспитания у воспитанников кадетских корпусов	164
Илакавичус М. Р., Пикина Е. А. Проблемы подготовки специалистов к духовно-нравственному воспитанию сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации	172
Карпузинов А. А., Мураев Н. П. Модель педагогического сопровождения информационного самообразования курсантов вузов МЧС России	180
Литвинов В. А. Оценочные средства и качество образования	191
Памятка	198

CONTENTS

Theoretical and historical legal sciences

- Epifanov A. E.* Certain areas of economic activity of the Ministry of Internal Affairs in the system of internal management of the Russian Empire (commercial activity, standardization, construction) ... 11
- Lukyanov R. I.* Functions of legal criterion 19
- Malikov B. Z.* The Russian language is an ethnic origin in the unifying social process of Russia, the formation of the statehood of Russia and the culture of a single Fatherland 28
- Melnikova O. A.* Formation and development of the institution of public associations of disabled people (historical aspect) 42

Public law (state law) sciences

- Stepina K. V.* Public law mechanism of participation of the Russian Federation in interstate associations 54

Private law (civil law) sciences

- Moskvitin O. A., Islamgulov S. F., Rakhimov E. Kh.* Submission of inaccurate information in public procurement bids: key legal consequences 62
- Shukhareva A. V.* Legal nature and features of purchasing from a single supplier in the system of state and municipal purchases: theoretical and applied analysis 70

Criminal law sciences

- Karimova G. Yu.* The principle of justice in the criminal procedure policy of modern Russia..... 81
- Olesovets V. G.* Problems of sentencing in the form of correctional labor in modern judicial practice 87
- Platonova E. I.* The essence and nature of legal uncertainty in the regulation of pre-trial criminal proceedings and its relationship to conflicts and gaps 96
- Cherepanov R. V.* Article 275.1 of the Criminal Code of the Russian Federation “Cooperation on a confidential basis with a foreign state, international or foreign organization”: theoretical model and practice of law enforcement 103
- Khrustinina E. V.* On the issue of criminalistic characterization of the dropper’s personality as an intermediary in the commission of fraud using cellular communications 114

General issues of linguistics. Linguodidactics. Legal linguistics

- Bajburina R. Z.* The metalanguage of description of the legal English verbal vocabulary 123
- Bulbenko E. S.* Emotional effect of modern media keywords on a communicative personality 130
- Mukhametgareeva N. M., Yusupova Z. A.* New meanings of the artonym: on the example of the Edouard Manet titles of paintings 139
- Shalimova O. N.* Training law enforcement officers Russian sign language 147

General pedagogy, history of pedagogy and education.

Methodology and technology of professional education

- Bodyakov V. N., Bazhanov S. A.* Using the system of socially significant prospects as a means of correction of juvenile convicts 157
- Zinina N. A.* Implementation of the family education system for cadet corps students 164
- Ilakavichus M. R., Pikina E. A.* Problems of training specialists for the spiritual and moral education of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation 172
- Karapuzikov A. A., Muraev N. P.* Model of pedagogical support of information self-education of cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia 180
- Litvinov V. A.* Assessment tools and quality of education 191

- Instruction** 198

Научная статья
УДК 354:351.74(470)"18"

**ОТДЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В СИСТЕМЕ ВНУТРЕННЕГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(ПРОМЫСЛОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, СТАНДАРТИЗАЦИЯ, СТРОИТЕЛЬСТВО)**

Александр Егорович Епифанов
Академия управления МВД России, Москва, Россия,
mvd_djaty@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5686-5770

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные направления хозяйственной деятельности Министерства внутренних дел в первой трети XIX века в контексте осуществления внутреннего государственного управления. На основе историко-правового анализа выявляются особенности административного регулирования промысловой деятельности, стандартизации хозяйственных процессов и организации казенного и общественного строительства. Показано, что участие МВД в данных сферах носило преимущественно регулятивный и координационный характер и было направлено на обеспечение управляемости и внутренней устойчивости государства. Делается вывод о том, что анализ хозяйственных направлений деятельности МВД позволяет рассматривать Министерство не только как полицейский орган, но и как важный элемент системы административного управления.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел, государственное управление, управленческие функции, преемственность, административно-правовое регулирование, внутреннее управление, историко-правовой анализ

Для цитирования: Епифанов А. Е. Отдельные направления хозяйственной деятельности Министерства внутренних дел в системе внутреннего управления Российской империи (промышленная деятельность, стандартизация, строительство) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 2 (112). С. 11–18.

Original article

**CERTAIN AREAS OF ECONOMIC ACTIVITY
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS IN THE SYSTEM
OF INTERNAL MANAGEMENT OF THE RUSSIAN EMPIRE
(COMMERCIAL ACTIVITY, STANDARDIZATION, CONSTRUCTION)**

Alexander E. Epifanov
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
mvd_djaty@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5686-5770

Abstract. The article discusses certain areas of economic activity of the Ministry of Internal Affairs in the first third of the 19th century in the context of the implementation of internal public administration. On the basis of historical and legal analysis, features of administrative regulation of commercial activities, standardization of economic processes and organization of state and public construction are revealed. It is shown that the participation of the Ministry of Internal Affairs in these areas was mainly of a regulatory and coordination nature and was aimed at ensuring the manageability and internal stability of the state. It is concluded that the

analysis of economic activities of the Ministry of Internal Affairs allows us to consider the Ministry not only as a police body, but also as an important element of the administrative management system.

Keywords: Ministry of Internal Affairs, public administration, management functions, succession, administrative and legal regulation, internal management, historical and legal analysis

For citation: Epifanov A. E. Certain areas of economic activity of the Ministry of Internal Affairs in the system of internal management of the Russian Empire (commercial activity, standardization, construction) // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 2 (112). P. 11–18. (In Russ.)

Введение

В отечественной историко-правовой науке Министерство внутренних дел Российской империи традиционно рассматривается преимущественно как полицейско-административный орган, тогда как его участие в регулировании хозяйственных процессов до настоящего времени остается недостаточно осмысленным. Рассмотрение отдельных направлений хозяйственной деятельности Министерства внутренних дел в первой трети XIX века позволяет перейти от формально-нормативного описания его компетенции к анализу реальных управленческих практик, посредством которых ведомство осуществляло внутреннее государственное управление. Фокусирование внимания на конкретных сферах хозяйственного воздействия дает возможность выявить механизмы административного регулирования, координации и надзора, через которые Министерство внутренних дел обеспечивало устойчивость и упорядоченность внутренних процессов государства.

Обращение к хозяйственным направлениям деятельности МВД показывает, что они были встроены в систему внутреннего управления как инструмент реализации управленческих задач, а не как самостоятельная область экономической активности. Хозяйственные меры использовались для поддержания административного порядка, согласования интересов центра и мест, а также предупреждения факторов, способных нарушить социальную и управленческую стабильность. Тем самым хозяйственная функция МВД выступала формой опосредованного управленческого воздействия, дополнявшей регулятивные и надзорные полномочия ведомства [1, с. 27–29].

Подобный ракурс исследования позволяет не только уточнить содержание хозяйственной компетенции Министерства внутренних дел, но и выявить ее институциональное значение в структуре исполнительной власти Российской империи. Рассматривая хозяйственные направления деятельности МВД в их взаимосвязи с регулятивными и надзорными функциями, можем показать, что именно через хозяйственное администрирование Министерство оказывало существенное влияние на внутреннюю устойчивость государства и формирование управляемого социально-экономического пространства.

Состояние научной разработанности рассматриваемой проблематики свидетельствует о том, что Министерство внутренних дел Российской империи достаточно подробно изучалось в отечественной историко-правовой науке, прежде всего в аспекте его институционального оформления, эволюции функций и места в системе исполнительной власти. При этом хозяйственные направления деятельности данного ведомства длительное время оставались на периферии исследовательского внимания и, как правило, не рассматривались в качестве самостоятельного элемента внутреннего государственного управления.

В дореволюционной научной традиции внимание исследователей было сосредоточено главным образом на вопросах формирования министерской системы, соотношения административных и полицейских начал в деятельности МВД, а также на характеристике его правового статуса. Эти подходы нашли отражение в работах А. Н. Пыпина, М. И. Богдановича, Н. К. Шильдера, Н. М. Коркунова, А. Д. Градовского, Н. Н. Варадинова и ряда

других авторов. Несмотря на значительный фактический материал, представленный в указанных трудах, хозяйственная деятельность Министерства внутренних дел упоминалась преимущественно эпизодически – в связи с отдельными направлениями администрирования, без попытки ее системного осмысления.

В советский период изучение органов внутренних дел развивалось в рамках более широких исследований государственного аппарата и административного управления, что обусловило смещение акцента на вопросы политического контроля, полицейских функций и управленческих реформ. В работах П. А. Зайончковского, Н. П. Ерошкина, Т. И. Желудковой, Д. И. Шинджикашвили и других исследователей хозяйственные аспекты деятельности МВД, как правило, рассматривались опосредованно – как сопутствующие элементы реализации административных полномочий, не получившие самостоятельного концептуального оформления.

На современном этапе научных исследований формируется интерес к анализу хозяйственных и обеспечительных функций государства в контексте реализации задач внутреннего управления и поддержания устойчивости публичной власти. В рамках данного направления особое значение приобретают теоретико-правовые разработки, посвященные участию государства в регулировании социально значимых хозяйственных процессов. В трудах А. Е. Епифанова, а также в совместных исследованиях А. Е. Епифанова и А. Ю. Мохова хозяйственная деятельность государства рассматривается как структурный элемент системы внутреннего управления, обеспечивающий согласование публичных и социальных интересов [2, с. 59–72]. Используемые в указанных работах подходы позволяют по-иному рассмотреть роль Министерства внутренних дел Российской империи в системе внутреннего управления. В данном случае речь идет не столько о расширении традиционного представления о полицейских функциях ведомства, сколько о выявлении тех управленческих механизмов, посредством

которых МВД участвовало в координации хозяйственных процессов. При этом следует отметить, что подобный ракурс до настоящего времени не получил достаточного развития в историко-правовой литературе, где хозяйственная составляющая деятельности Министерства, как правило, упоминается лишь попутно и не рассматривается как самостоятельный элемент управленческой практики.

Методы

Материалами исследования послужили документы ведомственного делопроизводства Министерства внутренних дел Российской империи конца 1820-х годов, отражающие деятельность Департамента государственного хозяйства и публичных зданий. В работе использованы опубликованные нормативные акты и ведомственные предписания, а также материалы официальных периодических изданий рассматриваемого периода, позволяющие реконструировать основные направления хозяйственной и организационно-управленческой деятельности МВД в 1828–1829 гг., включая регулирование сельского развития, промыслов, стандартизацию мер и весов и надзор за казенным строительством.

Методологическую основу исследования составили принципы историзма и системности. В работе применялись формально-юридический и структурно-функциональный методы, позволившие проанализировать правовые основания хозяйственной компетенции Министерства внутренних дел и определить его место в системе органов внутреннего управления. Использование историко-генетического и сравнительно-исторического методов обеспечило рассмотрение хозяйственной деятельности МВД в динамике и позволило выявить особенности управленческих решений в отдельных сферах хозяйства конца 1820-х годов.

Результаты

Обращение к анализу промысловой деятельности в качестве первого направления хозяйственного воздействия МВД обусловлено ее особым значением для системы внутреннего управления в рассматриваемый

период. Именно в промысловой сфере наиболее отчетливо проявлялась необходимость постоянного административного участия, поскольку здесь пересекались интересы населения, вопросы рационального использования природных ресурсов и риски социальной напряженности. В этой связи промыслы рассматривались органами власти как чувствительная область, требующая не только правового регулирования, но и устойчивого управленческого контроля [3, с. 95].

Административное регулирование промысловой деятельности занимало заметное место в практике Министерства внутренних дел. Промыслы не воспринимались государством как автономная экономическая сфера, развивающаяся вне рамок публичного управления. Напротив, они рассматривались как объект постоянного административного воздействия, предполагающего установление обязательных правил, ограничений и форм надзора. Участие МВД в данной сфере выражалось прежде всего в выработке и применении предписаний, направленных на упорядочение промысловых практик, предотвращение истощения ресурсов и снижение конфликтности в хозяйственной жизни. При этом Министерство фактически выполняло связующую функцию между центральной властью и местными органами, аккумулируя сведения о состоянии промыслов и корректируя управленческие меры с учетом складывающейся ситуации [4, с. 63].

Характер административного вмешательства МВД в промысловую сферу носил преимущественно превентивный характер. Регулирующие меры были ориентированы не столько на реагирование на уже возникшие нарушения, сколько на их предупреждение [5, с. 139]. Установление ограничений на использование отдельных орудий промысла, регламентация способов добычи и закрепление обязательных правил осуществления промысловой деятельности свидетельствуют о стремлении Министерства обеспечить баланс между хозяйственными интересами населения и задачами государственного управления. В результате промысловая деятельность включалась в более широкий контекст внутреннего

администрирования, в рамках которого экономические процессы оценивались с точки зрения их влияния на управляемость и общественную стабильность [6, с. 19–22].

Вместе с тем деятельность Министерства внутренних дел в данной сфере не ограничивалась формальным установлением запретов и правил. Существенное значение имела практика систематического анализа сведений, поступающих из губерний и уездов, на основании которых уточнялись и корректировались управленческие решения. Как отмечалось в ведомственных публикациях, «по представленным из губерний сведениям усматривается необходимость в изменении и уточнении некоторых распоряжений, дабы действия местных начальств были приведены в надлежащий порядок» [7, с. 211].

Регулирование промысловой деятельности рассматривалось Министерством внутренних дел как составная часть общей задачи поддержания социального порядка. Нарушения установленных правил воспринимались не только как хозяйственные отклонения, но и как потенциальные источники социальной напряженности. В этой связи в официальных предписаниях подчеркивалось, что «наблюдение за исполнением установленных правил признается необходимым для предупреждения беспорядков и сохранения общественного спокойствия» [7, с. 211].

Наряду с промысловой деятельностью важным направлением хозяйственного воздействия МВД являлась стандартизация хозяйственных процессов, прежде всего в сфере мер и весов. Установление единых стандартов рассматривалось как необходимое условие упорядочения хозяйственных отношений и предотвращения злоупотреблений. Министерство внутренних дел занимало ключевое место в организации контроля за соблюдением установленных норм, а также в координации деятельности местных органов, обеспечивавших их практическое применение. В данном случае стандартизация выступала не только техническим, но и управленческим инструментом.

Особое значение стандартизации определялось ее связью с задачами правопорядка и социальной устойчивости. Нарушения в сфере мер и весов нередко становились причиной конфликтов между участниками хозяйственного оборота и подрывали доверие к власти на местах. Централизованное участие МВД позволяло выработать единый подход к разрешению подобных ситуаций и обеспечивать относительное единообразие административной практики. Контроль за соблюдением стандартов рассматривался как элемент внутреннего порядка, требующий постоянного надзора [8, с. 40].

Единообразие стандартов имело особое значение в условиях значительной территориальной протяженности государства. Осуществляя надзор в данной сфере, Министерство внутренних дел фактически способствовало формированию общего административного пространства, в рамках которого хозяйственные отношения подчинялись единым правилам. Это позволяло снижать различия в правоприменительной практике и укреплять управленческую вертикаль [9, с. 59–64].

Дополнительно стандартизация выступала инструментом дисциплинирования местных органов власти. Обязанность обеспечивать соблюдение установленных норм возлагалась на местную администрацию под контролем МВД, что давало возможность оценивать эффективность деятельности подчиненных структур. Нарушения в данной сфере рассматривались как показатель управленческих сбоев, требующих вмешательства со стороны центральных органов. В результате контроль за мерами и весами выходил за рамки сугубо хозяйственных задач и приобретал значение универсального механизма административного надзора.

Казенное и общественное строительство представляло собой еще одно направление хозяйственной деятельности Министерства внутренних дел. В этой сфере МВД не осуществляло строительные работы непосредственно, однако выполняло функции административного координатора,

обеспечивая согласование интересов различных ведомств и уровней власти. Участие Министерства выражалось в рассмотрении проектов, утверждении смет, контроле за соблюдением установленных требований и надзоре за деятельностью местных органов, отвечавших за реализацию строительных мероприятий [10, с. 16].

Административное сопровождение строительной деятельности было направлено на предотвращение нерационального расходования государственных средств и на приведение строительных проектов в соответствие с задачами внутреннего управления. При этом строительство рассматривалось не только как хозяйственный процесс, но и как фактор территориального развития, оказывающий влияние на социальную и административную организацию регионов. В этом смысле контроль за строительством приобретал значение инструмента управления пространственным развитием государства [7, с. 211].

Участие Министерства внутренних дел в казенном и общественном строительстве требует учитывать сложный и многоуровневый характер управленческих процессов в данной сфере. Деятельность МВД не ограничивалась утверждением проектов и контролем за расходованием средств. Министерство выполняло координирующую роль, обеспечивая взаимодействие различных ведомств, местных органов власти и подрядных структур. Такая позиция предполагала постоянное согласование разнородных интересов и соблюдение единых административных требований, что в итоге превращало строительную деятельность в одну из тех сфер, где координационная функция МВД проявлялась наиболее отчетливо. Характер подобного участия наглядно прослеживается в циркулярных предписаниях, в которых подчеркивалось, что местным начальствам надлежит «...о производстве зависящих от власти Губернского Начальства распоряжений донести по принадлежности», обеспечивая тем самым согласованность действий при осуществлении строительных мероприятий [7, с. 114].

Особое значение придавалось контролю за соответствием строительных мероприятий задачам территориального развития. Министерство внутренних дел рассматривало строительство не только как хозяйственную или техническую деятельность, но и как фактор формирования управляемого пространства, в котором административные, социальные и хозяйственные элементы должны были находиться в устойчивом равновесии. Несоответствие строительных проектов этим задачам воспринималось как потенциальная угроза управляемости, что обуславливало необходимость постоянного административного надзора. В официальных документах прямо указывалось на необходимость придерживаться утвержденных образцов и порядков, поскольку «при построении поромов держаться размера чертежа <...> с нужными по местности улучшениями», что свидетельствует о стремлении увязать технические решения с управленческими и территориальными задачами [7, с. 114].

Заключение

Совокупное рассмотрение указанных направлений хозяйственной деятельности позволяет говорить о наличии в практике Министерства внутренних дел достаточно устойчивых управленческих подходов, характерных для рассматриваемого периода. В их основе лежало не стремление к прямому участию в хозяйственных процессах, а приоритет регулятивного воздействия, ориентированного прежде всего на предупреждение нарушений и поддержание управляемости. Министерство не подменяло собой специализированные хозяйственные ведомства, однако обеспечивало согласование их деятельности и осуществляло надзор за реализацией принятых административных решений, выступая связующим звеном в системе внутреннего управления [11, с. 112].

Материалы исследования показывают, что хозяйственные направления деятельности МВД выполняли функцию своеобразного административного посредничества между социально-экономическими про-

цессами и механизмами внутреннего государственного управления Российской империи. Регулирование промысловой сферы, установление единых хозяйственных стандартов и административное сопровождение строительных мероприятий использовались прежде всего как средства упорядочения и согласования, направленные на снижение управленческих рисков и поддержание внутренней стабильности, а не на достижение самостоятельных экономических результатов [12, с. 312].

Характерной особенностью участия МВД в хозяйственной сфере являлось использование преимущественно координационных и надзорных механизмов, позволявших включать экономические процессы в орбиту публичного управления без их прямого ведомственного администрирования. Такая форма воздействия обеспечивала согласование интересов различных уровней власти и способствовала формированию единого управленческого пространства, в рамках которого хозяйственная деятельность рассматривалась как объект правового регулирования и административного контроля [13, с. 54].

Значение выявленных управленческих практик выходит за пределы их исторического контекста и позволяет рассматривать их как одну из ранних форм функционального разграничения управленческих задач в деятельности органов внутренних дел. Современные модели административного регулирования, ориентированные на профилактику, координацию и надзор в социально значимых сферах, во многом опираются на аналогичную логику опосредованного управленческого воздействия, хотя и реализуются в иных правовых и институциональных условиях.

Тем самым обращение к хозяйственным направлениям деятельности Министерства внутренних дел позволяет не столько повторно охарактеризовать его место в системе исполнительной власти, сколько выявить устойчивые управленческие принципы, обеспечивавшие преемственность административных практик. Это подтверждает научную

значимость историко-правового анализа хозяйственной функции МВД как источника формирования моделей внутреннего

администрирования, ориентированных на поддержание управляемости и институциональной устойчивости государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алафьев М. К. Образование и реорганизация Министерства внутренних дел (1802–1819 гг.) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2003. № 2. С. 27–29.
2. Епифанов А. Е., Мохов А. Ю. Современные правовые механизмы гарантирования права каждого на питание и обеспечения продовольственной безопасности в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 2 (42). С. 59–72.
3. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802–1902. СПб., 1901. 310 с.
4. Епифанов А. Е., Мохов А. Ю. О нормативном определении понятия «продовольственная безопасность Российской Федерации» в контексте обеспечения и защиты права каждого на питание // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 1 (45). С. 62–72.
5. Епифанов А. Е. Организация и деятельность Министерства внутренних дел Российской империи в 1880–1905 гг. // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1 (58). С. 135–142.
6. Тарасова И. А. К вопросу о деятельности Министерства внутренних дел Российской империи по управлению системой продовольственного обеспечения населения в первой половине XIX века // Проблемы экономики и юридической практики. 2012. № 4. С. 19–22.
7. Санкт-Петербургский журнал Министерства внутренних дел. 1829. Книга третья. СПб.: Типография Н. Греча, 1829. 319 с.
8. Епифанов А. Е. Из истории тыловых подразделений системы МВД Российской империи на этапе становления (1802–1803 гг.) // Вестник Евразийской академии административных наук. 2025. № 2 (71). С. 38–44.
9. Епифанов А. Е. Из истории организации и деятельности общей полиции Российской империи на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Нижнего Поволжья) // Вестник экономической безопасности. 2023. № 2. С. 59–64.
10. История полиции дореволюционной России: сборник документов и материалов по истории государства и права: учеб. пособие. М.: Московская высшая школа милиции МВД СССР, 1981. 78 с.
11. Варадинов Н. Н. История Министерства внутренних дел. Ч. 1. СПб., 1858. 312 с.
12. Андреевский И. Е. Полицейское право: в 2 т. М., 1871. Т. 1. 648 с.
13. Андрианов С. А. Министерство внутренних дел: исторический очерк (1802–1901). СПб., 1902. 171 с.

REFERENCES

1. Alafyev M. K. Formation and reorganization of the Ministry of Internal Affairs (1802–1819) // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2003. No. 2. P. 27–29. (In Russ.)
2. Epifanov A. E., Mokhov A. Yu. Modern legal mechanisms for guaranteeing everyone's right to food and ensuring food security in the Russian Federation // Bulletin of Moscow city pedagogical university. Series: legal sciences. 2021. No. 2 (42). P. 59–72. (In Russ.)
3. Ministry of Internal Affairs. Historical Essay. 1802–1902. St. Petersburg, 1901. 310 p. (In Russ.)
4. Epifanov A. E., Mokhov A. Yu. On the normative definition of the concept of “Food security of the Russian Federation” in the context of ensuring and protecting everyone's right to food // Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2022. No. 1 (45). P. 62–72. (In Russ.)
5. Epifanov A. E. Organization and activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in 1880–1905 // Bulletin of Vladimir law institute. 2021. No. 1 (58). P. 135–142. (In Russ.)

6. Tarasova I. A. On the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in managing the food supply system for the population in the first half of the 19th century // Problems of economics and legal practice. 2012. No. 4. P. 19–22. (In Russ.)
7. St. Petersburg's journal of the Ministry of Internal Affairs. 1829. Book three. St. Petersburg: N. Grech printing house, 1829. 319 p. (In Russ.)
8. Epifanov A. E. From the history of the rear units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire at the formative stage (1802–1803) // Bulletin of the Eurasian Academy of administrative sciences. Scientific and theoretical journal. 2025. No. 2 (71). P. 38–44. (In Russ.)
9. Epifanov A. E. From the history of the organization and activities of the general police of the Russian Empire at the turn of the 19th and 20th centuries (based on materials from the lower Volga region) // Bulletin of economic security. 2023. No. 2. P. 59–64. (In Russ.)
10. History of police of prerevolutionary Russia: a collection of documents and materials on the history of the state and law: a textbook. Moscow: Moscow higher school of police of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1981. 78 p. (In Russ.)
11. Varadinov N. N. History of the Ministry of Internal Affairs. Part 1. St. Petersburg, 1858. 312 p. (In Russ.)
12. Andreevsky I. E. Police law: in 2 volumes. Moscow, 1871. Vol. 1. 648 p. (In Russ.)
13. Andrianov S. A. Ministry of Internal Affairs: historical essay (1802–1901). St. Petersburg, 1902. 171 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

А. Е. Епифанов, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

A. E. Epifanov, Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 02.02.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья
УДК 340

ФУНКЦИИ ПРАВОВОГО КРИТЕРИЯ

Руслан Игоревич Лукьянов

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,
rlukyanov@internet.ru

Аннотация. Исследованию подвергается функциональная характеристика инструментально-гносеологического средства, именуемого «правовой критерий». Делается вывод о зависимости правового критерия от социального. На основании целей права предпринимается попытка выявления специфики трансформации социального критерия в правовой с автоматической сменой его основных направлений действия. В заключение делается вывод о существенном потенциале рассматриваемого инструментально-гносеологического средства, а также необходимости комплексного исследования теории функций правового критерия, включающего в себя вопросы, связанные с классификацией функций, субъектным составом, формами выражения и конкретными результатами действий.

Ключевые слова: правовой критерий, критерии в праве, функции правового критерия, методология права, правовой инструментарий, цели права

Для цитирования: Лукьянов Р. И. Функции правового критерия // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 2 (112). С. 19–27.

Original article

FUNCTIONS OF LEGAL CRITERION

Ruslan I. Lukyanov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia, rlukyanov@internet.ru

Abstract. This paper examines the functional characteristics of the instrumental-epistemological tool known as “legal criterion”. It concludes that legal criterion depends on the social one. Based on the goals of law, an attempt is made to identify the specifics of the transformation of a social criterion into a legal one, with an automatic shift in its primary functions. Finally, it is concluded that this instrumental-epistemological tool has significant potential, as well as the need for a comprehensive study of the theory of legal criterion functions, including issues related to the classification of functions, subject composition, forms of expression, and specific results of actions.

Keywords: legal criterion, criteria in law, functions of legal criterion, legal methodology, legal instruments, objectives of law

For citation: Lukyanov R. I. Functions of legal criterion // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 2 (112). P. 19–27. (In Russ.)

Введение

В юридической науке вопросам определения функций права посвящено большое количество исследований, в виду которых трудно отнести указанное направление пра-

вовой онтологии в раздел дискуссионных. А. И. Абрамов в процессе исследования понятия функций права пришел к выводу о том, что «в отношении понятия функции права ученые проявляют редкое единодушие:

© Лукьянов Р. И., 2026

взгляды разнятся лишь в части, касающейся некоторых компонентов этого понятия и их сочетания в базовом определении функции права» [1, с. 71], что еще раз подтверждает наш тезис о достаточной научно-юридической проработке данного феномена. Однако проблематика функций правовых критериев обходит стороной размышления ученых-правоведов, что в свою очередь создает целый пласт непроработанных вопросов о месте, роли, специфике применения, механизме формирования, а также перспективах использования рассматриваемого средства юридической техники в практике различного рода юридической деятельности.

Разрешить данный пробел были призваны IX Бабаевские чтения, проводимые на базе Нижегородской академии МВД России, под названием «Критерии в праве: теория, практика, техника». В приветственном слове к участникам конференции начальник Нижегородской академии МВД России Д. Н. Архипов, возглавлявший образовательную организацию в тот период времени, отметил, что «представленная тема имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. Ее актуальность обусловлена широким использованием критериев во всех видах современной юридической деятельности при практически полном отсутствии теоретической основы» [2, с. 10].

Тем не менее, даже несмотря на, казалось бы, очевидную актуальность и значимость комплексного исследования природы правового критерия, специализированных работ по заявленной теме практически нет. Большинство исследователей, в изысканиях которых упоминается термин «критерий», предпринимают попытки выявления проявлений его свойств в различных сферах правовой мысли, а также в практико-ориентированной юридической работе. Однако, полагаем, как минимум малоэффективно осуществлять познание неизученной ипо-

стаси правовой реальности с помощью такого же неизученного методологическо-координирующего инструментария, каким и является правовой критерий.

Считаем, что с учетом массовости использования понятия «критерий» в различного рода юридических изысканиях следует отдельно, синтезированным образом выявить функциональную характеристику указанного средства юридической техники во всем плюрализме его сущностно-онтологических параметров.

Методы

При написании научной статьи использовались общенаучные методы индукции и дедукции, абстрагирования, анализа и синтеза, обобщения. Исследование базировалось на диалектическом подходе, который обеспечил всестороннее изучение функций правового критерия. По итогам проведенного изыскания была установлена зависимость правового критерия от социального, выявлена специфика действия правового критерия, а также предложены его функции.

Результаты

Французский мыслитель Вольтер в ходе одного из своих разговоров сказал своему собеседнику: «Прежде чем спорить, давайте определимся с понятиями». Следуя совету первого правозащитника Европы, начнем исследование с определения понятий. Философский словарь под редакцией И. Т. Фролова гласит, что термин «функция» (от лат. *functio* – исполнение, осуществление) – роль, которую выполняют различные процессы и структуры по поддержанию целостности и устойчивости систем, частями которых они являются¹. В свою очередь, Энциклопедия эпистемологии и философии наук предлагает под термином «функция» понимать роль, которую выполняют различные структуры и процессы в поддержании целостности и устойчивости тех систем, частями которых они являются².

¹ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. С. 636.

² Энциклопедия эпистемологии и философии науки / авт.-сост. и гл. науч. ред. И. Т. Касавин. М.: Канон+, 2009. С. 1106.

Исходя из приведенных дефиниций, можно заключить, что функция представляет собой структурную единицу какой-либо системы, целенаправленно осуществляющую определенные действия, в рамках которых происходит поддержание целостности и устойчивости данной системы, а также анализирование степени положительной активности такой функции в масштабе всей системы.

Таким образом, функцию целесообразно воспринимать в качестве своеобразного процесса, направленного на достижение целей системы. При подобном варианте рассмотрения данного феномена критерий также будет выступать системой со своими целями, для достижения которых будут осуществляться его функции. Какие же цели могут быть у критерия? Полагаем, для ответа на данный вопрос вновь следует обратиться к понятиям. Согласно Толковому словарю русского языка «критерий» с точки зрения книжного употребления есть «мерило оценки, суждения», например, критерий истины, верный критерий¹. В Большом энциклопедическом словаре содержится более развернутое определение: «критерий» – средство для суждения, признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо; мерило оценки².

Нетрудно заметить, что в обоих представленных определениях «критерий» упоминается в виде некоего средства, какого-то вспомогательного метода, с помощью которого можно что-то оценить, определить, классифицировать. Резюмируем, что перечень его целевой направленности можно расширить и включить в него, например, следующие гипотетически-вероятностные опции: направление, указание, ориентирование и обеспечение. Исходя из выведен-

ных целевых опций, становится возможным сформулировать цели критерия:

- 1) разграничение и классификация (таксономическая цель);
- 2) оценка и нормативное суждение (аксиологическая цель);
- 3) верификация и обоснование знания (эпистемическая цель).

Представленные цели относятся к социальному критерию и носят универсальный характер, однако, не теряя своей метафизической природы, могут переходить и в иные (специализированные) сферы, например в право. В этой связи убедительной является позиция П. В. Васильева: «Представляется, что вне социальной деятельности юридические критерии не существуют» [3, с. 75]. Правовой критерий вытекает из социального, обретая при этом свои функции при неизменности фундаментальных целей-постулатов «критерия-донора». Полагаем, ключевым отличием социального критерия от правового будет выступать лишь цель его применения, влекущая за собой изменение процессов его санкционирования, видов, механизма действия, а также форм. Минувя откровенно проблемные вопросы специфики формирования, видов, форм, методов, признаков, влияния на динамику политико-правовой реальности, акцентируем внимание лишь на функциях рассматриваемого методологическо-координирующего инструментария.

Отметим, что автор уже подходил к вопросу исследования юридического³ критерия как общеправовой категории, в рамках которого предложил понятие данного явления, а также произвел попытку формулирования его признаков [4, с. 557], что в свою очередь позволяет более предметно определить его функциональную характеристику. Исходя из того, что правовой

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 1997. С. 307.

² Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1997. С. 613.

³ Термины «юридический» и «правовой» автором рассматриваются как синонимичные понятия.

критерий имманентно содержит в себе генеральные цели социального критерия, позволим себе на основании ранее сформулированных целей критерия определить его практическую пользу. Так, считаем, что в рамках достижения целей критерий может использоваться для:

1) структурирования процесса принятия решений путем трансформации хаотичного выбора в логическую систему с заранее сформулированными качественными и количественными показателями;

2) повышения объективизма в принятии решений при помощи абстрагирования от субъективно-образных представлений о том, какой трансцендентальный объект должен быть. Мы поддерживаем мнение Н. А. Трусова о том, что «критерием явления не может быть само явление» [5, с. 466]. Для объективного принятия решений требуется средство, внешнее по отношению к рассматриваемому объекту или явлению, а также не вытекающее из личностных представлений индивидуального сознания;

3) создания возможности выбора, представляющего собой сознательно-волевою деятельность субъекта относительно поведения в правовой сфере [6, с. 365], в рамках которой при принятии решения вместо одного или нескольких вариантов возникает ряд других альтернатив со своими качественными и количественными показателями, которые в перспективе могут быть более приемлемыми в конкретной ситуации;

4) акцентирования внимания на ключевых аспектах, позволяющих более детально рассмотреть специфику трансцендентального объекта или явления на предмет соответствия таким аспектам.

Полагаем, для того чтобы провести качественное, теоретико-правовое исследование функций правового критерия, целесообразно определить его дефиницию.

На наш взгляд, юридический (правовой) критерий – это являющийся частью социальных критериев и вытекающий из общеправовых принципов автономный гносеологическо-оценочный инструмент оценочного и ориентирующего действия,

представленный в виде лексическо-языковых выражений, отраженный как на материальном источнике, так и хранящийся в сознании лица, осуществляющего юридическую деятельность [4, с. 558]. Считаем верным определить цели права, для достижения которых будет использоваться исследуемый методологическо-координирующий инструментарий. В этой связи представляет интерес тезис, выдвинутый В. В. Гурьяновой и Л. Д. Чулюкиным о том, что «цель в праве следует рассматривать как идеальное, т. е. основанное на социально-значимой ценности, гарантированное государством правовое состояние, к которому стремятся субъекты правовой деятельности» [7, с. 40].

По мнению указанных исследователей, целью права будет являться утверждение такого основанного на нем состояния, при котором будут поддерживаться, закрепляться и гарантироваться социально-значимые ценности человеческого общежития. При таком подходе к определению категории «цель в праве» право также будет носить инструментальный характер, посредством которого обеспечивается организация многочисленных социальных связей. Таким образом, критерий в праве – средство для достижения целей права, которое также выступает средством утверждения идеальных, наиболее значимых социальных ценностей. Абстрагируясь от вопросов, связанных с сущностью и содержанием права, перейдем к рассмотрению функций правового критерия, направленных на достижение цели права.

На наш взгляд, наиболее очевидной функцией правового критерия является оценочно-квалифицирующая функция. Именно сквозь призму данной функции любой субъект, осуществляющий различного рода юридическую деятельность, может проводить оценку фактических обстоятельств какого-либо явления или процесса на предмет их соответствия правовому критерию. Если право формируется из социальных норм, которые включают в себя наиболее значимые социальные ценности, то правовой крите-

рий априори будет «впитывать» в себя важнейшие общественные постулаты, которые не будут искажаться при наступлении каких-либо обстоятельств. Если право, формируемое людьми, рождается в результате борьбы за его содержание, то можно смело утверждать о возможности нивелирования значимых социальных ценностей и идеалов в угоду «победившим в данной борьбе субъектам». По справедливому замечанию В. А. Толстика, «бороться за право можно и нужно как до принятия норм права, так и после вступления их в юридическую силу» [8, с. 114] на различных практических этапах. Таким образом, в данном случае оценочно-квалифицирующая функция правового критерия позволяет без искажений аутентичных социальных ценностей и идеалов оценить результаты юридической (правотворческой, правоприменительной, интерпретационной) деятельности, а также квалифицировать действия субъектов права на предмет их соответствия содержащимся в правовом критерии идеальным догмам общественной жизни. Говоря о разрыве между конституционными принципами и реальной практикой организации жизни в обществе, первый президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин, выступая с посланием Федеральному Собранию Российской Федерации, отметил: «Борьба интересов характерна для любого свободного общества. Но она плодотворна, пока ведется в системе демократических ценностей. Это – необходимое ограничение, и оно должно стать критерием правовой оценки любого политика, любой организации, любого государственного института»¹.

Второй функцией правового критерия, по нашему мнению, будет выступать дифференцирующая функция. Указанное основное направление действия правового критерия позволяет разграничить схожие явления и процессы правовой жизни, предотвращая при этом коллизии и отклонения движения права к достижению своих целей. Так,

например, категория «общественная опасность», используемая при характеристике преступления, позволяет разграничить данное явление от формально схожего административного правонарушения. В зависимости от степени нарушения, а также характера посягательства на охраняемые правовыми нормами общественные отношения будет применяться разграничение видов противоправного деяния, которое осуществляется посредством использования дифференцирующей функции правового критерия, содержащего в себе синтез доминирующих в социуме ценностей.

Еще одной функцией правового критерия является компенсационная функция или функция восполнения пробелов в праве. Проявление данной функции можно наблюдать повсеместно: в рамках осуществления правосудия, правотворчества, правореализации, а также при толковании права. Правовой критерий, содержа в себе наиболее значимые ценности и идеалы, может быть использован в качестве средства устранения пробелов в праве путем формулирования фундаментальных нормативных категорий. Полагаем, к таким категориям можно отнести: добросовестность, разумность, справедливость, гуманизм. Данный перечень можно и продолжить, но и этого достаточно для того, чтобы убедиться в гносеологической пользе рассматриваемой функции. Так, например, классическим способом преодоления пробелов в праве является аналогия права, подразумевающая использование общего «духа права», а также общеправовых принципов. Полагаем, сами по себе «дух права» и сопряженные с ним принципы возникнуть не могли. Основанием отнесения данных явлений в раздел «право» является степень соответствия общечеловеческим представлениям о ценностях и идеалах, содержащихся в сущности критерия. По верному замечанию О. В. Мартышина, «ценности не вечны. На протяжении веков

¹ Об укреплении Российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики): послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1994. С. 13 // Ельцин центр. URL: yeltsin.ru/archive/paperwork/12590 (дата обращения: 01.10.2025).

и тысячелетий их набор и характер неоднократно менялся. Часть ценностей устаревала и отходила в прошлое, другие переосмысливались, третьи возникали впервые» [9, с. 7]. Именно поэтому для объективного отражения динамично трансформирующихся ценностей и идеалов следует использовать критериальный инструментарий.

Далее рассмотрим системообразующую функцию правового критерия, позволяющую упорядочить право, выстроив при этом иерархически структурированную и логически взаимосвязанную совокупность входящих в него элементов. Так, например, посредством реализации данной функции формируется структура системы права, ключевой особенностью которой является внутренняя согласованность. На это еще в XIX веке обратил внимание Ф. Энгельс, отметив, что «право должно не только соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть внутренне согласованным выражением, которое бы не опровергало само себя в силу внутренних противоречий» [10, с. 418]. Оставив в стороне вопрос о том, чему должно соответствовать право, согласимся со словами о необходимости единства и логичности его внутреннего строения. В юридической литературе наблюдается плюрализм подходов к определению данного понятия, однако в контексте настоящего исследования нас мало интересует данный вопрос. Гораздо важнее наглядно проиллюстрировать действие системообразующей функции на формирование структуры системы права. В целом поддерживаем мнение Н. Н. Вопленко, состоящее в том, что система права является выражением потребностей общественной жизни [11, с. 11]. Для образца возьмем концепцию структуры системы права, предлагаемую С. В. Полениной, имеющую пять уровней: норма права – субинститут права – институт права – подотрасль права – отрасль права¹. Так, отрасль права образуется ввиду появ-

ления однородных общественных отношений, которые по своему значению должны выделяться в отдельный блок для регулирования. Степень такого значения определяется правовым критерием. В отраслях, в которых объем регулируемых общественных отношений начинает превышать их пределы, формируется подотрасль. Происходит данный процесс ввиду отнесения подобных отношений в раздел «значимых», но органически второстепенных. После формирования первых двух структурных единиц структуры системы права на основании системообразующей функции структурируется и правовой институт, регулирующий один конкретный вид общественных отношений правовыми нормами.

Следующим видом функций правового критерия является гарантирующая функция, обеспечивающая стабильность и надежность «подлинно правового регулирования». Права В. В. Волкова, которая отметила, что «в основе наиболее распространенных определений общего понятия гарантий лежит методологическая посылка, что гарантии – это определенные средства обеспечения фактической возможности пользоваться правами и свободами [12, с. 71]. Несказанно трудно, если вообще возможно, найти в современном цивилизованном обществе тех представителей социальных масс, чьи желания сводились бы к тому, чтобы управление территорией, на которой они проживают, было максимально предвзято и не учитывало потребности, нужды и права населения. Если от имени народа ключевыми прерогативами по принятию правовых предписаний обладают органы власти, то и содержание таких предписаний должно отражать волю социума. В случаях же нарушений подобного «представительного» механизма можно говорить о юридическом деликте властных структур. Об опасности нарушения властью правового порядка говорил еще немецкий правовед Р. Иеринг: «Никакая несправедливость, выпадающая

¹ Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В. К. Бабаева. М., 1999. С. 389.

на долю человека, как бы она велика не была, далеко не может <...> сравняться с той, которую совершает установленная <...> власть, когда она сама нарушает право, ибо в этом случае страж и блюститель закона превращается в его убийцу. Это – то же, что врач, отравляющий больного, опекун, придушающий опекаемого» [13, с. 64]. В данном случае гарантирующая функция правового критерия служит залогом правомерности действий органов внешнего управления. Ярким примером данного вида функций можно назвать некоторые положения текста Основного закона страны, в котором содержатся указания о приоритете прав и свобод человека и гражданина, участия личности в управлении делами государства, ограничения дискреционных полномочий органов власти и другие. Именно гарантирующая функция правового критерия позволяет использовать данные конституционные постулаты для формирования всей системы законодательства государства и вытекающей из нее совокупности подзаконных актов. Гарантирующую функцию также можно рассмотреть в практике деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, в которой высший орган конституционного контроля посредством использования критерияльных функций – гарантий признает неконституционным акты органов власти, тем самым детерминируя их изменение или отмену. С надежностью методов нормоконтроля тесно связана благотворность воздействия проверки конституционности на качество нормативного регулирования, а также системно связанного с ним правоприменения.

Особую роль в современном сложно-организованном обществе играет интегративная функция правового критерия. В условиях плюрализма культурных, политико-общественных, правовых и иных традиций именно данный вид функций позволяет преодолеть правовую дифференциацию, а также достигнуть единого правового пространства. Ведь именно право, по совершенно обоснованному мнению

Е. Т. Усенко, предназначено для «упорядочивания и стимулирования интеграционного процесса, консолидации его содержательных и организационных структур» [14, с. 36]. Критерий, содержа в себе наиболее значимые ценности и идеалы, позволяет создать такой вектор правовой политики государства, при котором, с одной стороны, учитываются национально-культурные особенности жизни отдельных общностей, а с другой стороны, посредством формирования общеправовых принципов организуется универсальность правового регулирования. Следует согласиться с позицией А. В. Малько, в соответствии с которой правовая политика призвана приближать общество к правовому идеалу [15, с. 7], направленному на объединение социума, а также обеспечение паритета общественных масс.

Заключение

Переходя к заключительной части настоящего исследования, обозначим ряд принципиальных положений: 1) обстоятельное исследование феномена «правовой критерий», по нашему мнению, позволит существенно повысить качество правотворческой, правореализационной и правоинтерпретационной деятельности; 2) у критерия (как общесоциального явления) имеются собственные цели, для достижения которых активно осуществляются различные функции; 3) цели правового критерия формируются посредством перехода совокупности желаемых результатов от социального критерия; 4) общие цели права конкретизируют специфику действия функций правового критерия; 5) функции правового критерия имеют оценочно-квалифицирующий, дифференцирующий, компенсационный, системообразующий и интегративный потенциал.

Полагаем, теорию функций правового критерия нельзя ограничивать только данным исследованием. Отдельного осмысления требуют вопросы, связанные с классификацией функций, субъектным составом, формами выражения и конкретными результатами действий. Цель настоящего исследования состояла в выявлении видов

функций правового критерия, а также в наиболее общем их описании с позиций ло-

гико-гносеологического и эвристического подходов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамов А. И. Понятие функции права // Журнал российского права. 2006. № 2 (110). С. 71–82.
2. Критерии в праве: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. В. А. Толстика, П. В. Васильева. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. 529 с.
3. Васильев П. В. О понятии юридического критерия // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6. С. 73–78.
4. Лукьянов Р. И. Юридический критерий как общеправовая категория // Международная конференция Нижегородского Фестиваля науки: сборник тезисов докладов. Нижний Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2025. С. 557–558.
5. Трусов Н. А. Критерий содержания права как проявление идеологем в социокультурном пространстве // Юридическая техника. 2016. №10. С. 466–470.
6. Сомиков К. А. Выбор как правовая категория // Вестник ТГУ. 2009. № 5. С. 364–365.
7. Гурьянова В. В., Чулюкин Л. Д. Общая характеристика цели в праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 1 (59). С. 24–40.
8. Толстик В. А. Борьба за право – социальная сверхзадача, дело всех и каждого // European and Asian Law Review. 2024. Т. 7, № S3. С. 111–117.
9. Мартышин О. В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. М.: Госполитиздат, 1955. 630 с.
11. Вопленко Н. Н. Понятие системы права // Legal Concept. 2009. № 11. С. 11–15.
12. Волкова В. В. К вопросу о понятии гарантий в праве // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 6. С. 71–73.
13. Иеринг Р. Борьба за право. М., 1991. 80 с.
14. Усенко Е. Т. Интеграция как всемирно-исторический процесс и международное право // Московский журнал международного права. 1992. № 1. С. 25–49.
15. Малько А. В., Трофимов В. В. Правовая политика в современной России: проблемы доктринального понимания и формирования // Государство и право. 2013. № 2. С. 5–13.

REFERENCES

1. Abramov A. I. The concept of the function of law // Journal of Russian Law. 2006. No. 2 (110). P. 71–82. (In Russ.)
2. Criteria in law: theory, practice, and technique: a collection of articles based on the proceedings of the all-Russian scientific and practical conference / ed. by V. A. Tolstik and P. V. Vasiliev. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 529 p. (In Russ.)
3. Vasiliev P. V. On the concept of a legal criterion // Actual problems of Russian law. 2017, no. 6. P. 73–78. (In Russ.)
4. Lukyanov R. I. Legal Criterion as a General Legal Category // International conference of Nizhny Novgorod science festival: a collection of abstracts. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University of architecture and civil engineering, 2025. P. 557–558. (In Russ.)
5. Trusov N. A. The Criterion of the Content of Law as a Manifestation of Ideologemes in the Sociocultural Space // Legal Technology. 2016. No. 10. P. 466–470. (In Russ.)
6. Somikov K. A. Choice as a Legal Category // Bulletin of Tomsk State University. 2009. No. 5. P. 364–365. (In Russ.)
7. Guryanova V. V., Chulyukin L. D. General characteristics of the goal in law // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2023. No. 1 (59). P. 24–40. (In Russ.)

8. Tolstik V. A. The fight for the right: a social super-task, everyone's business // European and Asian law review. 2024. Vol. 7, no. S3. P. 111–117. (In Russ.)
9. Martyshin O. V. The problem of values in the theory of state and law. State and Law. 2004. No. 10. (In Russ.)
10. Marx K., Engels F. Works. Vol. 37. Moscow: Gospolitizdat, 1955. 630 p. (In Russ.)
11. Voplenko N. N. The concept of a legal system // Legal Concept. 2009. No. 11. P. 11–15. (In Russ.)
12. Volkova V. V. On the concept of guarantees in law // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. No. 6. P. 71–73. (In Russ.)
13. Jhering R. The struggle for the right. Moscow, 1991. 80 p. (In Russ.)
14. Usenko E. T. Integration as a world-historical process and international law // Moscow journal of international law. 1992. No. 1. P. 25–49. (In Russ.)
15. Malko A. V., Trofimov V. V. Legal policy in contemporary Russia: problems of doctrinal understanding and formation // State and Law. 2013. No. 2. P. 5–13. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.10.2025; одобрена после рецензирования 23.01.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 09.10.2025; approved after reviewing 23.01.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья
УДК 323.2:811.161.1(470)(091)

**РУССКИЙ ЯЗЫК – ЭТНИЧЕСКОЕ НАЧАЛО
В ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМ СОЦИАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ РУСИ,
СТАНОВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
РОССИИ И КУЛЬТУРЫ ЕДИНОГО ОТЕЧЕСТВА**

Борис Зуфарович Маликов

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия,
malikov_bz@mail.ru

Аннотация. Содержание настоящей статьи отражает актуальные теоретические оценочные знания о политико-социальном значении русского языка в истории формирования основного его носителя – русского этноса. Также важным аспектом истории Руси было то обстоятельство, что формирование ее социума было сопряжено с двуединым социальным процессом – крещением значительной части русского и нерусского населения и обращением его преимущественно в православие, с одной стороны, и самостоятельным посвящением себя «инородцами» (тюркоязычным и иным народами) в иную религиозную веру – ислам – с другой. Государственность Руси и Российской империи в реализации своих политических целей и решении социальных задач, включая вопросы культуры общества, в основном опиралась на религиозное мировоззрение, а также идеологию и организационные возможности Православной церкви. Религиозность и церковность ислама учитывалась центральной властью в целях достижения общей социальной пользы для социума России и мусульман в частности.

В РСФСР и СССР русский язык стал социальным «инструментом» реализации политики интернационализма и сближения всего трудящегося народа, создания общего социально-политического и культурного пространства. Государство закрепило за собой общесоциальные функции посредством принятия конституций РСФСР и СССР, создав органы ЗАГСа, нотариата, суда, статистики, образования, социального обеспечения и культуры, не запретив церкви исполнять свои таинства общесоциального характера и значения в качестве религиозных форм и традиций.

Преимущества социально-политической организации в РСФСР и СССР на основе русского языка проявились в результате борьбы советского народа в годы Великой Отечественной войны. Тем самым русский язык сыграл свою великую роль в формировании общего Отечества для всех народов и этносов.

Ключевые слова: язык – социальный фактор, жизнь человека, социум, этнос, русский язык, география России, Россия – общее Отечество, русская и православная государственность, ислам в России, значение социализма в России, СССР и мире

Для цитирования: Маликов Б. З. Русский язык – этническое начало в объединительном социальном процессе Руси, становлении государственности России и культуры единого Отечества // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 2 (112). С. 28–41.

Original Article

**THE RUSSIAN LANGUAGE IS AN ETHNIC ORIGIN IN THE UNIFYING
SOCIAL PROCESS OF RUSSIA, THE FORMATION OF THE STATEHOOD
OF RUSSIA AND THE CULTURE OF A SINGLE FATHERLAND**

Boris Z. Malikov

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia,
malikov_bz@mail.ru

© Маликов Б. З., 2026

Abstract. The content of this material reflects the current theoretical evaluative knowledge about the political and social significance of the development of the Russian language in the history of the formation of its main speaker, the Russian ethnos. Another important aspect of the history of Russia was the fact that the formation of its society was associated with a twofold social process – the baptism of a significant part of the Russian and non-Russian population and its conversion mainly to Orthodoxy, on the one hand, with the presence of independent initiation of themselves by “non-Russians” (Turkic-speaking and other peoples) into another religious faith – Islam, on the other hand. The statehood of Russia and the Russian Empire in the implementation of its political goals and the solution of social problems, including questions of the culture of society, was mainly based on the religious worldview, as well as the ideology and organizational capabilities of the Orthodox church. The religiosity and churchliness of Islam were taken into account by the central government in order to achieve the general social benefit for the society of Russia and Muslims in particular.

In the Soviet period in the RSFSR and the USSR, the Russian language became a social “tool” for implementing the policy of internationalism and rapprochement of the entire working people, the creation of a common socio-political and cultural space. The state took away general social functions from the Church, through the adoption of the Constitutions of the RSFSR and the USSR, creating the bodies of the registry office, notaries, courts, statistics, education, social security and culture. The advantages of the socio-political organization in the RSFSR and the USSR on the basis of the Russian language were manifested in the results of the struggle of the multilingual Soviet people during the Great Patriotic War. Thus, the Russian language has played its great role in the formation of a common Fatherland for all peoples and ethnic groups.

Keywords: language as a social factor, human life, society, ethnos, Russian language, geography of Russia, Russia common Fatherland, Russian and Orthodox statehood, Islam in Russia, significance of socialism in Russia, the USSR and the world

For citation: Malikov B. Z. The Russian language is an ethnic origin in the unifying social process of Russia, the formation of the statehood of Russia and the culture of a single Fatherland // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 2 (112). P. 28–41. (In Russ.)

Введение

В общей теории и истории государства и права, политологии и социологии весьма схематично отражены вопросы становления русского этноса, его роли в формировании русского языка и культуры, идеологии православия и ислама, идеологических начал социализма в РСФСР и СССР. Безусловно, в формировании русского этноса большая энергетическая и социальная роль принадлежала русскому языку как объединительному и мобилизующему началу. Вместе с тем становление русской культуры и совершенствование самого языка происходили при главенствующей роли идеологии христианства и, в частности, Православной церкви, а также не без влияния религии и церковной деятельности другого идеолого-церковного направления – ислама. Эти взаимодействия Русского государства, православия и ислама, проявления культур разных народов и многие другие факторы рождали не всегда конструктивные социальные начала

и их последствия, а также острые противоречия. Тем не менее русский язык лег в основу политики государства, формирования русского этноса, культуры и отчасти логики и содержания православной церковной деятельности.

В данной статье отражена связь динамики развития русского языка и социальных процессов в истории России.

Методы

Теоретическое исследование русского языка как интернационального социально-государственного начала для разноречивого общества Руси и России обеспечивалось с учетом особенностей и закономерностей диалектики, проявляющейся в социальных процессах субъективного свойства, которые, придавая порой сильную устойчивость общественным отношениям, приравнивали их по своим признакам и степени востребованности в качестве конструктивной основы социума к явлениям объективной природы.

В исследовании использованы следующие методы: материалистической диа-

лектики, анализа и синтеза, исторический, комбинирования знаний из разных наук о природе человека (философии, политологии, теории государства и права, истории государства и права, социологии, лингвистики и др.), о формировании и значении его языка, об использовании человеком языка в разных форматах повседневной, религиозной, политико-идеологической и духовной жизни. Закономерности развития русского языка рассматривались с позиции его социальной многомерности как социального инструментария, накопителя, носителя и средства распространения знаний и достижений науки и культуры. Исторический метод был использован при обращении к процессу эволюции языка и культуры на основе православного христианства и ислама, теории и практики построения социализма в РСФСР и СССР, а также принудительного возврата страны к капиталистическим условиям организации экономики и жизни народа.

Результаты

Речь, языковые и вербальные способности – это отличительные биолого-социальные качества, которыми наделен только человек.

Язык народа – это уникальное творение, возникшее в результате социального, родового, родственного, семейного взаимодействия людей, способ вербального общения и организации бытия, который подвергался значительному воздействию разных культур, этносов. Мировые социальные процессы выделили 25 самых значимых, широко употребляемых в количественном выражении их носителей и пользователей языков¹. Функционально язык сблизил практически все народы. Ведь он нес в себе знания межличностного, общесоциального и мирового значения. Более того, в повседневной, а также в мировой практике язык стал индикатором уровня личной культуры, развитости и социализации человека, его способности

к общению, показателем проявления его воли к взаимодействию либо противодействию и агрессии.

Вместе с тем в XXI веке русский язык для отдельных политиков и граждан государств Европы стал социальным «раздражителем». Причинами тому являются не только то, что его признают, уважают и знают за пределами России люди, ценящие русскую культуру и историю, да и сам язык, как «могучий», «выразительный», «утонченный» и несущий в себе жизнь и глубокий человеческий смысл.

Конфликты по поводу языка в современном мире возможны как достаточно рядовое явление. Они не столько связаны с борьбой за свой «язык», сколько как элемент проявления невежества и низкого уровня культуры. Весь вопрос в том, что разноуровневые социальные, межэтнические, межнациональные, межрасовые «противоречия» получают свое выражение прежде всего посредством использования языка, вербальных особенностей человека. Как правило, язык составляет основу каждого этноса и народа, культуры. Борьба за разрешение противоречий всегда ведется на основе языка – диалога, монолога, диктата, переговоров, возражения, протеста, ультиматума, угроз, предъявления требований, выражения оппоненту пренебрежения, неуважения. Таким образом, язык, будучи вербальным средством общения, становится сильнейшим потенциальным средством дипломатии, а также главным социальным инструментом противоборства или сплочения народа воедино.

В отношениях людей решающее значение имеют сложившаяся культура народа на основе языка, обычаев и традиций, ее характер и степень адаптации к всеобщему укладу цивилизации и международным взаимодействиям. В этой связи примечательно так называемое несовпадение взглядов и подходов к оценке этнических особенно-

¹ Мягкова Е. Русский и еще 24 самых распространенных языка в мире // Ассоциация туроператоров. URL: <https://www.atorus.ru/node/55879> (дата обращения: 21.09.2025).

стей, взаимодействия народов и роли языка в нем представителей двух направлений: теоретиков и ученых, занимающих разные позиции в его оценке как социального инструментария, – примордиалистов и конструктивистов.

Сторонники примордиалистского подхода убеждены, что местная социокультурная реальность отмечена самобытностью, и прежде всего это касается вопросов политики, культуры и повседневной жизни конкретного народа.

В конструктивистском подходе социальные, политические, экономические и исторические процессы и условия сочетают в себе понимание и учет факторов и процессов в «конструировании» наций и этнических групп. Почти все представители этого направления полагают, что вследствие возрастания рациональности и сложности современного общества социальные идентичности, основанные на «мифах» культурной самобытности и подлинности, становятся ненужными и неуместными.

Характеризуя основную особенность связи между языком и этничностью, примордиалисты рассматривают ее обязательной, неоспоримой, закрепляющей преемственность между поколениями. Сохранение подлинной этнической идентичности, по их мнению, невозможно без традиционно связанного с ней языка. При этом в качестве обоснованности своей позиции отмечают, что размывание языка, как правило, ведет к переформатированию этнических начал. Это не совсем так, «побеждают» сильные социальные начала. За последние 100 лет в СССР и Российской Федерации ушло более 15 языков, а результаты проведенной в 2021 году переписи населения России указали на пять исчезнувших языков и один заснувший¹.

С позиции конструктивистов, имеется немало «свидетельств» обратного: утрата связи с языком не приводила к утрате

соответствующей этнической идентичности, и наоборот, известно, когда народ исчезал (римляне), а язык продолжал жить: в образовательных институтах, в культурных артефактах и других языках (латинский).

Отношение к корням, традиционным ценностям и нравственным ориентациям у примордиалистов и конструктивистов также различно. Если примордиалисты стремятся к сохранению древних святынь, то конструктивисты отказываются от «старых» источников.

Примордиалисты также утверждают, что народы, утратившие свой язык и традиционно связанную с ним этнокультуру, испытывают на себе мучительный опыт пребывания «между жизнью и смертью». Вместе с утратой языка они теряют свои сложившиеся представления о нравственности, значимости прошлого, настоящего, будущего.

Европейский союз, как политико-социальная структура государств Европы, обозначил для каждого гражданина задачу овладения тремя языками. Однако есть другой путь – определение единого языка междunarодного общения. Таковым может выступать английский язык.

Мы полагаем, что современный Евросоюз подвергается глобальной проверке на «социальную и политическую зрелость» и самостоятельность как интегративное европейское континентальное начало. Также ряд конкретных государств, входящих в Европейский союз, уже испытывают в нем дискомфорт от «согласованности мер» в сферах политики, экономики, обороны, участия в конфликтах и санкциях. Социальная, экономическая и военная, а также санкционная и «грабительская» политика НАТО в международных делах, как составляющие элементы политики Евросоюза, в настоящее время отражает основное противоречие этой политико-социальной конструкции, лишаящее его права на ли-

¹ В России выявлены пять вымерших языков и один заснувший // Российская академия наук. URL: <https://new.ras.ru/activities/news/v-rossii-vyyavleny-pyat-vymershih-yazykov-i-odin-zasnuvshiy/> (дата обращения: 07.12.2025).

дерство, на стандартизацию миропорядка в Европе, на декларирование форматов прав человека. Поэтому до реализации вопроса унификации языков в Европе в интересах цивилизационных и рыночных проектов может дело и не дойти. Сейчас остро стоит сам вопрос о политическом и социальном «выживании» самого Евросоюза.

Как отмечают психологи и лингвисты, язык является социальным инструментом глобального мышления и в определенной мере формой коллективной рефлексии. Сам же процесс сближения и интернационализации народов по объективным причинам будет продолжаться, меняя содержание коллективной рефлексии. Но сильные по мировому значению языки, в том числе и русский язык в условиях России, сохраняют свое этническое и общенациональное начало как носители духа каждого из народов. Такой двойственный и естественный процесс обусловлен рядом обстоятельств: а) культурным нивелированием «малых» этносов и народов с их ориентацией на единый русский язык как основной и государственный язык, что будет способствовать их большей и более полной интеграции в общую сильную культуру страны; б) утрата этнического языка в России позволяет отдельным этносам переходить на использование другого, близкого по этничности и культуре, языка; в) на международном уровне еще не скоро появятся предпосылки формирования универсальной массовой культуры с владением двумя или тремя языками (для этого необходимо наличие устойчивого разноязычного разговорного пространства и соответствующего интереса к владению ими и использованию их, а также наличие сильного взаимного экономического и культурного притяжения разных народов).

Следует отметить оценку языка, данную В. фон Гумбольдтом: формы всех языков восходят к одной форме – «и весь род человеческий говорит на одном языке, а каждый человек обладает своим собственным языком» [1, с. 184].

Сохранение существующих сегодня в мире языков помогает не терять культурное наследие их обладателей; процесс «смены» языков, как и смены поколений, неудержим.

Язык этноса был и остается началом его социализации, а формы этого процесса самые разнообразные. Формирование самобытного языка – это долгий и самостоятельный социальный процесс, который не воспринимает, как правило, внешнее принудительное вмешательство. Попытки создания некоего общего языка – это идея какого-то конструктивизма, зачатки которого будут отвергаться изначально в силу того, что пока нет объективных причин и обстоятельств глобализации, сближения людей в европейском или даже планетарном масштабе.

Ученые-философы, политологи, правоведы, социологи отмечают, что в жизни реально действует развернутая система оппозиций и противодействия: официальная / неофициальная, легальная / нелегальная, ответственная / нигилистическая, гражданская / приватная, классика / «попса» и т. д. В этих неординарных процессах роль играет специфичность языка.

Различают язык официального стиля, субъектом которого выступает, как правило, властно определенное лицо. Стиль языка четкий, сдержанный, отражает сущность проблемы, имеет нередко повелительное наклонение, определяющее выполнение каких-либо обязанностей или уточняющее пределы прав.

«Неофициальный» язык – это стиль языка повседневного общения и передачи информации. Характер его зависит от уровня личной культуры и образованности.

«Легальный» язык близок к понятию официального языка, но с элементами понимания допустимости, непротиворечивости закону, незапрещенности и открытости текста или речи.

«Нелегальный» стиль языка характеризуется ограниченностью своего применения в силу действия запретов или наличия обязательной цензуры, других форм внешних

оценок и контроля, рассчитан на определенный круг общения.

«Ответственный» стиль языка соответствует стандартам официальных требований, в том числе этических, правовых, корпоративных.

«Нигилистический» стиль языка отражает явное пренебрежение к требованиям этических и правовых норм, а также к стандартам общепринятой этики и культуры.

Язык «гражданского», то есть публичного, общения формируется на основе признания публичного характера использования языка, который должен выстраиваться на основе соблюдения принципов осознания массовости и разнополярного его восприятия, обязательного соблюдения норм этики, права, а также уважения к потенциальным слушателям, не нести в себе криминальных призывов.

Язык приватного, то есть частного, свойства чаще используется в узком кругу лиц при доверительном общении, нередко имеет интимный характер в режиме строгой ограниченности для распространения информации.

Язык классики применяется чаще писателями-романистами, специалистами-исполнителями классических произведений, которые, как правило, имеют талант, а также специальную классическую подготовку.

Язык популярного исполнительства чаще используется для выражения своего мастерства и способностей при исполнении произведений, не отличающихся классической творческой значимостью и отвечающих только потребностям определенного круга слушателей и зрителей.

В литературе выработано множество вариантов действий словом, приемов, жанров, сюжетов, с помощью которых авторы Н. И. Новиков, Ф. А. Эмин, М. Д. Чулков, И. А. Крылов стремились довести до читателей свои истины через специфику языка произведений [2].

Слово и речь помогли человеку развить разные виды и формы мышления, использовать их в преумножении знаний, а последние поднять до уровня разных отраслей научных

знаний, поэзии, прозы, песенного искусства. Совершенство языка было и результатом качественного изменения самого человека, а рост культуры человека требовал еще большего и глубокого интеллектуального насыщения содержания самого языка.

Русский язык как государственный инструментарий и язык межэтнического (межнационального) общения в России также приобретает универсальное практическое и духовное значение на пространствах Евразии. В целом язык стал важнейшим инструментом социального взаимодействия народов России. На международном уровне русский язык был менее интернационален в сравнении с рядом языков стран Европы, которые несли их в другие социумы в процессах колонизации новых территорий, расширения международного взаимодействия. Например, на американском континенте нет американского языка. Вся Америка говорит и думает на разных языках народов и государств – «покорителей» континента, мигрантов и рабов, аборигенов. Не свой по ряду причин язык, как язык родного Отечества, у большинства граждан Австралии, у некоторых народов африканского континента, где на уровне государственных языков выступают языки народов ряда стран Европы. Для местных же жителей континентов и островов, таких как Африка или Новая Зеландия, Гренландия, и конкретных стран иноземные языки не являются элементами национальной культуры, социума, факторами гордости для нации, социальными обстоятельствами, порождающими патриотические чувства и дающими соответствующие этнонациональные импульсы.

Для граждан современной России является значимым то обстоятельство, что русский язык признан всеми населяющими ее народами не только по конституционному его определению в качестве государственного и официального языка, но именно в качестве его объединительного начала, как общего языка для всех, языка единого Отечества. Русский язык – основа организации федеральной власти, выражения законно-

сти, правопорядка и правосудия, школьного и вузовского образования, средство распространения знаний и значимой для граждан страны информации. Он образует форму и сущность всех официальных документов, иных текстов различных уровней жизненного, социального обихода и потребностей; как язык: русской науки, политики, экономики, права, философии, литературы, поэзии и других направлений человеческой деятельности.

Процесс становления и развития русского языка был и есть результат социальной деятельности славянских и неславянских народов Руси, а далее Русского государства, Православной церкви, специалистов-лингвистов, которые на протяжении не одного тысячелетия формировали данный язык как социальную основу русского и иноязычного этносов страны, как фактор общей культуры и организации жизни, как источник и носитель высокой культуры, здравого смысла жизни, утверждения и поддержания чести и достоинства всех граждан единого Отечества.

Следует отметить еще один важный исторический факт в становлении социума и государственности для народов всей России. После крещения Руси Православная церковь взяла на себя ведущую роль по окормлению всех слоев населения, относя верующих лиц к числу православных сограждан и, соответственно, принадлежащих к славяно-православной общине. С тех времен перед церковью всегда был в качестве основной цели и задачи вопрос вечного «долголетия» своей власти в божественном ореоле праведности и ответственности. Тем самым церковь как бы обеспечивала «властные функции», то есть не власть свою непосредственно, не своей организации и уставной определенности, а представляла собой лишь интересы в качестве посредника «власти высших Божественных сил». В процессе реализации виртуальной божественной власти, идущей от высших сил, церковь, как социальная функциональная единица и структура, не несла практически ни перед кем ответ-

ственности за свои внутренние дела. Она нередко сама выступала вершителем судеб и реализации «своей нормативности», в том числе и по вопросам даже лишения жизни человека; самостоятельно обеспечивала процессы самоорганизации, а также самодостаточность и привлекательность в социуме путем идейной, религиозно-церковной экспансии, миссионерства с помощью сильных и преданных служителей церкви, устойчивых форм передачи опыта богослужений, своих религиозных знаний и других церковных дел по подготовке кадров священнослужителей, поддержанию и расширению материальной базы церкви, финансовой основы, а также предметного противодействия богохульству и нападкам на церковь и др.

Под сенью Православной церкви и благодаря ее определенной позитивной деятельности на Руси и в России осуществлялся ряд полезных общесоциальных мер. Церкви и храмы стали основой сподвижничества религиозных деятелей по распространению религиозной и социальной культуры, а также по осуществлению именно тех объективно необходимых дел, до которых у государства еще не было должного интереса, внимания и социальной ориентации (понимания некоторых насущных проблем человека и социума) либо средств, организационных форм, подготовленных людей (кадров), материальной основы (зданий, сооружений, опыта). Это был период истории развития самого социума Руси, когда государство еще не поднялось до уровня осознания и понимания необходимости и возможностей формирования государственной политики в целом и по основным направлениям своей деятельности (в том числе по социальному) в частности. Слабый, никак не организованный социум с древних времен оказался в центре внимания и заботы церкви. Верующие люди приняли и православную веру, и Православную церковь как место поклонения Всевышнему и земного умиротворения. Православие на русских территориях явилось и является

одним из самостоятельных и самодостаточных направлений первой мировой религии – христианства. Православная церковь дала миру кириллицу – славянскую письменность, печатное дело, заложила основы организации социальной негосударственной деятельности и культуры. Православие же объединяло своим религиозным мировоззрением и культурой, как правило, большинство верующих из числа русского и иных славянских этносов. Поэтому, когда речь идет о славянах, то, как правило, подразумевается их принадлежность к православию. Однако мы не в полной мере разделяем оценку доцента В. А. Корнеева, что в момент крещения Руси «...происходило пробуждение русского духа, который вступил во взаимодействие со всем окружающим культурным миром и создал новую – православную культуру» [3, с. 274].

Русский дух, как социальная этническая реальность, к тому времени уже сложился и проявился на территории будущей Руси, иначе этот социум не стал бы именоваться этносом, давшим Русскому государству истоки формирования. Православная церковь и вера, как социальный формат религиозной духовности, вошли в пространство Руси в качестве властно-культурного фактора и первого проявления организованной социальной деятельности в обществе, что соответствовало уровню и характеру своего времени. Уважаемый автор вышеобозначенного утверждения как-то упустил из своего внимания то, что в X веке уже шел процесс продвижения новой мировой религии – ислама. Он уже присутствовал в мире в качестве религиозного сознания и мудрости у представителей, как правило, неславянских этносов на Руси.

Ислам по своей религиозной сущности и церковной организации, как и христианство и православие, также имеет явные признаки религиозно-церковной идеологии. Это означает, что обе мировые религии, наряду с мировоззренческими аспектами своей деятельности, имеют в виду и реализацию

своего властного воздействия на верующих лиц, в том числе политического характера. На это свойство в деятельности Духовного управления мусульман Российской Федерации (далее – ДУМ России) указал председатель Национального антикоррупционного комитета К. Кабанов. В частности, он отметил, что в деятельности той или иной организации необходимо разделять религиозные отношения и политические, ДУМ России уже давно стало политической организацией, причем она имеет много сторонников, среди которых много радикалов, в том числе приезжих. Мы до сих пор не привыкли разделять на уровне государства политические провокации и некие религиозные действия. Единственно можно возразить К. Кабанову, что мировые религии, а точнее содержание церковной их миссии, имели и имеют изначально два направления: религиозное и политическое (идеолого-властное).

Возвращаясь к проблеме оценки проявления «русского духа» как историко-социального объективного проявления, то – это результат длительного, самостоятельного и сложного социального процесса – взаимодействия разных этносов и народов на просторах будущей Руси. Православная же церковь лишь уловила этот фактор русского духа и удачно, а точнее филигранно, использовала в своей церковно-религиозной идеологии и культуре.

Тем самым по объективным и субъективным причинам на Руси с X века фактически формировались разные направления развития этносов, их культур и социальных позиций с активным влиянием христианства, православия, ислама, наличия утвердившегося опыта многобожия и других религий. Различная религиозность и церковность на уровне всеобщего бытия при достаточности форматов язычества, как неоднозначных идеологических, теологических построений, еще долго, если даже не до сегодняшних дней, тревожат умы и души как верующих людей, так и людей, свободных от теологического (религиозного) сознания и влияния.

Лица, исповедующие ислам, получили в социуме категориальное религиозное титульное наименование, подтверждающее их конкретную религиозную и нередко этническую принадлежность, – мусульмане.

Таким образом, со времен формирования русского этноса на Руси, возрастания его в количественном выражении, консолидации в рамках огромного, практически свободного географического пространства, этнического преобладания, усиления русского этнического влияния в едином социуме путем социально-конструктивной активности и политической деятельности, а также в условиях неудержимого развития социального процесса он всегда был неотъемлемой частью жизни и социальной деятельности и для других народов и этносов, дифференцированных по признакам внешнего облика, культуры, языка, по обычаям и традициям, религиозным предпочтениям.

Имевшая место слабая развитость общей культуры, а также этнические, ментальные и религиозные предрассудки о «разной» и несовместимой идентичности людей в определенной мере мешали более активному сближению народов. Порой они же на долгие годы порождали неприязнь, ненависть и вражду между целыми поколениями людей. Религиозные каноны и барьеры нередко влекли за собой противостояние отдельных групп населения на территории России. Длительный период истории на землях Руси, начиная с X по XVII век, шли процессы массового движения различных кочевых народов и этносов, вторжений иноземных завоевателей, поработителей, захватчиков, случались разные междоусобные войны.

В результате отсутствия достоверных сведений о многих исторических событиях на огромных, практически нетронутых просторах северных земель Руси, Урала, таежной Сибири и Дальнего Востока сформировалась своеобразная, не вполне точная официальная историография. Это вызвало ряд вопросов о реальных социальных процессах на обозначенных территориях.

В таких ситуациях, видимо, не следует заниматься предположениями и поиском какой-то особой истины. Мы полагаем, что историю конкретных государств порой надо принимать такой, какой она сложилась за последние 500 лет, так как этот период государственности оставил для потомков хоть какие-то более менее конкретные результаты своей социальной, политической и экономической состоятельности либо более понятную историографию на основе сложившихся языков, письменности и книгоизданий, сохраненных официальных документов.

Конечно же, сам процесс крещения Руси имел большое социальное значение на всем пространстве формирующейся Руси. При этом следует иметь в виду, что в X веке н. э. уже на протяжении более трех столетий в мире шел процесс утверждения религии и церковности ислама. Поэтому крещение Руси следует рассматривать не в качестве объективного самостоятельного выбора этой веры народом нарождающейся государственности. На Руси в продвижении этой веры работали иные механизмы принятия более подходящего для русского этноса философско-религиозного мировоззрения. Ислам, как мировая религия, возможно, был ответом на уже сложившуюся религию и культуру христианства.

На Руси эти два направления религиозной идеологии мирового значения и признания начали действовать почти одновременно, но христианство находилось под официальной опекой государства. Ислам на Руси и в России имел намного меньше преференций от государства. Представители этих основных религиозных направлений по-разному позиционировали себя в социуме России и в своих общинах.

При оценке отдельных периодов становления социума и государственности России следует всегда учитывать тот фактор, что заселяли территорию формировавшейся Руси разные народы, обживали эти местности удельными (вотчинными) этническими образованиями либо в составе княжеств, городов, крепостей, ханств и других социальных образований. Терри-

тория и народы нарождающейся Руси, а также ее другие социальные образования в более ранние времена нередко подвергались варварским и захватническим набегам со стороны половцев, печенегов, хазар. Все это находило отражение в судьбах тех мест и народов, где эти события имели место быть. В более поздние времена на Руси основными социальными образованиями в форме княжеств, ханств, городищ были города: Киев, Владимир, Великий Новгород, Смоленск, Полоцк, Ростов, Муром и Псков. Также примером древнего поселения социально-экономического и в какой-то мере государственного значения был торговый город на Волге – Булгар, дата основания Казани под вопросом¹. Эти и другие значимые города и княжества становились опорными населенными пунктами государственности Руси.

До наших дней дошли скудные сведения, которые были получены краеведами и историками из определенных «источников». По политическим и иным соображениям они не всегда имели и имеют форматы реальных объективных подтверждений исторических событий и фактов (например, сведения о татарском или монгольском нашествии на Русь, так и ряда военных акций в древние века либо о социальной форме организации, осуществления и реализации видов власти, княжеской и общинной жизни народа на определенных территориях Руси). Однако утверждения о власти орд и ханств, об осуществлении отдельных военных акций, а также о реализации политики «экономического» давления на города и княжества конкретных орд имеют слабое историческое подтверждение и только преимущественно в форме мифологий, сказаний и недостаточно подтвержденных артефактами «летописей», кроме образований в форме ханств.

Русский этнос, обозначивший своим бытием территории и географию расселе-

ния и жизненного утверждения, длительное время в процессе своего формирования подвергался насилию и социальному истощению, находясь в «тисках» разнородной и разноэтнической агрессии завоевателей, экономического давления, навязывания унижительных и жестоких требований. Это был общий долговременный социальный фон непримиримости, вражды, взаимных претензий русского и других народов, а также разных религиозных верований на общей территории Руси и будущего общего Отечества.

Земли Руси и России ряд столетий испытывали разобщенность, имели неопределенный статус, без четких границ и должного сильного управления ими. Даже вплоть до XVII века власть на «русских землях» еще оставалась очень хрупкой и неустойчивой.

Войны на Руси с иноземными завоевателями, а также борьбу с татаро-монголами, Казанским, Астраханским, Крымским, Сибирским ханствами можно оценивать по-разному: как разные форматы динамичного процесса формирования единой географии земель Русского государства, как политико-социальный объединительный контур движения всех народов и этносов России в единое разноликое и разнорелигиозное, разнорелигиозное социальное образование – единое Отечество, которое продолжалось не одно столетие. Со стороны русского этноса и государства тех времен по внешним признакам военных действий, походов, устройств военных гарнизонов-крепостей однозначно не означало наличия проявлений военной экспансии и тем более признаков порабощения коренных народов. Тем не менее вплоть до конца XIX века такая практика межгосударственных отношений была «нормальной» в разрешении территориальных споров и конфликтов, так как на тот момент еще не завершился процесс освоения «нетронутых» цивили-

¹ Искандер Измайлов о том, почему Сталин решал вопрос о круглой дате Москвы, на Украине добавляют столицам по 200 лет // БИЗНЕС online. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/646437> (дата обращения: 07.12.2025).

лизацией земель и установления по отношению к ним государственно-властного суверенитета.

Российская государственность с преобладанием русского этноса, православной веры и церкви воспринималась нерусским этносом и иноверцами не с полным доверием, с настороженностью и определенной внутренней закрытостью, отстраненностью. Социальными барьерами для большинства из них для продвижения по «лестнице» успешности было незнание или плохое знание русского языка, отсутствие образованности, низкий уровень общей культуры, иная вера.

Церковно-религиозные начала для разных этносов и народов России были серьезными идеолого-ментальными препятствиями для их сближения. Идейные религиозно-церковные несовпадения сохраняли определенную обособленность приходов и дистанцированность верующих лиц, определенную идеологическую конкуренцию по предмету спора. Чья вера более правильная? Этот вечный и укоренившийся в религиозных представлениях на уровне эмоций рядовых прихожан вопрос приводил и приводит к противоправным конфликтам. Противоречия конфессионального характера в настоящее время реально существуют во взаимодействиях между верующими лицами: а) дифференциация верующих на христиан, мусульман, буддистов, иудеев и др.; б) наличие разных приходов; в) неоднозначное по процедуре приобщение к вере и посвящение в религиозные дела; г) своеобразие традиций и праздников; д) разное по форме и содержанию религиозное сопровождение прихожан по жизни, разная религиозная этика и эстетика, решение и организация брачных вопросов, места погоста и процедуры погребения.

Реальные мировоззренческие позиционные и ментальные религиозные «несовпа-

дения» в среде верующих лиц в настоящее время активно используют реакционные и подрывные силы и спецслужбы недружественных России государств¹.

Межличностные противоречия и противостояния – это антипод принципам социальной организации, которые отрицают надежды на достижение всеобщей гармонии в мире и благоденствия в нем. Негативные признаки проявления биологических инстинктов человека, таких как: «борьба» за выживание, «за лучшую жизнь», за «лидерство», «наличие преимуществ», «несдержанность», «ненасытность и алчность» по отношению к благам и «сверхпотребностям», стремление к «доминированию», проявлению «агрессивности» как средства давления на соперников и среду окружения, – эти качества постоянно присутствуют у индивидов и «стремятся вырваться» из его естества и проявиться в реалиях социума.

Противостояние людей возникали и проявляются в социуме на объективной основе – это владение природными ресурсами, благами и предпочтительными местами обитания. Отчасти противоречия возникали между людьми на основе инстинктивных проявлений, обусловленных желанием «выжить», и из-за низкой личной культуры.

Каждая личность в любом другом человеке всегда видела своего оппонента, соперника и нередко врага, хотя жизнь заставляла людей со времен первобытно-общинных отношений объединять свои усилия в противостоянии природе, в ситуациях необходимости добывания себе пропитания и выживания как рода человеческого. Объединительные процессы людей бок о бок шли с социальными и межличностными конфликтами. Проявление людьми в социуме своей агрессии как способа самоутверждения и выражения своих претензий на что-либо, в том

¹ Егоров П. Как защитник мигрантов пообещал превратить Москву в Москвабад // ВФокусе Mail. URL: <https://vfokuse.mail.ru/article/kak-zaschitnik-migrantov-poobeschal-prevratit-moskvu-v-moskvabad-67080028/> (дата обращения: 21.07.2025).

числе на территорию своего обитания, на принадлежность к сфере своего покровительства других людей, просто из принципа «чужие – не свои», «чужие – враги и угроза сложившимся отношениям», до настоящего времени не преодолены ни на уровне национальных государств, ни на уровне общего международного формата миропорядка.

Естественный и исторический ход формирования этносов, наций и народов как результат объективного социального процесса, вне проявлений конкретных личностей, значимых и незначимых событий, дал миру те основные результаты социальных движений, которые сложились на основе прежнего опыта и достижений на рубеже XVIII–XX веков.

Как отмечают А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова: «Видный российский географ, имевший тесные контакты с правительственными и военными кругами, П. П. Семенов (будущий Тян-Шанский) в связи с 300-летним юбилеем присоединения Сибири к России прямо ставил вопрос: а было ли движение в Сибирь случайным «или неотразимым последствием естественного роста русского народа и русского государства»? В ответе на него он стремился преодолеть уже обозначившееся противопоставление вольно-народного переселения и правительственной колонизации, постарался связать в единый процесс формирование русской нации и Русской земли с имперским государственным расширением. Таким образом, в концепции Семенова соединяются идеи «исторического призвания» русского народа, установления «естественных границ» и складывания русской национальной территории. Сибирский вопрос погружался им в широкий цивилизационный контекст, детерминированный естественно-географическими и историческими факторами. Это была, по сути, новая геополитическая конструкция внутреннего пространства Российской империи. Западная Сибирь «сделалась более русскою страной, чем многие из наших восточных губерний», – констатировал

видный российский географ. Колонизация же Восточной Сибири, где сохраняются значительные инородческие территориальные анклавы, впереди, и успех ее будет зависеть от развития путей сообщения; в степных областях русские уже заняли большую часть оазисов и предгорьев. Вместе с тем, утверждал он, крестьянин в Азии не утратил «дорогих для русского патриота черт русской народности, а напротив, развил их». «Даже тогда, когда население достигнет 16–20 млн человек, разовьется своя промышленность, будут проведены реформы, – заключал ученый, – русские в Сибири будут играть роль «не отдельного организма, а только вытянутой конечности русского государственного организма...»

П. П. Семенов усматривал в этом не просто рост имперской территории, а осуществление грандиозного геополитического проекта, когда в результате русской колонизации происходит смещение на восток этнографической границы между Европой и Азией. Позднее применительно к Сибири он будет применять не только определение «Азиатская Россия», но и «Европейская Азия» [4, с. 20].

К XX веку в основном завершилось геополитическое и социальное размежевание основных континентальных территорий. Российская империя эту проблему решала за счет присоединения ближайших смежных территорий в направлении на Север и Дальний Восток. Советская Россия не просто присоединила территории Средней Азии и Кавказа, а образовала вместе с ними на добровольной основе СССР, в который они вошли на правах союзных советских республик. Такой же статус в СССР имели Украина, Белоруссия, Молдавия, страны Балтии.

Дальнейший мировой «передел» территорий и границ государственных образований в принципе был невозможен путем заселения «свободных земель» и территорий с нечеткой государственной определенностью. Их просто не было. Передел территорий был «возможен» только военным путем. Однако большая война

в настоящее время опасна применением ядерного оружия. Современный военный потенциал мировых держав и даже небольших государств (Северная Корея) стал слишком велик для возможного ядерного реагирования на агрессию, что может привести к уничтожению на планете Земли условий существования человека.

Возвращаясь к вопросу образования Русского государства, следует отметить, что этот процесс шел в основном длительное время естественным образом и вобрал в свое содержание много разных наслоений культур и форматов образа жизни сотен поколений людей, осевших и проживавших на территории современной России, выделив из различного и неоднозначного этнического многообразия для решения основных вопросов государственного устройства на Руси преимущественно славян с его русским этносом, языком и позднее с посвящением в православие значительной части населения. Нам представляется, что сейчас это обстоятельство не имеет для России большого значения, какой народ составлял его этническую основу.

Другие этносы и народы по-разному себя проявляли на пространстве формирующегося Русского государства. Национальным или иным нерусским народностям была дана возможность сохранять свою этническую самобытность, иметь свой язык, быт, культуру. В то же время они, сохраняя свою самобытность, из-за своего чувства консерватизма объективно и субъективно затормаживали темпы своего развития, что мешало им встать на одинаковый уровень с основным государствообразующим русским этносом. Проблемы языка, культуры, религии и проч. вырисовывали некоторые контуры противоречий и несовпадений в межэтнических и межкультурных отношениях в России в целом до XVIII века.

Ощущение малых народов и этносов в пространстве большого этноса всегда порождало страх утраты своей географической территории, утраты местными олигархами влияния своей власти на часть этноса, народности и другие более мелкие социальные единицы. Это невольно заставляло настраивать себя и

общину быть оппозиционными практически ко всем властным силам и общим организационным делам на языковом, культурном и других уровнях и форматах жизни. На протяжении долгих веков противоречия выражались по-разному: то усиливались, то ослаблялись. Это объективное проявление естественных противоречивых взаимодействий разных этносов, народностей, разных уровней организации общности и государственности возникало на основе несовпадения интересов и традиций.

В России и СССР была сделана первая в мире попытка нормативно на конституционном уровне начиная с Конституции РСФСР 1918 г. и Конституции СССР 1924 г., а также на уровнях организации экономики, социальной политики, выстраивания союзных, федеративных, национальных, межнациональных отношений, общего формата культуры на принципах взаимного доверия, уважения, взаимопомощи, интернационализма, взаимовыгодного движения в направлении усиления сотрудничества, сближения и тесного взаимодействия этносов, наций и народов создать первую в мире страну трудящихся, сплоченный социалистический социум и единое с высокой культурой, образованностью и наукой, достойным уровнем благосостояния людей Отечество.

Победа в Великой Отечественной войне народов СССР подтвердила реальные преимущества молодого советского государства и сплоченного им народа над «традиционными», веками устоявшимися силами империализма и нацизма Европы.

В общем единстве с русским народом в этой войне победили все этносы и народы СССР, слабо владеющие русским языком, но убежденные в его социальной значимости, правоте общего дела, высоком духе и культуре советского народа.

Русский язык и сейчас является мощной социальной, интеллектуальной и организационной общей основой успешности всех этносов, наций и народов России, сохраняя свое историческое судьбоносное значение для каждого гражданина и каждой личности нашего единого и уникального Отечества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 450 с.
2. Кузнецова Е. В. Роль языка в процессе формирования национальной идентичности // Омский научный вестник. 2011. № 3 (98). С. 102–105.
3. Корнев В. А. Роль Русской православной церкви в развитии культуры Российского государства // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 5 (30). С. 274–277.
4. Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи: оценки и прогнозы имперских экспертов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX – XX и XX – XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 17–64.

REFERENCES

1. Humboldt W. von. Selected works on linguistics. Moscow: Progress, 1984. 450 p. (In Russ.)
2. Kuznetsova E. V. The role of language in the process of formation of national identity // Omsk scientific bulletin. 2011. No. 3 (98). P. 102–105. (In Russ.)
3. Kornev V. A. The role of the Russian Orthodox Church in the development of culture in Russia // The world of science, culture, education. 2011. No. 5 (30). P. 274–277. (In Russ.)
4. Remnev A. V., Suvorova N. G. Managed colonization and spontaneous migration processes on the Asian outskirts of the Russian Empire: assessments and forecasts of imperial experts // Migrations and diasporas in the socio-cultural, political and economic space of Siberia. The turns of the 19th – 20th and 20th – 21st centuries / ed. by V. I. Dyatlov. Irkutsk: Ottisk, 2010. P. 17–64. (In Russ.)

Информация об авторе:

Б. З. Маликов, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

B. Z. Malikov, Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 12.12.2025; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 12.12.2025; approved after reviewing 01.03.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья
УДК 342.7

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ИНВАЛИДОВ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Ольга Александровна Мельникова

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Россия,
olstarczewa@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается исторический аспект возникновения и развития общественных объединений инвалидов в России. Описываются этапы становления и развития рассматриваемого института в России. Автором делается обоснованный вывод о том, что становление и развитие общественных объединений инвалидов в России прошло долгий этап, характеризующийся как полным отсутствием нормативного правового обеспечения регулирования данного института, так и несовершенством принятого законодательства. Также подчеркивается, что его рассмотрение невозможно без изучения зарубежного опыта, поскольку международные документы, регламентирующие деятельность Международной организации инвалидов, легли в основу официальной политики в отношении инвалидов в нашей стране. Автор, исследуя становление и развитие института общественных объединений в России, а также деятельность международных организаций инвалидов, указывает на существующие проблемы.

Ключевые слова: инвалид, защита прав инвалидов, общественные объединения инвалидов, правовой статус, международные организации инвалидов

Для цитирования: Мельникова О. А. Становление и развитие института общественных объединений инвалидов (исторический аспект) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 2 (112). С. 42–53.

Original article

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF PUBLIC ASSOCIATIONS OF DISABLED PEOPLE (HISTORICAL ASPECT)

Olga A. Melnikova

Tyumen Institute of Advanced Training for Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Tyumen, Russia, olstarczewa@yandex.ru

Abstract. The article examines the historical aspect of the emergence and development of public associations of disabled people in Russia. It describes the stages of formation and development of this institution in Russia. The author substantiates the conclusion that the formation and development of public associations of disabled people in Russia went through a long period characterized by both the complete absence of regulatory legal support for the regulation of this institution and the imperfection of the adopted legislation. It is also emphasized that its consideration is impossible without studying foreign experience, as international documents regulating the activities of the International Organization of the Disabled have formed the basis of official policy towards disabled people in our country. The author, studying the formation and development of the institution of public associations in Russia, as well as the activities of international organizations for the disabled, points out the existing problems.

Keywords: disabled person, protection of the rights of disabled people, public associations of disabled people, legal status, international organizations of the disabled

© Мельникова О. А., 2026

For citation: Melnikova O. A. Formation and development of the institution of public associations of disabled people (historical aspect) // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 2 (112). P. 42–53. (In Russ.)

Введение

Всероссийское общество инвалидов (далее – ВОИ) является одной из ключевых организаций, представляющих интересы людей с ограниченными возможностями в России. Оно играет важную роль в защите прав инвалидов, содействии их социальной интеграции и обеспечении равных возможностей. Однако правовой статус данного общества остается недостаточно ясным и полным, что создает определенные трудности в его деятельности и взаимодействии с государственными органами и другими общественными организациями.

В связи с этим представляют интерес исторический аспект возникновения и развития общественных объединений инвалидов в России, этапы становления и развития этого института. Кроме того, его рассмотрение невозможно без изучения зарубежного опыта, поскольку международные документы, регламентирующие деятельность Международной организации инвалидов, легли в основу официальной политики в отношении инвалидов в нашей стране.

Методы

В рамках настоящей статьи автором были использованы юридический анализ, сравнительный анализ, исторический и логический методы исследования, что позволило комплексно подойти к рассматриваемой проблематике и выявить особенности становления и развития института общественных объединений инвалидов.

Результаты

Термин «инвалидность», произошедший от латинского слова *invalidus* («немогущий, слабый»), объединяет различные нару-

шения здоровья человека, ограничения его активности и возможного участия в жизни общества¹.

Г. В. Сулейманова под инвалидностью понимает «нарушение здоровья человека со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты» [1, с. 55].

В ст. 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» определено, что инвалид – «лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты»².

Вместе с тем инвалидность нельзя рассматривать только в качестве критерия, определяющего здоровье человека (или отсутствие такового). Так, В. Г. Барина в своем исследовании указывает, что инвалидность представляет собой сложный феномен, в основе которого заложены три аспекта: социальный, ценностно-гуманитарный и личностно-экзистенциальный. Автор отмечает, что существование, функционирование и дальнейшее развитие этого социального феномена способно оказывать значительное влияние на жизнь общества [2, с. 14].

Аналогичной точки зрения придерживается Р. И. Рахимова, отмечая, что термин «инвалид» является составной частью понятия «инвалидность», которое не следует понимать лишь в качестве функционального ограничения человека, поскольку оно состо-

¹ Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/law/text/20077176> (дата обращения: 22.08.2025).

² О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ит из биологического, медицинского, социального аспектов [3, с. 16].

Соглашаясь с суждениями авторов, необходимо указать, что рассматриваемый социальный феномен нашел свое отражение еще в законодательных актах Древнерусского государства и в большей степени был связан с благотворительностью.

Так, одним из первых известных документов является утвержденный в 996 году князем Владимиром Святославичем Устав о православной церкви, который предписывал церкви «заботиться об убогих, нищих и юродивых»¹. В «Повести временных лет» летописец Нестор, описывающий тот период, указывал, что на содержание монастырей, церквей, а также организуемых при них благотворительных учреждений выделялась значительная часть княжеских доходов («десятина»). Кроме того, категории людей, являющихся немощными, больными, «немогущими ходить, убогим», раздавались продукты и напитки, развозимые по городу на телегах².

А. В. Гаврилова указывает, что монастыри, церкви, при которых создавались больницы, приюты, школы, представляли собой «прототипы общественных организаций инвалидов», что было обусловлено их благотворительной деятельностью [4, с. 4].

Вместе с тем ряд современных ученых, не поддерживая суждения А. В. Гавриловой относительно правового статуса монастырей как общественных организаций, приводят следующие доводы:

1) церкви и монастыри являлись не общественными организациями, а учреждениями («публичными юридическими лицами»);

2) в законодательных актах Российской империи термин «монастырь» вообще отсутствовал. Законодатель их упоминал только как субъектов права (например, наделены правом приобретения имущества) [4, с. 3];

3) Н. В. Черкашина, Е. В. Савошкова и др. выделяют следующие этапы становления и развития общественных объединений инвалидов [5, с. 3]:

1. X в. – середина XIX в.

Так, первый воспитательный дом для детей с различными видами нарушений был основан в XI в. при Киево-Печерской лавре (в нем дети жили, воспитывались, приучались к труду).

В дальнейшем Петр I создал целую систему общественного призрения (во времена Российской империи под термином «общественное призрение» понимался современный термин «социальное обеспечение»), разделив Указом от 8 июня 1701 г. «Об определении в домовых Святейшего Патриархата богадельни нищих, больных и престарелых» различные категории людей, нуждающихся в социальной поддержке и обеспечении – «...старым зело и увечным кормовщикам <...> давать кормовых денег до их смерти...»³. Кроме того, Петр I разработал проект указа о создании госпиталей для лиц, страдающих психическими заболеваниями (расстройствами), в которые должны были помещаться как взрослые люди, так и страдающие психическими расстройствами брошенные дети (указ не был претворен в жизнь).

Замысел Петра I о создании домов для лиц, страдающих психическими заболеваниями, был реализован Екатериной II, которая в 1775 г. издала нормативный правовой акт – «Указ об учреждении Приказов общественного призрения». Согласно этому указу в России создается ряд учреждений для содержания и ухода за инвалидами, сиротами, лицами с психическими расстройствами. Учрежденные Екатериной II приказы общественного призрения явились прообразом комитетов защиты [6, с. 90].

В начале XIX в. Александр I основал первый в России институт слепых, позже

¹ Отношение к инвалидам в различные эпохи. URL: <https://mediaprostranstvo.tilda.ws> (дата обращения: 22.08.2025).

² Призреть сырых и убогих // Социальная защита в России. URL: <https://sotszashita.ru> (дата обращения: 28.08.2025).

³ Там же.

в Москве была учреждена газета «Русский инвалид».

2. Вторая половина XIX в. – начало XX в.

Н. В. Черкашина, Е. В. Савошикова и др. развитием благотворительности как одной из форм социальной защиты инвалидов считают закрепление в Своде законов Российской империи в 1857 году Устава «Об общественном призрении»¹, согласно которому с разрешения Министерства внутренних дел (далее – МВД) могли быть созданы благотворительные общества [5, с. 4]. Указанный нормативный правовой акт закреплял порядок управления благотворительными обществами, их права, преимущества и т. д. [7, с. 45].

Вместе с тем в Своде законов Российской империи не были закреплены положения о частных благотворительных обществах, которые свою деятельность осуществляли на основании устава, утвержденного министром МВД (например, Императорское человеколюбивое общество занималось призрением (социальным обеспечением) инвалидов).

В 1880 году была организована типография для слепых. В 1885 году в Москве образовано общество призрения слепых, целью которого было оказание социального обеспечения (поддержки, помощи) слепым мужчинам [8, с. 15]. В этом же году издана первая книга шрифтом Брайля [9, с. 57]. В начале XX века в России функционировали десятки школ для инвалидов по зрению.

Анализируя законодательство указанного периода, Н. А. Гаврилина отмечает, что только в 1892 году вторая книга «Устава об общественном призрении»² объединила «разрозненное законодательство», оставив в качестве основных принципов деятельности, направленной на поддержку в том числе инвалидов:

– государственный контроль за этим направлением деятельности;

– разрешительный контроль за открытием благотворительных обществ и учреждений, относящихся к категории частных [10, с. 73].

Необходимо отметить, что указанный нормативный правовой акт также распространялся на поддержку нищих, пожилых и иных категорий социально незащищенного населения. Например, земскими учреждениями помощь оказывалась как нищим, так и с целью предотвращения нищеты.

В качестве основной проблемы того периода Н. А. Гаврилина указывает отсутствие законодательно закрепленной ответственности органов призрения, неясность в вопросах деятельности земств, а именно в каких случаях у них возникает обязанность по призрению и способы реализации этих обязанностей [10, с. 73].

В 1906 году в Указе «Временные правила об обществах и союзах» были закреплены термины «общество» и «союз», а также их статус, полномочия, порядок создания и упразднения. Так, под первым термином понималось «соединение лиц, которое, не имея задачи получения для себя прибыли от ведения какого-либо предприятия, избирали предметом своей деятельности определенную цель», под союзом – «соединение двух или нескольких таких обществ, например, посредством своих уполномоченных»³.

3. 1916 г. – 1991 г.

В 1916 г. создается Общество трудового убежища для увечных воинов Московского уезда, целями которого были: бесплатное обучение увечных ремеслу, устройство домов призрения для увечных воинов, оказание этой категории лиц юридической помощи и т. д. [5, с. 4].

В 1917 г. постановлением СНК РСФСР от 6 марта 1918 г. «Об учреждении народного совета социального обеспечения и

¹ Свод законов был напечатан к концу 1832 года, переиздан в 1842 году, затем в 1857 году, нового полного издания не было до 1892 года.

² Устав об общественном призрении. СПб., 1892. С. 1–107.

³ Временные правила об обществах и союзах: Именной Высочайший Указ от 4 апреля 1906 г. // Постатейное Собрание законодательства. Т. 26. № 27479.

учетно-ссудного комитета социального обеспечения» были образованы органы социального обеспечения, к ведомству которых отнесены создаваемые дома инвалидов. Принят Декрет СНК РСФСР от 8 декабря 1921 г. «О социальном обеспечении инвалидов»¹.

Исследователи Н. В. Черкашина, Е. В. Савощикова и др. указывают, что становление и развитие общественных организаций инвалидов началось с 1920 г. Так, авторы выделяют две крупные общественные организации инвалидов, возникшие в тот период: Всероссийское общество слепых (1925 г.), Всероссийское объединение глухонемых (1926 г.) и отмечают в качестве третьего крупного общества, созданного намного позже, – Всероссийское общество инвалидов (1988 г.) [5, с. 5]. Предшественником Всероссийского общества инвалидов, исходя из его структуры, являлось Всероссийское производственно-потребительское объединение, основанное в 1921 г.

Вместе с тем необходимо отметить, что несмотря на существующие предпосылки созданию Всероссийского общества инвалидов предшествовали ряд событий, занявшие не одно десятилетие в истории России.

Так, в довоенный период Всероссийское общество слепых столкнулось с попытками государства завладеть его небольшими предприятиями. В 1956 г. предприятия и артели промкооперации инвалидов перешли в собственность государства, а в 1960 г. артели были полностью ликвидированы. Подобный подход правящей партии не просто сказался негативным образом на имущественном положении инвалидов и привел к увеличению количества безработных среди этой категории населения, но и практически уничтожил самую мощную и влиятельную организацию инвалидов [11, с. 114, 121].

В период с 1960 по 1988 г. был создан Комитет ветеранов Великой Отечественной

войны, высказаны идеи об объединении инвалидов в общество, аналогичное Всероссийскому обществу слепых и Всероссийскому объединению глухонемых, проведены многочисленные пикеты и митинги. В регионах России возникли неформальные объединения инвалидов.

Среди лиц, выступающих за объединение инвалидов в одно общество, необходимо выделить В. Голубева (высказал идею об объединении инвалидов-опорников в одно общество), Ю. Киселева (провел митинг инвалидов войны на мотоколясках перед зданием ЦК КПСС, создал инициативную группу по защите прав инвалидов в СССР), Г. Гуськова (высказал предложение о создании общества инвалидов, изложив его в письме и направив Генеральному секретарю КПСС Н. Хрущеву).

Исследователи отмечают, что деятельность общественных представителей указанного периода, направленная на создание объединения инвалидов, оказалась безрезультатной: на пикет Ю. Киселева не обратили внимание, Г. Гуськова перевели в отдаленный интернат², ответы на предложения о создании возвращались с пометкой чиновников о нецелесообразности. Кроме того, необходимо указать на отсутствие законодательного закрепления прав инвалидов и, как следствие, их практической реализации.

1988 год стал переломным в многолетней деятельности по созданию объединения инвалидов. Так, 2 февраля 1988 г. было принято постановление ЦК КПСС «О создании в РСФСР Всероссийского добровольного общества инвалидов». В марте 1988 г. на места рассылается приказ Министерства соцобеспечения с требованием провести работу по образованию местных и региональных оргкомитетов и созданию возможно большего числа первичных организаций общества. В мае 1988 г. отделом соцобеспечения проведена учредительная конференция по соз-

¹ Из Российской и Советской истории формирования системы социальной защиты инвалидов // Перспектива. URL: <https://perspektiva.ru> (дата обращения: 30.08.2025).

² Мифология инвалидности. Не пора ли сменить жанр? URL: <https://ogt.narod.ru> (дата обращения: 05.09.2025).

данию общества. 16 августа 1988 г. в Москве начала работу Учредительная конференция ВОИ, а 17 августа 1988 г. были избраны руководящие органы ВОИ.

Именно 17 августа 1988 г. считается датой образования ВОИ. Первым его председателем по предложению ЦК КПСС и Министерства соцобеспечения стал Герой Советского Союза инвалид Финской войны А. В. Дерюгин.

В последующие годы начался активный процесс создания организаций во всех республиках, краях, областях Российской Федерации.

Именно поэтому, выделяя в качестве третьего этапа становления и развития общественных объединений инвалидов период времени до 1991 г., Н. В. Черкашина, Е. В. Савощикова и др. говорят о нем как о периоде «становления общественных организаций инвалидов с государственным участием» [5, с. 3].

4. 1991 г. – по настоящее время.

К указанному этапу относится принятие ряда законодательных актов, регулирующих статус ВОИ и взаимосвязанных с деятельностью указанной организации:

1) Конституции Российской Федерации 1993 г.¹

В ст. 39 Конституции Российской Федерации закреплено, что каждому гарантируется социальное обеспечение в случае инвалидности. В ст. 7 говорится о том, что государство обеспечивает поддержку инвалидов и пожилых граждан. Также в нормативном правовом акте закреплено, что развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и другие гарантии социальной защиты;

2) Гражданского кодекса Российской Федерации 1994 г.²

В ст. 29 Гражданского кодекса Российской Федерации указано, что «гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством»;

3) Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» 1995 г.³

В ст. 1 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» даны понятия «инвалид», «ребенок-инвалид», ст. 2 посвящена понятию социальной защиты инвалидов, а также в данном нормативном правовом акте закреплены полномочия федеральных органов государственной власти в области социальной защиты инвалидов и др.

Подвергнув анализу этапы становления и развития общественных объединений инвалидов, выделенные Н. В. Черкашиной, Е. В. Савошиковой и др. [5 с. 3], в ходе которых было образовано ВОИ, а также труды ученых, затрагивающих в своих исследованиях указанную проблематику, считаем целесообразным скорректировать предложенные авторами этапы следующим образом:

1) X в. – середина XIX в. (без изменения);

2) вторая половина XIX в. – начало XX в. (без изменения);

3) 1916 г. – 1988 г.;

4) 1989 г. – по настоящее время.

Первый этап характеризуется деятельностью государства и церкви по призрению (социальному обеспечению) инвалидов; второй этап – помощью указанной категории со стороны государственных и частных благотворительных обществ; третий этап – становлением общественных организаций инвалидов с государственным участием,

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

² Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

который завершился в 1988 г. образованием ВОИ; четвертый этап – это развитие законодательного регулирования деятельности общественных объединений инвалидов, а также нормативное закрепление прав указанной категории лиц. Эти этапы отражают эволюцию подходов к помощи инвалидам и формированию их общественных объединений, что стало основой для дальнейшего развития законодательства в этой области.

Становление и развитие института общественных объединений инвалидов в России, в том числе создание ВОИ, невозможно рассматривать без изучения зарубежного опыта. Во-первых, ВОИ состоит в Международной организации инвалидов, объединяющей более 100 стран мира, а также активно сотрудничает с другими международными и национальными организациями инвалидов. Во-вторых, за 10 лет до создания ВОИ Ю. Киселев, столкнувшись с отсутствием понимания сути проблемы у российских чиновников, начал активное взаимодействие с зарубежными правозащитниками. Так, он вместе с В. Фефеловым, Ф. Хусаиновым, Н. Мурахтановым и др. создает группу по защите прав инвалидов в СССР, которая начинает действовать в рамках Хельсинкского соглашения по правам человека. Готовятся обращения инвалидов СССР к правительствам стран-участниц, что в конечном итоге приводит к созданию в 1988 г. ВОИ. В-третьих, международные документы легли в основу официальной политики в отношении инвалидов в СССР (России). В-четвертых, зарубежный опыт становления и развития института общественных объединений инвалидов, так же как и российский, насчитывает несколько столетий. Необходимо оговориться, что по отношению к России, где к инвалидам всегда проявляли милосердие и поддержку, зарубежный опыт не всегда отличался гуманизмом, а зачастую был абсолютно противоположным.

Так, исследователи отмечают, что в античные времена инвалиды с физическими недостатками и психическими расстройствами были приравнены в статусе к животным или рабам. Аристотель указывал: «Пусть в силе будет тот закон, что ни одного калеки-ребенка кормить не следует»¹, то есть дети-инвалиды в те времена были обречены на смерть.

Аналогичным образом относились к детям-инвалидам в Древнем Риме. Так, Сенека (римский философ) указывал на необходимость убийства «уродов и утопление детей, рожденных хилыми и обезображенными»².

Нормативные правовые акты того периода (например, кодексы Феодосия II, Юстиниана) признавали инвалидов ограниченно дееспособными, при этом возможность возникновения каких-либо прав связывалась с классовостью и временем наступления инвалидности. Так, глухим, слепым и немым людям разрешалось наследовать имущество, но при условии, что они относились к классу работорговцев. Люди с перечисленными заболеваниями (дефектами здоровья) могли составить завещание только до «болезни, после которой наступила глухота, слепота или человек утратил разговорную функцию организма»³.

Изменение отношения к инвалидам в Средние века в Европе исследователи связывают с распространением христианства. Большое влияние на общественное мнение оказывали труды философов по вопросам милосердного отношения к «убогим», помощи нуждающимся.

Однако необходимо отметить, что «по отношению к психически больным эпоха Средневековья характеризуется особой жестокостью, поскольку их перестали считать больными и, в соответствии со специальным сочинением «Молот ведьм», либо уничтожали путем сожжения заживо, либо содержали

¹ Отношение к инвалидам в различные эпохи // Тилда. URL: <https://mediaprostranstvo.tilda.ws> (дата обращения: 01.09.2025).

² Там же.

³ Там же.

вместе с бродягами, преступниками»¹. В противовес трудам ученых и философов выступала церковь, указывающая на инвалидность (отклонение в физическом и психическом развитии человека) как на проявление «злого духа»².

Изменение отношения к инвалидам, страдающим психическими заболеваниями, наблюдается в законодательстве Англии XIII в. и выражается в попытке «разделить идиотов и помешанных», а также связать наличие того или иного психического расстройства с имущественными правами. А. К. Гейн, С. С. Чернова в монографическом исследовании указывают, что «коренной перелом ситуации настал только в первой половине XIX века, когда появились законодательные акты, охраняющие права психически больных, а также были изданы научные руководства по психиатрии» [12, с. 8].

А. Билл, говоря о британском движении инвалидов, указывает, что первые такие организации были созданы в 1890-х годах: Британская ассоциация глухих и Национальная лига слепых³. При этом исследователь акцентирует внимание, что несмотря на значительное количество организованных впоследствии местных и национальных групп наибольшим влиянием пользовались организации слепых (Национальная федерация слепых была создана в 1947 г.).

А. Билл указывает на объединение групп инвалидов (в качестве организаций инвалидов) начиная с 1960-х годов для проведения массовых кампаний, целью которых было улучшение условия для всех людей с инвалидностью в Великобритании. Так, одной из первых была Группа по заработной плате инвалидов (1965 г.), а также интерес представляет Альянс инвалидов, сформированный спустя десятилетие⁴. Целью создания

указанных объединений было улучшение социального обеспечения и заработной платы инвалидов.

Говоря о XX веке и международных документах, часть из которых легла в основу официальной политики в отношении инвалидов в нашей стране, необходимо выделить следующие:

1) «Декларация о правах умственно отсталых лиц» принята резолюцией 2856 (XXVI) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (далее – ООН) от 20 декабря 1971 г.;

2) «Декларация о правах инвалидов» принята резолюцией 3447 (XXX) тринадцатой сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1975 г.;

3) «Всемирная программа действий в отношении инвалидов» принята резолюцией 37/52 Генеральной Ассамблеи ООН от 3 декабря 1982 г.

В ст. 28 «Всемирной программы действий в отношении инвалидов» регламентировано: «Во всем мире инвалиды объединяются в организации для борьбы за свои собственные права в отношении оказания влияния на принятие решений в правительствах и во всех секторах общества. Роль организаций инвалидов заключается в предоставлении возможности высказывать свое мнение, выявлении нужд, выражении мнений относительно очередности задач, оценки услуг, а также в борьбе за реформы и пробуждение общественного мнения. Как средство саморазвития, эти организации предоставляют возможность для развития навыков ведения переговоров, организационных способностей, взаимной поддержки, передачи информации, а также часто для развития профессиональных навыков и возможностей. Учитывая их крайне важное

¹ Большая медицинская энциклопедия: в 30 т. Т. 21 / ред. Б. В. Петровский. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 315.

² Отношение к инвалидам в различные эпохи // Тилда. URL: <https://mediaprostranstvo.tilda.ws> (дата обращения: 01.09.2025).

³ К независимой жизни (пособие для инвалидов) // РООИ «Перспектива». URL: <https://perspektiva-inva.ru> (дата обращения: 03.09.2025)

⁴ Там же.

значение для процесса участия, необходимо оказать содействие их развитию»¹;

4) «Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов» приняты резолюцией 48/96 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г. и т. д.

Раскрывая положения ст. 28 «Всемирной программы действий в отношении инвалидов» об объединении инвалидов в организации и роли таких организаций, необходимо привести в пример Международную организацию инвалидов (далее – МОИ), представляющую собой «сеть национальных организаций или ассамблей людей с ограниченными возможностями, созданная в 1980–1981 гг. для продвижения прав человека, людей с ограниченными возможностями посредством их полноценного участия, выравнивания возможностей и развития»². Созданию указанной организации предшествовал Всемирный конгресс в Сиднее в 1972 г., после которого инвалиды многих стран начали кампанию, направленную на участие в этой организации. В результате была создана Всемирная коалиция граждан с ограниченными возможностями – МОИ.

Первый конгресс МОИ состоялся в 1981 г., были избраны такие ключевые фигуры организации, как председатель организации, заместитель председателя, секретарь, казначей. В качестве проблем, существовавших на ранних стадиях деятельности указанной организации, исследователи выделяют: конфликты между сотрудниками и избранными членами, участие в обучающих семинарах в основном мужчин, малое количество инвалидов по слуху, отсутствие развития организации в Латинской Америке (действовал один сотрудник) по причине недостаточного финансирования.

Е. Н. Яковлева указывает, что становление института международной защиты прав инвалидов, а также создание МОИ заняли

длительный период. Однако развитие указанного международного института нельзя признать завершенным, поскольку актуальными остаются многие проблемы, с которыми сталкиваются инвалиды при реализации прав. Например, в качестве одной из проблем Е. Н. Яковлева выделяет то, что МОИ не поднимается «проблема продовольственной безопасности для инвалидов, проживающих в условиях нищеты, уязвимого положения инвалидов в районах вооруженных конфликтов, доступа пожилых инвалидов к социальным сервисам и др.» [13, с. 212].

Рассматривая деятельность региональных международных организаций, исследователи отмечают и другие проблемы. Например, Е. Н. Яковлева указывает, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе действуют ряд международных организаций, среди которых она выделяет Лигу арабских государств, Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Организацию Исламская конференция, Ассоциацию регионального сотрудничества стран Южной Азии (далее – АСЕАН), Шанхайскую организацию сотрудничества, Южно-Тихоокеанский форум. В качестве проблем автор отмечает, что большинство документов АСЕАН, касающихся проблем инвалидов, «носят программный, рамочный характер. Эффективность воплощения рекомендаций АСЕАН в конкретных государственных мероприятиях зависит от сознательности и возможностей государств-участников, их желания внедрить принципы инклюзивного общества в национальную социальную политику» [14, с. 111].

А. В. Топилин, М. В. Ладик, анализируя деятельность Китайской федерации инвалидов, в качестве основной проблемы выделяют то, что значительное число людей с ограниченными возможностями

¹ Всемирная программа действий в отношении инвалидов: принята резолюцией 37/52 Генеральной Ассамблеи ООН от 3 декабря 1982 г. // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog.shtml (дата обращения: 06.09.2025).

² Там же.

вообще не зарегистрировано в официальной Китайской федерации инвалидов [15, с. 10].

Заключение

Подводя итог исследованию исторического аспекта возникновения и развития института общественных объединений инвалидов, выделим сделанные нами выводы:

1. Становление и развитие института общественных объединений инвалидов в России прошло долгий этап, характеризующийся как полным отсутствием нормативного правового обеспечения регулирования данного института, так и несовершенством принятого законодательства. Отсутствие законодательного закрепления прав инвалидов явилось причиной невозможности их практической реализации.

2. В истории России можно выделить четыре этапа становления и развития общественных объединений инвалидов:

1) X в. – середина XIX в. Этап характеризуется деятельностью государства и церкви по призрению (социальному обеспечению) инвалидов;

2) вторая половина XIX в. – начало XX в. Этап характеризуется помощью инва-

лидам со стороны государственных и частных благотворительных обществ;

3) 1916 г. – 1988 г. Становление общественных организаций инвалидов с государственным участием, который завершился в 1988 г. образованием ВОИ;

4) 1989 г. – по настоящее время. Развитие законодательного регулирования деятельности общественных объединений инвалидов, а также нормативное закрепление прав указанной категории лиц.

3. Деятельность региональных международных организаций, направленных на защиту прав инвалидов, подвержена ряду проблем, как и Международной организации инвалидов, среди которых наиболее существенными являются: «программный, рамочный характер» большинства документов, касающихся проблем инвалидов; отсутствие регистрации лиц с ограниченными возможностями в организациях инвалидов, следствием чего являются малоэффективность деятельности указанных организаций и неоказание реальной помощи (защиты прав) инвалидам; отсутствие финансирования организаций инвалидов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сулейманова Г. В. Право социального обеспечения: учебник для вузов. М., 2008. 344 с.
2. Барина В. Г. Содержание инвалидности: рефлексивный анализ // Дискуссия. 2015. № 2 (54). С. 14–19.
3. Рахимов Р. И. Международно-правовая и внутригосударственная защита права инвалидов на здоровье: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2022. 24 с.
4. Гаврилова В. А. Основные этапы развития общественных объединений в России // Гуманизация образования. 2017. № 5. С. 4–9.
5. Черкашина Н. В., Савошкова Е. В., Каирова А. И., Мартянова Г. В., Хакимов Р. М., Шахназарян К. Э., Тенетко А. А. Возникновение и развитие законодательного регулирования института общественных объединений инвалидов в гражданском праве России // Частно-правовые (цивилистические) науки. 2024. № 1 (139). С. 1–8.
6. Хапов А. Л., Камаев И. А., Позднеева Т. В., Иванов М. А. К вопросу о развитии государственного законодательства XVIII–XX вв. о душевнобольных // Российский психиатрический журнал. 2013. № 2. С. 89–93.
7. Богданов В. П. История благотворительности в России. Москва и московская пресса XIX века: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт. 2019. 353 с.
8. Зальцман Т. В. Становление и развитие системы помощи людям с инвалидностью в России (1861–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 23 с.

9. Хитров А. А. Благотворительная социальная и медицинская помощь слепым в России под покровительством императорской фамилии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. Вып. 4, ч. 1. С. 54–60.
10. Гаврилина Н. А. Законодательное регулирование социального призрения в России в XVI–XIX вв. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 66–74.
11. Пасс А. А., Рыжий П. А. Огосударствление промысловой кооперации в СССР во второй половине 1950-х гг.: причины и последствия // Социум и власть. 2012. № 5 (37). С. 114–122.
12. Гейн А. К., Чернова С. С. Болезнь как юридический факт в уголовном судопроизводстве: монография. Тюмень: Московский институт государственного управления и права, 2017. 142 с.
13. Яковлева Е. Н. Основные направления деятельности Организации американских государств по улучшению положения людей с ограниченными возможностями в регионе Северной и Южной Америки // Международное публичное и частное право. 2013. № 1. С. 24–26.
14. Яковлева Е. Н. Деятельность региональных и международных организаций Азиатско-Тихоокеанского региона в сфере улучшения положения инвалидов // Юридический вестник ДГУ. 2020. № 2, т. 34. С. 108–113.
15. Топилин А. В., Ладик М. В. Реализация трудового потенциала инвалидов в Китае: новые возможности в эпоху цифровизации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. № 4, т. 2. С. 10–24.

REFERENCES

1. Suleimanova G. V. Social security law: a textbook for universities. Moscow, 2008. 344 p. (In Russ.)
2. Barinova V. G. The content of disability: a reflexive analysis // Discussion. 2015. No. 2 (54). P. 14–19. (In Russ.)
3. Rakhimova R. I. International legal and domestic protection of the right of persons with disabilities to health: abstract of Diss. ... Cand. of Law. Kazan, 2022. 24 p. (In Russ.)
4. Gavrilova V. A. The main stages of development of public associations in Russia // Humanization of education. 2017. No. 5. P. 4–9. (In Russ.)
5. Cherkashina N. V., Savoshchikova E. V., Kairova A. I., Martyanova G. V., Khakimov R. M., Shakhnazaryan K. E., Tenetko A. A. The emergence and development of legislative regulation of the institution of public associations of disabled people in the civil law of Russia // Private law (civilistic) sciences. 2024. No. 1 (139). P. 1–8. (In Russ.)
6. Khapov A. L., Kamaev I. A., Pozdneeva T. V., Ivanov M. A. On the development of state legislation in the 18th–20th centuries on the mentally ill // Russian Psychiatric Journal. 2013. No. 2. P. 89–93. (In Russ.)
7. Bogdanov V. P. History of charity in Russia. Moscow and the Moscow press of the 19th century: a textbook for undergraduate and graduate programs. Moscow: Yurait Publishing House, 2019. 353 p. (In Russ.)
8. Zaltsman T. V. Formation and development of the system of assistance to people with disabilities in Russia (1861–1917): abstract of Diss. ... Cand. of History. Moscow, 2008. 23 p. (In Russ.)
9. Khitrov A. A. Charitable social and medical assistance to the blind in Russia under the patronage of the imperial family (second half of the 19th – early 20th century) // Bulletin of St. Petersburg University. Series 2. 2008. Issue 4, part 1. P. 54–60. (In Russ.)
10. Gavrilina N. A. Legislative regulation of social welfare in Russia in the 16th–19th centuries // Bulletin of Tula State University. Humanities. 2010. No. 2. P. 66–74. (In Russ.)
11. Pass A. A., Ryzhiy P. A. Nationalization of industrial cooperation in the USSR in the second half of the 1950s: causes and consequences // Society and power. 2012. No. 5 (37). P. 114–122. (In Russ.)
12. Gein A. K., Chernova S. S. Illness as a legal fact in criminal proceedings: monograph. Tyumen: Moscow Institute of Public Administration and Law, 2017. 142 p. (In Russ.)
13. Yakovleva E. N. Main activities of the organization of American States to improve the situation of persons with disabilities in the North and South America region. // International public and private law. 2013. No. 1. P. 24–26. (In Russ.)
14. Yakovleva E. N. Activities of regional and international organizations of the Asia-Pacific region in the field of improving the situation of persons with disabilities // Legal Bulletin of DSU. 2020. No. 2, vol. 34. P. 108–113. (In Russ.)

15. Topilin A. V., Ladik M. V. Realization of the labor potential of persons with disabilities in China: new opportunities in the era of digitalization // DEMIS. Demographic studies. 2022. No. 4, vol. 2. P. 10–24. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.09.2025; одобрена после рецензирования 18.11.2025; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 30.09.2025; approved after reviewing 18.11.2025; accepted for publication 18.06.2026.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ УЧАСТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ

Кристина Вадимовна Степина

Омская академия МВД России, Омск, Россия, stepina-kv@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется публично-правовой механизм участия Российской Федерации в межгосударственных объединениях как сложная конструкция, интегрирующая нормы международного и национального права. В рамках работы раскрываются нормативные основы, институциональная структура и эволюция данного механизма. Основой механизма являются конституционные положения (ч. 4 ст. 15, ст. 79 Конституции Российской Федерации), которые одновременно предусматривают возможность для передачи части полномочий межгосударственным объединениям и устанавливают абсолютные гарантии в виде недопустимости ограничения прав и свобод человека и недопустимости противоречия основам конституционного строя. Особое внимание уделяется поправкам к Конституции Российской Федерации 2020 г., закрепившим примат национальной конституционной идентичности над решениями межгосударственных органов. Рассматриваются исторические этапы формирования публично-правового механизма участия (от Российской империи до современности), а также теоретические подходы к передаче полномочий и наднациональности.

Ключевые слова: публично-правовой механизм, межгосударственные объединения, Российская Федерация, наднациональность, имплементация международных договоров, ЕАЭС, БРИКС, ШОС, ОДКБ, передача полномочий, конституционная идентичность

Для цитирования: Степина К. В. Публично-правовой механизм участия Российской Федерации в межгосударственных объединениях // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 2 (112). С. 54–61.

Original article

PUBLIC LAW MECHANISM OF PARTICIPATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN INTERSTATE ASSOCIATIONS

Kristina V. Stepina

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia, stepina-kv@yandex.ru

Abstract. The article examines the public law mechanism of the Russian Federation's participation in interstate associations as a complex structure that integrates the norms of international and national law. Within the framework of the work, the normative framework, institutional structure and evolution of this mechanism are revealed. The mechanism is based on constitutional provisions (Part 4 of Article 15, Article 79 of the Constitution of the Russian Federation), which simultaneously provide for the possibility of transferring part of the powers to interstate associations and establish absolute guarantees in the form of the inadmissibility of restricting human rights and freedoms and the inadmissibility of contradicting the foundations of the constitutional system. Particular attention is paid to the amendments to the Constitution of the Russian Federation of 2020, which enshrined the primacy of national constitutional identity over the decisions of interstate bodies. The historical stages of the formation of the public law mechanism of

participation (from the Russian Empire to the present), as well as theoretical approaches to the transfer of powers and supranationality are considered.

Keywords: public law mechanism, interstate associations, Russian Federation, supranationality, implementation of international treaties, EAEU, BRICS, SCO, CSTO, transfer of powers, constitutional identity

For citation: Stepina K. V. Public law mechanism of participation of the Russian Federation in interstate associations // Bulletin of Ufa Law Institute of the Internal Affairs of Russia. 2026. No. 2 (112). P. 54–61. (In Russ.)

Введение

Участие суверенных государств в межгосударственных объединениях представляет собой одну из ключевых характеристик системы международных отношений, обусловленную процессами глобализации, взаимосвязи и необходимостью регулирования проблем, носящих трансграничный характер. Для Российской Федерации, обладающей уникальным геополитическим положением, оно имеет особое значение. Публично-правовой механизм обозначенного участия представляет собой сложную, многоуровневую конструкцию, которая интегрирует нормы международного и национального права¹. Сердцевина такого механизма образована на основе конституционных принципов, которые как устанавливают возможности для интеграции, так и обозначают жесткие правовые ограничения, существующие в рамках защиты основ государственного суверенитета и конституционного строя Российской Федерации.

Методы

Среди основных методов исследования необходимо назвать: диалектический метод (для рассмотрения явления в развитии, выявления противоречий между интеграционной целесообразностью и защитой суверенитета), системный подход, анализ, синтез, историко-правовой метод (для рассмотрения этапов формирования публично-правового механизма участия), сравнительно-правовой (для сопоставления различных моделей наднациональности), формально-догматический (для толкования

нормативно-правовых актов и выявления их системных связей), метод анализа судебной практики (для исследования конкретных решений Конституционного Суда Российской Федерации), институциональный метод (для описания роли и взаимодействия различных органов власти).

Результаты

Историческая эволюция правового механизма участия Российской Федерации в межгосударственных объединениях имеет глубокие корни. Еще в период Российской империи государство принимало активное участие в создании и работе первых международных межправительственных организаций, таких как Всемирный телеграфный союз (1865 г.) и Всемирный почтовый союз (1874 г.) [1], что демонстрировало признание целесообразности делегирования узкоспециальных технических функций наднациональным органам.

Советский период же характеризовался двояким подходом: с одной стороны, СССР выступал одним из учредителей и активным участником универсальных организаций, например Организации Объединенных Наций, а также организаций социалистического лагеря – Совета экономической взаимопомощи, Организации Варшавского договора [2] – с другой, советская доктрина международного права исходила из примата государственного суверенитета [3, с. 312–315; 4].

Кардинальные изменения произошли с принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. – впервые в отечественной исто-

¹ Орловский Е. А. Международное право и национальное законодательство: проблемы соотношения и взаимодействия систем. С. 5. URL: <https://www.lihachev.ru/chten/2025/sec4/Orlowsky.pdf?ysclid=mnlnqno4af9191102612> (дата обращения: 30.03.2026).

рии Основной закон закрепил открытость правовой системы государства международному праву (ч. 4 ст. 15) и прямо предусмотрел возможность передачи части полномочий межгосударственным объединениям (ст. 79). Данные изменения были обусловлены как идеологическим курсом на интеграцию в мировое сообщество, так и прагматической необходимостью разрешения возникающих постсоветских аспектов через структуры Содружества Независимых Государств [5]. 1990-е и 2000-е гг. стали периодом активного вступления Российской Федерации в большое количество международных организаций [6] (от Совета Европы до Всемирной торговой организации) и формирования сложной системы договорных обязательств.

Фундаментом публично-правового механизма являются нормы Конституции Российской Федерации. Статья 79 Конституции устанавливает, что «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации». Данная норма, с одной стороны, наделяет Россию правосубъектностью для вступления в интеграционные объединения, в том числе включая те объединения, которые обладают элементами наднациональности, а с другой – формулирует две абсолютные конституционные гарантии, а именно: недопустимость ограничения прав и свобод человека и гражданина и недопустимость противоречия основам

конституционного строя¹. Важным элементом является ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, которая закрепляет, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Данная статья также устанавливает приоритет правил международного договора над нормами федерального закона в случае коллизии. Обозначенная норма долгое время трактовалась как выражение открытости правовой системы, а также приверженности верховенству международного права. В то же время важно отметить, что правовая система, несмотря на свою открытость, сохраняла устойчивость во избежание размывания национальных конституционных норм [7, с. 10]. Следует отметить, что указанная норма создала правовую основу для имплементации решений и стандартов межгосударственных объединений во внутреннее правовое поле государства.

Тем не менее к концу 2010-х гг. накопленная практика выявила системные противоречия, а именно – решения наднациональных судебных органов, в первую очередь Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), в ряде случаев вступали в конфликт с конституционными нормами (например, постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»). Это привело к формированию в практике Конституционного Суда Российской

¹ По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федерации доктрины «конституционной идентичности» [8], впоследствии к законодательному закреплению примата Конституции над решениями межгосударственных органов в поправках к Конституции Российской Федерации 2020 г., а именно – ст. 79 Конституции была дополнена следующей формулировкой: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Эволюция конституционной практики и внесенные в 2020 г. поправки в Конституцию Российской Федерации существенно скорректировали осмысление данного приоритета норм международного договора. Одним из наиболее дискуссионных аспектов стал вопрос о природе и пределах передачи полномочий в рамках ст. 79 Конституции Российской Федерации. В научной литературе также высказывались позиции, согласно которым указанная статья предусматривает возможность создания органов с наднациональными полномочиями «особого характера», что вследствие может повлечь за собой существенные ограничения суверенитета России [9]. Второй же подход заключается в том, что передача полномочий осуществляется только на основе международного договора, который, в свою очередь, подлежит ратификации в установленном порядке [10, с. 801], а не в рамках утверждения учредительного акта, создающего квазигосударственное образование. Таким образом, Конституция Российской Федерации не предполагает делегирования учредительной власти каким-либо внешним структурам.

Современный этап характеризуется переосмыслением интеграционных приоритетов: интерес сместился с западных структур на евразийские (Европейский экономический союз (далее также – ЕАЭС)) и альтер-

нативные многосторонние форматы (БРИКС, Шанхайская организация содружества (далее также – ШОС)), в рамках взаимодействия которых приоритетными являются принципы консенсуса и межправительственности¹, а не наднациональности.

В практике участия России можно выделить несколько моделей: межправительственная модель (БРИКС, ШОС, Организация Договора коллективной безопасности (далее также – ОДКБ)), где решения принимаются исключительно путем консенсуса государств-членов и не имеют прямого действия на национальной территории; модель ограниченной наднациональности (ЕАЭС), где создаются постоянно действующие органы (Евразийская экономическая комиссия, Суд ЕАЭС), решения которых в определенных сферах, например в техническом регулировании, являются обязательными для государств-членов и могут иметь прямое действие. Также выделяется модель развитой наднациональности (бывшее участие Российской Федерации в Совете Европы), предполагающая обязательную юрисдикцию международного суда, решения которого имеют приоритет над национальным законодательством.

Процедурные механизмы самого участия отличаются сложностью и вовлечением всех ветвей власти. Президент Российской Федерации играет центральную координирующую роль путем определения основных направлений внешней политики и представления страны на международной арене. В соответствии с Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» Президент ведет переговоры и подписывает международные договоры, принимает решения о вступлении России в те или иные межгосударственные объединения (ст. 86 Конституции Российской Федерации). Вопросы участия в межгосударственных объединениях также являются

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (пп. 42–45): утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

неотъемлемой частью ежегодных посланий Федеральному Собранию и утверждаемых Президентом концептуальных документов, таких как Концепция внешней политики и Концепция национальной безопасности. В свою очередь, Федеральное Собрание осуществляет парламентский контроль, а Совет Федерации отвечает за вопросы войны и мира, статуса территории, ратификации и денонсации международных договоров (ст. 102, 106 Конституции Российской Федерации). Государственная Дума дает согласие на ратификацию важнейших договоров, а также формирует законодательную базу для имплементации принятых обязательств. Парламентские слушания по вопросам интеграции представляют собой площадку для экспертного обсуждения и выработки консенсусных позиций. Правительство Российской Федерации представляет собой ключевого участника интеграционной политики в социальной и экономической сферах; оно обеспечивает выполнение международных обязательств, координирует работу федеральных органов исполнительной власти, взаимодействующих с органами межгосударственных объединений, и представляет Россию в интеграционных органах, например в Межправительственном совете ЕАЭС.

Особую роль играет Конституционный Суд Российской Федерации – после поправок 2020 г. его полномочия были существенно расширены. Согласно новой редакции ст. 125 Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд разрешает вопрос о возможности исполнения в России решений межгосударственных органов, если они противоречат основам публичного правопорядка Российской Федерации (п. «б» ч. 5.1 ст. 125). Данное решение сделало Конституционный Суд Российской Федерации своего рода «фильтром» в части имплементации международных решений [11].

Путем анализа участия Российской Федерации в ключевых межгосударственных объединениях представляется возможным выявить специфику публично-правового механизма участия в зависимости от правовой природы и целей конкретного объединения.

Евразийский экономический союз с точки зрения интеграции представляет собой наиболее продвинутый проект с элементами наднациональности. Договор о ЕАЭС 2014 г.¹ учреждает Союз как международную организацию региональной экономической интеграции, которая обладает международной правосубъектностью (ч. 1 ст. 1). Компетенция Союза делится на исключительную (таможенно-тарифное и нетарифное регулирование) и совместную с государствами-членами [12]. Решения Высшего Евразийского экономического совета (на уровне глав государств) и Евразийской экономической комиссии по вопросам ее исключительной компетенции носят обязательный характер и подлежат непосредственному применению на территории государств-членов. Тем не менее следует подчеркнуть, что данный наднациональный элемент строго ограничен договором и не может быть как-либо расширен без согласия всех сторон. Суд ЕАЭС обеспечивает единообразное применение права Союза, однако его юрисдикция также ограничена рамками Договора и Статута.

ОДКБ представляет собой региональную организацию безопасности межправительственного типа, а ее правовой статус определяется Уставом и Соглашением о правовом статусе. Все ключевые решения в области коллективной обороны (например, о применении Коллективных сил оперативного реагирования) принимаются Советом коллективной безопасности на основе консенсуса, а сам механизм принятия решений не предполагает их прямого действия, а подразумевает их последующую имплементацию путем национальных законодательных и административных актов.

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе: подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ШОС функционирует как многопрофильное объединение, которое фокусируется на вопросах безопасности, гуманитарного и экономического сотрудничества¹, а ее правовая база строится на принципах суверенного равенства и невмешательства [13]. ШОС не обладает наднациональными полномочиями, а все ее решения носят рекомендательный характер для государств-членов. Публично-правовой механизм участия России в ШОС в основном сводится к координации позиций различных ведомств (например, Министерство иностранных дел Российской Федерации, Министерство экономического развития Российской Федерации) в рамках выработки согласованной позиции на саммитах и заседаниях Совета глав правительств.

БРИКС занимает особое место в системе межгосударственных объединений. Уникальным является то, что это не формальная международная организация с уставом и постоянно действующим секретариатом, а скорее международная квазиорганизация [14]. Стоит отметить, что публично-правовые издержки участия минимизируются путем отсутствия жесткой институциональной структуры и юридически обязывающих документов. Решения же саммитов БРИКС, такие как декларации и планы действий, носят не правовой характер, а политический. Именно поэтому механизм участия России является адаптивным и достаточно гибким, в том числе сосредоточенным на продвижении совместных интересов в рамках уже существующих международных институтов и на запуске конкретных проектов, таких как Новый банк развития и Пул условных валютных резервов.

Современное функционирование механизма участия России в межгосударственных объединениях протекает в условиях глубокого кризиса самой системы между-

народных отношений, санкционного давления, в том числе пересмотра существующих моделей глобального управления. Сложившаяся ситуация выявила ряд практических проблем: во-первых, проблему эффективности участия в универсальных организациях, где политизированность решений и двойные стандарты создают ситуации блокировки инициатив России и союзников. Наиболее ярко это проявилось в деятельности Совета Европы, когда в 2014–2019 гг. были ограничены полномочия российской делегации в Парламентской ассамблее, что, в свою очередь, привело к выходу России из указанной организации в 2022 г. Во-вторых, достаточно остро стоит вопрос о поиске оптимального баланса между экономическими выгодами интеграционных процессов (например, в рамках ЕАЭС) и необходимостью защищенности национального рынка и социальных стандартов. В-третьих, введенное против Российской Федерации санкционное давление, многократно усиленное в 2022 г., усложняет полноценное участие государства в работе многих международных организаций, включая и финансовые институты, такие как Международный валютный фонд и Всемирный банк. В то же время это стимулирует поиск альтернативных форматов, таких как БРИКС+, Африканский союз, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, а также актуализирует вопрос о правовых механизмах защиты национальных интересов в рамках участия во взаимоотношениях с недружественно настроенными странами².

В данных условиях видится ряд перспективных направлений совершенствования публично-правового механизма, а именно дальнейшая конкретизация процедур и критериев конституционного контроля за решениями межгосударственных органов, что позволит не только избежать произвольное толкование, но и обеспечит предсказуемость право-

¹ Хартия Шанхайской организации сотрудничества (ст. 1–3): принята 7 июня 2002 г. // ШОС. URL: <https://www.sectso.org/> (дата обращения: 30.03.2026).

² Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации (пп. 63–68): указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 30.03.2026).

применения. Также усматривается перспективному усилению парламентского контроля не только на стадии ратификации договоров, но и в процессе постоянного участия в работе объединений. Возможно дальнейшее развитие форм кооперации, не требующих делегирования суверенных полномочий, например, профессиональных ассоциаций. Еще одним направлением является активизация участия в организациях, осуществляющих свои действия в обход западной гегемонии (БРИКС, ШОС). Однако главным остается развитие «гибкой интеграции», отраслевых и проектных вариантов сотрудничества, которые не требуют значительной передачи суверенных полномочий и позволяют России активно участвовать в формировании многополярной системы международных отношений.

Заключение

Необходимо констатировать, что публично-правовой механизм участия Российской Федерации в межгосударственных объединениях представляет собой динамическую си-

стему, которая претерпела значительные изменения от открытой к международному праву системе в 1990-е гг. к закреплению примата национальной конституционной идентичности в 2020-е гг. На современном этапе состояние публично-правового механизма участия можно охарактеризовать нахождением в состоянии сложного баланса между интеграционной целесообразностью и защитой суверенитета. Данный механизм, закрепленный в ст. 79 Конституции Российской Федерации и получивший свое развитие в действующем законодательстве и судебной практике, обеспечивает России правовую возможность активного многостороннего сотрудничества, очерчивая при этом его четкие границы. Успешность функционирования указанного механизма в дальнейшем предопределяется не только внутренней непротиворечивостью юридических конструкций, но и способностью правовой системы адаптироваться к меняющейся архитектуре международного взаимодействия, отстаивая при этом свои национальные интересы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Воронков Л. Международные организации и современные международные отношения // Международная жизнь. 2013. № 10.
2. Быстрова Н. Е. К истории создания Организации Варшавского договора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2005. № 1. С. 214–224.
3. Курс международного права: в 7 т. / АН СССР, Институт государства и права; редкол.: В. Н. Кудрявцев (гл. ред.) и др. Т. 1. М.: Наука, 1989. 358 с.
4. Никифоров В. А. Советские истоки доктрины международного права в современной России // Социально-политические науки. 2021. Т. 11, № 3. С. 97–102.
5. Аббасов Ф. Ф., Рахимов Б. Содружество Независимых Государств: история создания и перспективы развития // Academic research in educational sciences. 2022. Vol. 3, is. 1. P. 912–924.
6. Штурба Е. В. Участие России в деятельности международных организаций во второй половине 1990-х гг. и вопрос обеспечения национальной безопасности страны // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 1. С. 52–58.
7. Зорькин В. Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4. С. 1–12.
8. Подолян Д. А. Формирование доктрины конституционной идентичности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 4. С. 94–100.
9. Конституция Российской Федерации: Комментарий / под общ. ред. Б. Н. Топорнина, Ю. М. Батурина, Р. Г. Орехова. М.: Юрид. лит., 1994. 623 с.
10. Шиндина А. В. Конституционные основы делегирования части государственных полномочий Российской Федерации надгосударственным объединениям // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26, № 5. С. 800–804.
11. Герасименко Ю. В., Герасименко Т. Ю. Законодательные новеллы о механизме и сроке исполнения (неисполнения) решений ЕСПЧ в РФ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. № 3 (86). С. 246–250.

12. Молчанова Н. П. Новые аспекты евразийской интеграции (опыт ЕАЭС) // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2023. № 2. С. 39–58.

13. Алимов Р. Хартия Шанхайской организации сотрудничества – компас организации // Обозреватель. 2017. № 6. С. 5–13.

14. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. БРИКС – международная квазиорганизация? // Актуализация процесса взаимодействия стран БРИКС в экономике, политике, праве: материалы научного семинара, Москва, 9 октября 2012 г. / отв. ред. и сост. К. М. Беликова М., 2012. С. 9–15.

REFERENCES

1. Voronkov I. International organizations and modern international relations // International life. 2013. No. 10. (In Russ.)

2. Bystrova N. E. To the history of the Warsaw pact organization under formation // Vestnik RUDN. International relations. 2005. No. 1. P. 214–224. (In Russ.)

3. Course of international law: in 7 volumes / USSR Academy of Sciences, Institute of State and Law; editorial board: V. N. Kudryavtsev (editor-in-chief) et al. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1989. 358 p. (In Russ.)

4. Nikiforov V. A. Soviet origins of the doctrine of international law in modern Russia // Sociopolitical sciences. 2021. Vol. 11, no. 3. P. 97–102. (In Russ.)

5. Abbasov F. F., Rakhimov B. The Commonwealth of Independent States: history of creation and development prospects // Academic research in educational sciences. 2022. Vol. 3, no. 1. P. 912–924. (In Russ.)

6. Shturba E. V. Russian participation in international organizations activities in the second half of the 1990s and the issue of the country's national security protection // Historical and socio-educational idea. 2013. No. 1. P. 52–58. (In Russ.)

7. Zorkin V. D. Constitutional identity of Russia: doctrine and practice // Journal of constitutional justice. 2017. No. 4. P. 1–12. (In Russ.)

8. Podolyan D. A. The formation of the doctrine of constitutional identity // North Caucasus legal vestnik. 2017. No. 4. P. 94–100. (In Russ.)

9. Constitution of the Russian Federation: Commentary / ed. by B. N. Topornin, Yu. M. Baturin, R. G. Orekhov. Moscow: Legal Literature, 1994. 623 p. (In Russ.)

10. Shindina A. V. The constitutional basis for delegating state powers of the Russian Federation to supranational institutions // Bulletin of Baikal State University. 2016. Vol. 26, no 5. P. 800–804. (In Russ.)

11. Gerasimenko Yu. V., Gerasimenko T. Yu. Legislative novelties concerning the mechanism and the periods for the execution (non-execution) of decisions of the ECHR in the Russian Federation // Scientific bulletin of Omsk Academy of the Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (86). P. 246–250. (In Russ.)

12. Molchanova N. P. New aspects of Eurasian integration (EAEU experience) // Journal bulletin of Moscow University: Series 27: “Global Studies and Geopolitics”. 2023. No. 2. P. 39–58. (In Russ.)

13. Alimov R. The Charter of the Shanghai Cooperation Organization is the organization's compass // Observer. 2017. No. 6. P. 5–13. (In Russ.)

14. Abashidze A. Kh., Solntsev A. M. Is BRICS an international quasi-organization? // Updating the process of interaction of the BRICS countries in economics, politics, and law: materials of the scientific seminar, Moscow, October 9, 2012 / ed. and compiled by K. M. Belikova. Moscow, 2012. P. 9–15. (In Russ.)

Информация об авторе:

К. В. Степина, адъюнкт.

Information about the author:

K. V. Stepina, adjunct.

Статья поступила в редакцию 10.04.2026; одобрена после рецензирования 12.04.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 10.04.2026; approved after reviewing 12.04.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья
УДК 346.3:339.186(470)

**ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ НЕДОСТОВЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЗАЯВКАХ
В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК:
ОСНОВНЫЕ ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**

Олег Андреевич Москвитин¹,

Салават Фаритович Исламгулов², Эльдар Харисович Рахимов³

¹ Группа компаний EXITA, Институт экономики и регулирования инфраструктурных отраслей
НИУ ВШЭ, РЭУ имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия, oam@exita.online

² Управление Федеральной антимонопольной службы по Краснодарскому краю, Краснодар,
Россия, salavat6766@yandex.ru

³ Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, kaf_gpd_mail@mvd.ru

Аннотация. Предоставление компаниями недостоверных сведений при участии в государственных закупках – достаточно распространенное, к сожалению, явление. И не все участники закупок учитывают, что прямое нарушение Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» не только означает нарушение честной конкуренции, но и влечет за собой существенные правовые и имущественные последствия для самих нарушителей. В этой статье мы рассмотрим основные последствия такого рода, а также обратимся к тому, что в принципе следует понимать под недостоверными сведениями в заявках.

Ключевые слова: заявки на участие в государственных закупках, недостоверная информация, отклонение заявок, расторжение контрактов, оспаривание контрактов, включение в реестр недобросовестных поставщиков

Для цитирования: Москвитин О. А., Исламгулов С. Ф., Рахимов Э. Х. Предоставление недостоверной информации в заявках в рамках государственных закупок: основные правовые последствия // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 2 (112). С. 62–69.

Original article

**SUBMISSION OF INACCURATE INFORMATION
IN PUBLIC PROCUREMENT BIDS:
KEY LEGAL CONSEQUENCES**

Oleg A. Moskvitin¹, Salavat F. Islamgulov², Eldar Kh. Rakhimov³

¹ The EXITA Group of Companies, the Institute of Economics and Regulation of Infrastructure Industries at the National Research University Higher School of Economics, the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, oam@exita.online

² The Federal Antimonopoly Service for Krasnodar Region, Krasnodar, Russia,
salavat6766@yandex.ru

³ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia,
kaf_gpd_mail@mvd.ru

Abstract. The submission of inaccurate information by companies when participating in public procurement is, unfortunately, a fairly common phenomenon. Not all procurement participants take into account that this direct violation of the Law on the Contract System not only undermines fair competition but also entails

© Москвитин О. А., Исламгулов С. Ф., Рахимов Э. Х., 2026

significant legal and financial consequences for the violators themselves. In this article, we will examine the main consequences of this kind, and also address what, in principle, should be understood as inaccurate information in bids.

Keywords: bids for participation in public procurement, inaccurate information, rejection of bids, termination of contracts, challenging contracts, inclusion in the register of unscrupulous suppliers

For citation: Moskvitin O. A., Islamgulov S. F., Rakhimov E. Kh. Submission of inaccurate information in public procurement bids: key legal consequences // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 2 (112). P. 62–69. (In Russ.)

Введение

Федеральным законом от 7 июня 2025 г. № 138-ФЗ были внесены изменения в ст. 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹ (далее – Закон № 44-ФЗ, Закон о контрактной системе), уточняющие действия комиссии по осуществлению закупок и заказчика в случаях, если участник закупки не соответствует установленным требованиям и (или) предоставил недостоверную информацию о соответствии таким требованиям. Эти изменения вступили в силу 1 января 2026 г. Отказ заказчика от заключения контракта в настоящее время должен осуществляться в случае, если в заявке на участие в закупке содержалась недостоверная информация и (или) документы. В статье 43 Закона № 44-ФЗ также закреплено правило, что ответственность за недостоверность информации и (или) документов в заявке на участие в закупке, а также за действия, совершенные на основании таких сведений, несет участник закупки.

Данное исследование направлено на выявление наиболее острых правовых проблем и анализ соответствующих правовых последствий, возникающих в случае предоставления недостоверной информации в заявках в рамках государственных закупок, и на разработку научно обоснованных предложений по оптимизации соответствующих норм. Работа основывается на исследовании положений российского законода-

тельства, анализе существующей судебной практики, практики органов, осуществляющих контроль в сфере закупок, а также доктринальных источников о недостоверных сведениях в практике государственных закупок.

Материалы и методы

Объектом настоящего исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе осуществления государственных закупок, предметом же – совокупность законодательных актов, определяющих основания признания сведений в заявках в рамках государственных закупок недостоверными, и соответствующие правовые последствия. Гипотеза исследования предполагает наличие противоречий и несоответствий в действующем законодательстве, регулирующем отношения, связанные с выявлением недостоверных сведений в заявках на участие в государственных закупках и их правовыми последствиями.

Теоретико-методологическая основа работы основана на применении традиционных научных подходов и методов научного познания, таких как диалектический метод и сравнительно-правовой анализ, позволяющие всесторонне изучить объект исследования и выявить возможные пути решения обозначенных проблем.

Элементами научной новизны представленной работы можно считать предложения по формированию адекватного и эффективного механизма правового регулирования изучаемой сферы общественных отношений, а также алгоритмов действий участни-

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ков контрактной системы при выявлении недостоверных сведений в заявках на участие в государственных закупках.

Практическая значимость проведенного исследования выражается в возможности применения выводов и предложений в практике органов, осуществляющих контроль в сфере закупок, а также в деятельности комиссий по осуществлению закупок.

Результаты

Закон о контрактной системе не раскрывает соответствующее понятие недостоверной информации (сведений) в составе заявки. Практика апеллирует прежде всего к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»¹, согласно которому под не соответствующими действительности сведениями понимаются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности и во время, к которому относятся оспариваемые сведения. Следовательно, под недостоверными сведениями следует понимать сведения, не соответствующие действительности.

При этом, конечно, нужно понимать, что не каждые неверные сведения одновременно являются и недостоверными. Например, в одном из случаев участник закупки защитных масок для лица ошибся при указании номера реестровой записи². Суд обоснованно не усмотрел в этом случае недостоверности, а равно оснований, для отклонения из-за недостоверности заявки такого лица (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 7 ноября 2025 г. № 09АП-49315/25 по делу № А40-124540/2025).

В схожем случае участник также ошибся в номере реестровой записи. В то же время к его заявке было приложено необходимое свидетельство, что позволяло комиссии заказчика оценить представленный документ и не делать вывод о недостоверности сведений (решение Управления Федеральной антимонопольной службы (далее – УФАС) по Краснодарскому краю от 14 февраля 2025 г. по делу № 023/06/14-663/2025). Подобные примеры рассматриваются и в литературе³.

Как правило, предоставляемыми недостоверными сведениями являются информация об опыте исполнения контрактов и договоров, которого на самом деле у участника не было (фиктивные документы), сведения о лицензиях и сертификатах, которые в действительности отсутствуют, не соответствующие официальным данным производителя сведения о товарах и т. п. В то же время это могут быть и недостоверные сведения об отсутствии, например, фактов привлечения должностных лиц участника закупки к административной ответственности за определенные правонарушения, когда такая привлеченность к ответственности препятствует участию в закупке.

Количество предоставляемых в рамках закупок недостоверных сведений различного рода тем больше, чем активнее федеральное регулирование требует подтверждения от участников закупок своей квалификации (опыта, связанного с предметом закупки). С 1 января 2022 г. число таких условий стало существенным.

Как справедливо отмечала в своих выступлениях заместитель руководителя Московского областного УФАС России О. В. Милонаец, «наибольшие риски нали-

¹ О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Судебная практика: применение Закона № 44-ФЗ (журнал «Вестник Института госзакупок». 2026. № 2). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

³ Типовые нарушения заказчиков при установлении национального режима в соответствии с Законом № 44-ФЗ по состоянию на 1 сентября 2025 года (часть 1). (Милонаец О. В.) – Специально для системы ГАРАНТ, 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

чия недостоверных сведений при проведении торгов фиксируются при аккредитации компаний в ЕИС и на электронных площадках; при подтверждении участниками закупок своего соответствия дополнительным требованиям, установленным в постановлении Правительства РФ от 29 декабря 2021 г. № 2571 (ПП РФ № 2571) (представление подложных договоров, подтверждающих наличие опыта); при участии в электронных конкурсах (представление подложных договоров с целью получения высокой оценки по показателю «наличие опыта, связанного с предметом закупки» в соответствии с постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2021 г. № 2604 (ПП РФ № 2604)» [1, с. 25].

«Базовое» последствие выявления недостоверных сведений в заявке

Заявка отклоняется, если в ней обнаружена недостоверная информация (п. 3 ч. 5 и п. 8 ч. 12 ст. 48 Закона № 44-ФЗ). Закупочная комиссия должна проверить заявки на отсутствие таких оснований (определения Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2023 г. № 305-ЭС23-11165 по делу № А40-136537/2022, Конституционного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2023 г. № 3288-О и др.).

Суды и антимонопольные органы советуют комиссиям проверять достоверность сведений, используя сервис Федеральной налоговой службы «Прозрачный бизнес», запросы в госорганы и другие способы при сомнениях. В практике авторов статьи, например, имели случаи запросов закупочных комиссий в органы Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека для проверки фактов привлечения должностных лиц участника закупки услуг по организации социального питания к административной ответственности.

Обращения в адрес Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, а также к базе Единого государственного

реестра недвижимости позволили в различных случаях выявить недостоверность сведений об опыте участников закупок строительных работ (решения Приморского УФАС России от 29 июля 2024 г. № 25-266/04-2024, ФАС России от 11 июля 2024 г. № П-159/24). Эффективны и запросы к контрагентам по сомнительным договорам [2], особенно когда ими являются крупные компании или органы власти.

Более того, в настоящее время ФАС России ведет Реестр недостоверных сведений¹ (далее – РНС). На момент написания данной статьи в данном РНС содержалось более 670 записей о выявлении недостоверных сведений в заявках. РНС содержит:

- номер в Единой информационной системе и предмет закупки;
- предмет и цену контракта;
- реквизиты договора;
- лицо, предоставившее недостоверные сведения;
- способ выявления недостоверности.

Попадание лица в РНС – это, на наш взгляд, еще одно последствие предоставления недостоверных сведений, негативно сказывающееся на репутации компании. Для комиссий заказчиков же и антимонопольных органов РНС – дополнительный источник информации о возможных недостоверных сведениях в заявках и лицах, которые ранее были замечены в подобных негативных практиках.

Выше мы рассмотрели действия закупочных комиссий на стадии рассмотрения заявок. Если же недостоверные сведения в заявке победителя торгов были выявлены уже после заключения контракта, то п. 1 ч. 15 ст. 95 Закона № 44-ФЗ позволяет заказчику отказаться от исполнения контракта в одностороннем порядке. Это положение также подтверждается правоприменительной практикой (постановление Арбитражного суда Центрального округа от 10 апреля 2025 г. № Ф10-425/25 по делу № А64-4026/2024).

¹ Реестр недостоверных сведений, представленных участниками закупок // ФАС России. URL: https://fas.gov.ru/pages/reestr_kompanij_nedostoverno/ (дата обращения: 02.03.2026).

На это указывается и в литературе: заказчик может в одностороннем порядке расторгнуть контракт, если в ходе его исполнения будет выявлено, что при проведении закупки участник представил недостоверную информацию о своем соответствии и (или) соответствии поставляемого товара установленным требованиям, что позволило ему стать победителем закупки [3].

При обнаружении подлога в документах заявки заказчик или уполномоченный орган вправе направить в Министерство внутренних дел Российской Федерации и Генеральную прокуратуру Российской Федерации информацию о преступлении по ч. 5 ст. 327 Уголовного кодекса Российской Федерации с подтверждающими документами¹. Предоставление недостоверных сведений может привести к серьезным последствиям для нарушителей согласно Закону о контрактной системе. Актуальная практика правоприменения подтверждает высокую вероятность включения подобных компаний и в Реестр недобросовестных поставщиков (далее – РНП). Рассмотрим в качестве примера одно из кассационных дел.

Московское государственное бюджетное учреждение (далее – ГБУ) и общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО) заключили по итогам конкурсов государственные контракты на оказание абонентских услуг по эксплуатационному контролю и эксплуатации зданий (сооружений) многофункционального центра (далее – МФЦ) Москвы и услуги по техническому обслуживанию систем охранной сигнализации зданий МФЦ. Однако Московским УФАС в рамках проведенных внеплановых проверок были установлены факты предоставления ООО в составе заявок на участие в этих двух закупочных процедурах недостоверных сведений в подтверждение наличия соответствующего опыта оказания услуг. Согласно движению денежных

средств на счету ООО, средства в рамках оплаты всех представленных в заявках договоров не поступали, что подтверждалось сведениями налоговой отчетности. Эти решения УФАС компанией в судебном порядке оспорены не были.

Далее на основании Закона о контрактной системе ГБУ были приняты решения об одностороннем отказе от исполнения обоих контрактов, поскольку УФАС установило факт предоставления недостоверных сведений и именно такие сведения позволили ООО стать победителем закупок.

По итогам отказа от контрактов ГБУ были поданы заявления о включении ООО в РНП, которые антимонопольный орган удовлетворил. Общество оспорило включение в РНП в суд.

Дело прошло два круга рассмотрения. Надо сказать, что на первом этапе нижестоящие суды признали включение в РНП в связи с предоставлением недостоверных сведений неправомерным, но после выводов кассации Московского округа все три инстанции постановили следующее:

1. В силу подп. «б» п. 1 ч. 15 ст. 95 Закона о контрактной системе госзаказчик обязан принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта, если установлен факт предоставления в составе заявки на участие в закупочной процедуре недостоверных сведений (например, в качестве подтверждения наличия соответствующего опыта оказания услуг), которые позволили лицу стать победителем закупки.

2. Ссылки ООО на отсутствие законодательных оснований включения в Реестр в случае одностороннего расторжения контракта на основании упомянутой выше ч. 15 ст. 95 Закона о контрактной системе основаны на неверном толковании норм действующего законодательства, поскольку в указанной норме указано, что в случае предоставления недостоверных сведений заказчик обязан принять решение об односто-

¹ Милонаец О. В. Как участники торгов на строительные закупки попадают в Реестр недостоверных сведений ФАС России (по состоянию на 1 ноября 2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

роннем отказе от исполнения контракта. Принятие одностороннего отказа от исполнения контракта является основанием для обращения заказчика о включении такого лица в РНП. Это ключевой, пожалуй, вывод судов в этом деле.

3. Довод заявителя о надлежащем исполнении контрактов и невозможности включения его в связи с этим в РНП также признан несостоятельным. Мера в виде включения сведений о заявителе в Реестр применена УФАС не вследствие ненадлежащего исполнения контрактов, а по факту предоставления недостоверной информации о наличии опыта, что незаконно позволило заявителю создать для себя необоснованное конкурентное преимущество и, как следствие, стать стороной заключенных контрактов. Заключение и исполнение ООО контрактов не лишает административный орган обязанности преследовать и пресекать выявленные правонарушения путем включения в РНП.

Эти выводы изложены, в частности, в решении Арбитражного суда г. Москвы от 13 декабря 2024 г. по данному делу № А40-215658/2024. В постановлении Арбитражного суда Московского округа от 15 августа 2025 г. № Ф05-12024/25 по этому делу также констатируется: «Предоставление исполнителями государственных контрактов недостоверных сведений на этапе участия в закупках, по результатам проведения которых был заключен соответствующий государственный контракт, является безусловным основанием для применения к таким исполнителям государственных контрактов мер публично-правовой ответственности в виде включения сведений о таких лицах в РНП».

И эта практика не единична (см., в частности, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22 апреля 2025 г. № 09АП-2184/25 по делу № А40-195402/2024, а также решение УФАС по Томской области от 16 мая 2025 г. № 070/10/104-д и др.). Со-

держатся указания на наличие оснований для включения в таких случаях в РНП и в профессиональной литературе¹ [4].

Если контракт выигран за счет подложных документов в заявке, все полученное по нему придется вернуть заказчику.

Но включение в РНП не является окончательным последствием для поставщиков, предоставляющих недостоверные сведения в заявках. Даже более серьезную санкцию практика предусмотрела для недобросовестных поставщиков, выигрывающих тендеры по Закону № 44-ФЗ за счет предоставления подложных документов (например, об опыте выполнения аналогичных контрактов).

Так, в деле № А72-15547/2023 (постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 марта 2025 г.) рассмотрена следующая ситуация. ООО выиграло региональные торги на строительство производственно-складских объектов. Победа была обеспечена предоставлением в заявке договора на выполнение строительных работ почти на 10 млрд руб. Никто из конкурентов ООО не смог заявить сопоставимый опыт.

Однако в дальнейшем (и это было подтверждено судами в спорах ООО с ФАС и прокуратурой) была установлена фальсификация договора на эту сумму. (Отметим, что данная «преюдиция» не является обязательной для дальнейшего иска о недействительности контракта, хотя и упрощает его: подделка может быть, на наш взгляд, установлена судом и непосредственно при рассмотрении спора о недействительности).

Прокуратура обратилась в суд с требованиями о признании результатов торгов недействительными, заключенного по их итогу госконтракта и применении последствий недействительности сделки.

Суды удовлетворили требования, в том числе с ООО были взысканы полученные по контракту от госзаказчика почти 420 млн руб., более 100 млн руб. процентов за поль-

¹ Федякина О. В. Реестр недобросовестных поставщиков: основания и последствия включения в реестр, способы обжалования антимонопольного органа (с образцами заявлений). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

зование чужими денежными средствами, а также проценты по день исполнения данного судебного решения.

При этом суды первой и апелляционной инстанций:

- отклонили ссылки ООО на факт выполнения им работ по контракту и довод о сохранении, таким образом, права на оплату выполненного;

- указали, что с учетом допущенного ООО на стадии конкурса нарушения контракт является ничтожным;

- ничтожность государственного контракта означает выполнение работ без заключенного в установленном порядке контракта;

- а выполнение работ без контракта, в силу практики Верховного Суда Российской Федерации, лишает подрядчика права на какое-либо вознаграждение (иной подход позволил бы с легкостью обходить тендерные, контрактные процедуры).

Таким образом, допущенное нарушение привело к тому, что на сегодня регион получил и результат работ, и уплаченные за работы средства плюс проценты на них. Нарушитель же понес существенные финансовые потери.

Какие можно и нужно сделать выводы из этой практики:

1. Необходимо максимально внимательно проверять комплектацию заявки, чтобы в нее даже случайно не попали недостоверные сведения.

2. Если какие-то правдивые сведения тем не менее могут, на взгляд компании, вызвать сомнения и вопросы, заранее подготовить их обоснование. В одном из случаев, например, мы представили в качестве такого обоснования заключение независимой экспертизы. Но это могут быть и иные документы: письма органов власти, госучреждений, платежные документы, выписки по счетам, заключения аудиторов.

3. Если вопрос о достоверности заявки компании рассматривается в антимонопольном органе, нужно максимально серьезно подойти к своей защите. В случае отрицательного для вас решения антимонопольного органа, с которым вы не согласны, следует обжаловать его в суде. Тут тоже может пригодиться помощь независимых экспертиз, сбор иных доказательств. Важно понимать, что установленный в рамках проверки конкретной закупки факт недостоверных сведений – это публичная информация, и неприятности могут возникнуть по иным уже заключенным контрактам или будущим закупкам, где фигурировали или будут фигурировать те же спорные документы и информация. Например, при обнаружении таких сведений в поданной на новые торги заявке комиссия как минимум ее отклонит.

Заключение

Предоставление недостоверной информации в заявках на протяжении длительного времени является одной из наиболее острых проблем в сфере госзакупок. В то же время государство активно борется с этим негативным явлением. Это и включение нарушителей в РНИ, и отклонение недостоверных заявок, отказ в заключении контрактов или расторжение уже заключенных договоров, и инициативы по дополнительному нормативному урегулированию возможности включения таких субъектов в РНП и привлечения их к административной ответственности. Приведенный пример показывает, что все перечисленное – не предел рисков, с которыми могут столкнуться такие участники государственных и муниципальных закупок.

Таким образом, сопоставление потенциальных выгод с масштабом правовых и экономических рисков ставит под сомнение целесообразность подобных действий со стороны участников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Милонаец О. В. Риски предоставления недостоверных сведений при аккредитации в ЕИС // Вестник государственных закупок. 2023. № 11. С. 20–24.
2. Александрова А. В. Недостоверная информация в составе заявки на участие в закупке: дополнительные требования к участникам закупки // Вестник Института госзакупок. 2025. № 1. С. 11–13.

3. Петренко Д. Н. Какие сведения и когда могут быть признаны недостоверными? // Налог на прибыль: учет доходов и расходов. 2023. № 6. С. 61–71.
4. Петренко Д. Н. О негативных последствиях предоставления недостоверных сведений (информации) // Автономные учреждения: бухгалтерский учет и налогообложение. 2023. № 1. С. 69–75.

REFERENCES

1. Milonaets O. V. Risks of providing false information during accreditation in the unified information system // State procurement bulletin. 2023. No. 11. P. 20–24. (In Russ.)
2. Aleksandrova A. V. False information in a procurement application: additional requirements for procurement participants // State Procurement Institute Bulletin. 2025. No. 1. P. 11–13. (In Russ.)
3. Petrenko D. N. What information can be recognized as false and when? // Income tax: accounting of income and expenses. 2023. No. 6. P. 61–71. (In Russ.)
4. Petrenko D. N. On the negative consequences of providing false information // Autonomous institutions: accounting and taxation. 2023. No. 1. P. 69–75. (In Russ.)

Информация об авторах:

О. А. Москвитин, б/с, б/з;
С. Ф. Исламгулов, б/с, б/з;
Э. Х. Рахимов, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

O. A. Moskvitin, no academic degree;
S. F. Islamgulov, no academic degree;
E. Kh. Rakhimov, Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.03.2026; одобрена после рецензирования 10.04.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 26.03.2026; approved after reviewing 10.04.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья
УДК 34.096

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ ЗАКУПКИ
У ЕДИНСТВЕННОГО ПОСТАВЩИКА В СИСТЕМЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК:
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ**

Анна Васильевна Шухарева

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,
Dychko-anna@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному теоретико-прикладному анализу правовой природы и особенностей института закупки у единственного поставщика в системе государственных и муниципальных закупок. Автор исследует двойственный характер данного института, который, с одной стороны, представляет собой легитимное исключение из принципа конкуренции, а с другой – выступает системообразующим элементом контрактной системы, обеспечивающим ее гибкость и оперативность. В работе раскрывается процессуальная архитектура процедуры, анализируются ключевые проблемы ее применения, включая риски злоупотреблений, формализм в обосновании и недостаточную прозрачность. На основе анализа судебной практики и современных вызовов предлагаются направления совершенствования механизма, среди которых центральное место отводится глубокой цифровизации и интеграции в Единую информационную систему для усиления контрольных и предиктивных функций.

Ключевые слова: государственные закупки, закупка у единственного поставщика, правовая природа, контрактная система, неконкурентные процедуры, контроль, цифровизация

Для цитирования: Шухарева А. В. Правовая природа и особенности закупки у единственного поставщика в системе государственных и муниципальных закупок: теоретико-прикладной анализ // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 2 (112). С. 70–80.

Original article

**LEGAL NATURE AND FEATURES OF PURCHASING FROM A SINGLE
SUPPLIER IN THE SYSTEM OF STATE AND MUNICIPAL PURCHASES:
THEORETICAL AND APPLIED ANALYSIS**

Anna V. Shukhareva

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia, Dychko-anna@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive theoretical and applied analysis of the legal nature and specifics of the institution of procurement from a single supplier in the system of state and municipal procurement. The author examines the dual nature of this institution, which, on the one hand, is a legitimate exception to the principle of competition, and on the other hand, acts as a system-forming element of the contract system, ensuring its flexibility and efficiency. The paper reveals the procedural architecture of the mechanism, analyzes key problems of its application, including the risks of abuse, formalism in justification, and insufficient transparency. Based on the analysis of judicial practice and contemporary challenges, directions for improving the mechanism are proposed, with a central role given to deep digitalization and integration into the Unified Information System to enhance control and predictive functions.

© Шухарева А. В., 2026

Keywords: public procurement, procurement from a single supplier, legal nature, contract system, non-competitive procedures, control, digitalization

For citation: Shukhareva A. V. Legal nature and features of purchasing from a single supplier in the system of state and municipal purchases: theoretical and applied analysis // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 2 (112). P. 70–80. (In Russ.)

Введение

В системе современного публичного экономико-правового регулирования институт закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) представляет собой комплексный и внутренне противоречивый феномен. Его исследование требует межотраслевого подхода, находящегося на стыке административного, гражданского и финансового отраслей права. Настоящий анализ направлен на деконструкцию двойственной правовой природы данного института, выявление его системной роли и детальное рассмотрение процессуальной архитектуры, формирующей баланс между принципом эффективности и необходимостью оперативного удовлетворения публичных нужд.

В современных условиях усиления внешнеэкономического давления и санкционных ограничений актуальной задачей для государств становится адаптация механизмов государственных закупок к новым вызовам. Традиционно базируясь на принципах конкуренции, прозрачности и эффективности использования бюджетных средств, контрактная система периодически требует внесения корректировок в экстраординарных обстоятельствах. Российская Федерация, столкнувшись с масштабными ограничительными мерами со стороны ряда иностранных государств, предприняла шаги по модернизации соответствующего законодательства. Ключевым направлением стало расширение практики осуществления закупок у единственного поставщика (подрядчи-

ка, исполнителя) как инструмента оперативного реагирования на возникающие вызовы.

Принятие Федерального закона от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ¹ ознаменовало создание нового правового механизма, направленного на упрощение процедур закупок для обеспечения национальных интересов и устойчивости экономики. Данный закон, развивая положения статьи 93 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ)², предусмотрел дополнительные основания для применения неконкурентного способа закупок. Это позволяет государственным заказчикам в определенных случаях оперативно заключать контракты с проверенными поставщиками, минуя длительные конкурентные процедуры.

Особую значимость данные меры приобретают в контексте решения таких задач, как восстановление и строительство объектов гражданской инфраструктуры. Таким образом, исследуемые законодательные новации представляют собой целенаправленную корректировку контрактной системы, балансирующую между необходимостью соблюдения базовых принципов закупочной деятельности и требованиями момента по обеспечению экономического суверенитета и социальной стабильности. Настоящая статья посвящена анализу правовой природы и практических предпосылок расширения

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 11, ст. 1596.

² О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14, ст. 1652.

случаев закупок у единственного поставщика в Российской Федерации в условиях внешних вызовов.

Методы

Решение поставленных задач осуществлялось на основе современных общенаучных методов познания, таких как анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия, сравнение, обобщение и классификация, а также специальных методов, в частности сравнительно-правового.

Результаты

В научном дискурсе и правоприменительной практике сложилось концептуальное противоречие в квалификации закупки у единственного поставщика. С формально-юридической точки зрения, согласно легальной дефиниции, закрепленной в части 1 статьи 24 Закона № 44-ФЗ, она позиционируется как один из способов определения поставщика. Однако такой подход представляется редуктивным, нивелирующим ее сложную процессуальную специфику. В теории государственных закупок и судебной доктрине все более утверждается позиция, согласно которой данный институт является самостоятельным видом закупочной процедуры, обладающим уникальным набором признаков: отсутствием этапа состязательного выбора контрагента, прямым адресным характером взаимодействия и упрощенной процессуальной формой. Его сущностным квалифицирующим признаком выступает легитимное исключение из фундаментального принципа конкуренции, что позволяет отнести его к неконкурентным (адресным) методам осуществления закупочной деятельности.

Закупка у единственного поставщика является неконкурентным способом закупки и предполагает право заказчика выбрать конкретного поставщика без проведения дополнительных процедур отбора и заключения с ним контракта [1, с. 175]. Правовая природа данного института носит преимущественно разрешительный (диспозитивный) характер для государственного или муниципального заказчика, предоставляя ему право выбора в рамках установленных законом исключе-

ний. Исключением, подтверждающим правило, являются случаи, когда такой способ становится императивной обязанностью заказчика (например, подпункты 24, 25 пункта 1 статьи 93 Закона № 44-ФЗ при закупке у субъектов естественных монополий или для нужд мобилизационной подготовки), что подчеркивает его служебную роль по отношению к публичным интересам.

В пункте 5 статьи 24 Закона 44-ФЗ отмечено, что государственный и муниципальный заказчик не вправе совершать действия, влекущие за собой необоснованное сокращение числа участников закупки. Поэтому использование заказчиком конкурентных способов закупки (электронных аукционов, конкурсов и запросов котировок) является приоритетом и, как следствие, его обязанностью [2, с.123].

Некоторые исследователи толкуют данное положение так, что государственные и муниципальные заказчики должны в большей степени стремиться осуществить закупку конкурентными способами, и, как следствие, закупки у единственного поставщика должны являться не самым распространенным способом осуществления. С данными утверждениями сложно согласиться: во-первых, закупка у единственного поставщика не оказывает влияния на число потенциальных участников, а лишь предполагает возможность не проводить формальные конкурентные процедуры; во-вторых, статистические данные подтверждают, что закупка у единственного поставщика – на втором месте по распространению способов осуществления государственных закупок, возможность применения которого и еще большее распространение ограничены лишь положениями законодательства.

Закупка у единственного поставщика ввиду исключения из общего правила является правом заказчика [3]. Легальное применение института строго детерминировано исчерпывающим казуальным перечнем оснований, сформулированных в части 1 статьи 93 Закона № 44-ФЗ. Этот перечень не является статичным и может быть экс-

траординарно расширен в рамках делегированного нормотворчества Правительства Российской Федерации для реагирования на системные вызовы, что наглядно продемонстрировала антикризисная практика 2020 года¹.

Ключевым объектом доктринальной дискуссии остается толкование положения пункта 5 статьи 24 Закона № 44-ФЗ, запрещающего действия, влекущие необоснованное сокращение числа участников закупки. Часть исследователей [4] усматривает в данной норме установление презумпции в пользу конкурентных процедур, что должно минимизировать использование неконкурентных способов. Критический анализ данной позиции позволяет утверждать, что институт закупки у единственного поставщика не ограничивает потенциальный круг участников априори, но представляет собой правомерный отказ от его выявления в ситуациях, когда проведение торгов объективно нецелесообразно или невозможно. Статистическое лидерство данного способа (устойчивое второе место по объемам и частоте применения) [5, с. 70] свидетельствует не о массовом злоупотреблении, а о его критически важной, системообразующей функции в архитектуре контрактной системы, обеспечивающей ее гибкость и жизнеспособность.

Процедурная модель закупки у единственного поставщика может быть охарактеризована как регламентированный административный процесс, состоящий из последовательности организационно-правовых действий, направленных на формирование, заключение, исполнение и контроль за исполнением контракта с заранее идентифицированным контрагентом. При этом особое значение уделяется предпроектному (планово-подготовительному) этапу, в рамках которого осуществляется

определение и обоснование объективной потребности.

Определение потребности, будучи элементом планирования, а не собственно закупки, выполняет ключевую детерминирующую функцию. В данном контексте потребность интерпретируется не как любое желание, а как критически необходимая и экономически обоснованная нужда в товарах, работах, услугах (ТРУ) для реализации государственных функций, оказания публичных услуг или достижения стратегических целей развития. Детализация потребностей предполагает их классификацию по нескольким основаниям:

1. По функциональному назначению: функциональные (операционные) нужды, обеспечивающие непрерывность текущей деятельности (коммунальные ресурсы, ГСМ, канцелярские принадлежности), и инвестиционные потребности, направленные на модернизацию, внедрение инноваций или качественное изменение состояния объекта.

2. По степени стандартизации: потребности в стандартизированных (типовых) ТРУ и в уникальных, сложносоставных объектах.

3. По источнику возникновения: нужды, вытекающие из прямого законодательного предписания, и нужды, выявленные в результате внутреннего анализа и стратегического планирования заказчика.

Обоснованность выбора неконкурентного способа напрямую коррелирует с комплексом взаимовлияющих факторов:

1. Внешние факторы: состояние товарного рынка (уровень концентрации, конкуренции, ценовая волатильность), действующие нормативно-правовые ограничения и запреты, доступность и прозрачность рыночной информации.

2. Внутренние факторы: срочность удовлетворения потребности, обусловленная экстренным характером или технологиче-

¹ Об установлении случаев осуществления закупок товаров, работ, услуг для государственных и (или) муниципальных нужд у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) и порядка их осуществления и о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. № 443: постановление Правительства Российской Федерации от 8 мая 2020 г. № 647 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 20, ст. 3171.

скими циклами; уникальные качественно-количественные характеристики объекта закупки; уровень профессиональной компетенции контрактной службы заказчика.

Сформированная правоприменительная практика высших судебных инстанций выработала подход, согласно которому выбор неконкурентного способа требует позитивного обоснования неэффективности или невозможности проведения конкурентных процедур. К числу таких обоснований суды относят:

1) ограниченность (узость) товарного рынка, когда число потенциальных поставщиков объективно мало или они территориально недоступны;

2) стабильность (неэластичность) рыночных цен на определенные виды ТРУ, делающая торги бессмысленными с точки зрения экономии;

3) наличие чрезвычайной, документально подтвержденной срочности, не позволяющей соблюсти сроки конкурентных процедур без угрозы срыва выполнения публично значимых задач;

4) риски недобросовестной конкуренции или сговора на конкретном рынке, которые могут дискредитировать результаты торгов.

Ключевыми условиями правомерности и главными элементами внутреннего контроля при проведении закупки у единственного поставщика выступают нормирование и обоснование цены контракта. Нормирование (статья 19 Закона № 44-ФЗ) предполагает установление обязательных требований к закупаемым ТРУ, включая предельные цены, что служит превентивной мерой против необоснованного завышения стоимости. Ценовое обоснование (часть 1 статьи 22 Закона № 44-ФЗ) осуществляется с применением одного из пяти законодательно установленных методов, выбор которого должен быть мотивирован:

1. Метод сопоставимых рыночных цен (анализа рынка) – основной и приоритетный метод, основанный на исследовании коммерческой информации.

2. Нормативный метод применяется при наличии утвержденных нормативов затрат.

3. Тарифный метод используется при регулировании цен государством.

4. Проектно-сметный метод применяется в строительстве и ремонте.

5. Затратный метод допускается при отсутствии возможности использования иных методов, основан на калькуляции обоснованных затрат.

Следовательно, данная правовая норма регламентирует необходимость, условия и методику обоснования цены, из чего вытекают три ключевых правила:

1. Цена в контракте с единственным поставщиком подлежит обоснованию лишь тогда, когда это специально предписано Законом № 44-ФЗ.

2. Начальная (максимальная) цена, формируемая для проведения любой конкурентной закупочной процедуры (аукциона, конкурса), обосновывается в обязательном порядке.

3. Единые методические принципы: как в первом, так и во втором случае обоснование осуществляется методами, предусмотренными статьей 22 Закона № 44-ФЗ [6, с. 78].

Рекомендации Федерального казначейства и контрольно-надзорная практика акцентируют важность использования доброкачественных источников информации и корректного сопоставления коммерческих условий. Типичными нарушениями являются: использование данных об неидентичных или неоднородных ТРУ; некритичное принятие коммерческих предложений с несопоставимыми условиями поставки; ссылки на непроверенные или нерелевантные информационные ресурсы.

Однако в последние годы на фоне расширения сферы его применения посредством специальных законодательных актов (таких как Федеральный закон № 46-ФЗ) данная практика столкнулась с рядом системных проблем. Они угрожают ключевыми принципами контрактной системы – эффективностью расходования бюджетных средств, открытостью и добросовестной конкуренцией.

С. В. Семенихин выделяет следующие проблемы реализации положений статьи 93

Закона № 44-ФЗ: чрезмерное использование закупок у единственного поставщика без достаточных на то оснований; недостаточная прозрачность заключаемых контрактов; формальный подход к обоснованию выбора единственного поставщика; недостаточная эффективность контроля со стороны надзорных органов [7, с. 34].

Простота и скорость заключения контракта провоцируют заказчиков использовать данную норму как способ минимизации административных издержек и ухода от сложных конкурентных процедур даже при наличии альтернатив на рынке. В 2024 году Счетная палата Российской Федерации в своем отчете отмечала, что низкий уровень конкуренции и, как следствие, высокий объем закупок у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) приводят к повышению значимости расчета начальной (максимальной) цены контракта (НМЦК). В этих условиях в большинстве случаев цена контракта соответствовала НМЦК. В настоящее время отсутствуют четко прописанные, а также подкрепленные инструментами, поддерживающими их эффективное функционирование, комплексные алгоритмы (механизмы) действий заказчика при определении НМЦК, в связи с чем возрастает вероятность неэффективных бюджетных расходов на закупки товаров, работ и услуг¹.

Если в конкурентных закупках основные параметры (начальная цена, требования) раскрываются прогнозируемо, то закупка у единственного поставщика часто характеризуется недостаточной информационной открытостью как на этапе обоснования выбора, так и в процессе исполнения. Это создает риски для общественного контроля.

Заказчики зачастую ограничиваются шаблонными формулировками, не проводя глубокого анализа рыночной ситуации и не доказывая исключительность обстоя-

тельств, предусмотренных законом. Обоснование становится проформой, а не реальным инструментом принятия решения. Существующие контрольные механизмы часто не успевают за объемом заключаемых контрактов, носят выборочный характер и не в полной мере используют возможности предиктивной аналитики для выявления системных нарушений.

Анализ сложившейся судебной практики наглядно иллюстрирует и конкретизирует указанные системные проблемы. Судебные акты становятся важным источником для выявления типовых злоупотреблений и противоречий в толковании норм:

– во-первых, неправомерное обоснование исключительности поставщика. Ярким примером служит постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 февраля 2024 г. по делу № А40-98765/2023. Суд установил, что заказчик ссылаясь на отсутствие на рынке аналогов требуемых работ, однако в материалах дела присутствовали коммерческие предложения от других потенциальных исполнителей. Это указывает на распространенную практику игнорирования должной проверки рыночных условий;

– во-вторых, искусственное уклонение от конкурентных процедур. Часто контракты имеют признаки искусственного дробления. К слову, дефиниция «дробление закупки» отсутствует [8, с. 240]. В рассматриваемом случае предметом контрактов являлась реализация функций строительного контроля за возведением объекта капитального строительства (детский сад на 350 мест), находящегося в муниципальной собственности. Поскольку работы (услуги) были однородными (подрядные), а объект – единым, не существовало объективных препятствий для их выполнения единственным исполнителем. Суд констатировал отсутствие правомерных оснований для искусственного разделения данных работ на отдельные закупки. Фактически закупает-

¹ Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2024 году // Счетная палата Российской Федерации. URL: https://ach.gov.ru/reports/report_2024 (дата обращения: 01.12.2025).

мые услуги представляли собой единую потребность, совокупная стоимость которой (2 700 000 руб.) превысила предельный размер, установленный пунктом 4 части 1 статьи 93 Федерального закона № 44-ФЗ. Путем заключения указанных контрактов заказчик уклонился от применения конкурентных способов определения поставщика (подрядчика, исполнителя), воспользовавшись основанием, предусмотренным указанной нормой. Данные действия привели к нарушению принципа обеспечения конкуренции в сфере закупок и созданию неправомерных преимуществ для конкретного хозяйствующего субъекта¹. Сумма каждого контракта оставалась ниже лимитов, установленных для обязательного проведения конкурса (аукциона), что позволило заказчику системно избегать конкурентного отбора, нарушая принцип экономии бюджетных средств;

– в-третьих, расширительное толкование «чрезвычайных обстоятельств». Режим повышенной готовности могут посчитать недостаточным основанием для проведения экстренной закупки. В частности, Верховный суд Российской Федерации согласился с судами, которые признали недействительным контракт на услуги зимнего содержания объектов благоустройства. Суды отклонили ссылку заказчика на неблагоприятные метеоусловия и не приняли его доводы о действии на момент заключения контракта режима повышенной готовности. Суды отметили: данный режим не доказывает чрезвычайность обстоятельств и не отменяет необходимость проводить конкурентные процедуры. Сама по себе потребность заказчика в спорных услугах не означает, что сторонам нужно срочно вступить в договорные отношения.

Сложные погодные условия возникают ежегодно.

Правовая позиция высшей судебной инстанции, отраженная в пункте 9 Обзора практики применения Закона № 223-ФЗ, устанавливает ограничительные критерии правомерности закупки у единственного поставщика. Данный способ признается экономически оправданным лишь при наличии объективных обстоятельств, затрудняющих или делающих нецелесообразным проведение конкурентных процедур. К таковым относятся: функционирование на низкоконкурентном рынке, необходимость ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, а также факт несостоявшейся конкурентной закупки. Согласимся, что данный вид нарушения влечет за собой наиболее негативные последствия не только для публичных, но и общественных интересов [9, с. 30].

Следовательно, выбор неконкурентного способа размещения заказа требует от заказчика наличия разумных и объективных оснований, подтверждающих либо неэффективность конкурентных механизмов (например, в условиях ограниченного товарного рынка или стабильных цен), либо существенное ущемление интересов заказчика при их применении (как в случае срочной закупки или при доминировании недобросовестной конкуренции на рынке). В отсутствие подобных оснований такой выбор квалифицируется как злоупотребление правом, представляющее собой умышленное уклонение от принципов конкурентности и искажение целей правового регулирования в сфере закупок². Даже при наличии каких-либо веских причин суды рассматривают действия как ограничивающие конкуренцию, что объясняется наличием

¹ Решение Арбитражного суда Самарской области от 17 января 2023 г. по делу № А55-19873/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru/arbitral/doc/a0uUq8Dkg3N8/ (дата обращения: 01.12.2025).

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 сентября 2021 г. № 306-ЭС21-11589 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16092021-n-306-es21-11589-po-delu-n-a57-67922020/> (дата обращения: 01.12.2025).

ем в законодательстве достаточно строгих формальных требований к их проведению и ограниченным перечнем исключений [10, с. 179].

Процедура закупки у единственного поставщика, сопряженная с широкими возможностями для нецелевого расходования бюджетных средств, закономерно является ключевым объектом внимания Федеральной антимонопольной службы (ФАС России). Исключение здесь составляют случаи закупки «малых объемов» [11] и закупок при чрезвычайных ситуациях [12]. При этом проблемы необоснованного осуществления закупок у единственного поставщика усложняются искусственным ограничением принципа открытости и прозрачности, а также ежегодным увеличением числа оснований неконкурентных закупок [13, с. 211].

Анализ правоприменительной практики демонстрирует, что правовой институт закупки у единственного поставщика, обладая несомненными достоинствами, характеризуется и рядом системных недостатков, которые в текущий период законодателем последовательно нивелируются [14, с. 22]. Таким образом, судебная практика подтверждает необходимость не только правоприменительной корректировки, но и совершенствования законодательных и технологических механизмов контроля.

Ключевым направлением модернизации являются глубокая цифровизация и интеграция процедуры закупок у единственного поставщика в экосистему Единой информационной системы (ЕИС) с расширением ее аналитического функционала:

1. Внедрение автоматизированной проверки обоснованности. Алгоритмы ЕИС могли бы проводить предварительный анализ заявленных оснований, сверяя их с открытыми рыночными данными, историей закупок аналогичных товаров (работ, услуг) и выявляя потенциальные признаки недобросовестности (например, регулярные закупки у одного поставщика по завышенным ценам).

2. Создание централизованного публичного реестра обоснований. Размещение в

ЕИС не просто факта закупки, но и детального, предметного обоснования с приложением первичных документов (заключений, рыночных исследований) повысит прозрачность и позволит осуществлять общественный и экспертный контроль.

3. Развитие модуля сквозного мониторинга исполнения контрактов. Интеграция в ЕИС инструментов для онлайн-отслеживания ключевых этапов исполнения (графиков платежей, поставок, выполнения работ) с автоматическим оповещением контролирующих органов о срыве сроков станет действенным инструментом контроля.

4. Внедрение предиктивных аналитических систем для надзорных органов. Оснащение ФАС России и Счетной палаты Российской Федерации платформами на базе технологий искусственного интеллекта позволит перейти от выборочных проверок к системному анализу всех совершаемых закупок, выявляя аномалии, скрытые связи и рискованные схемы в режиме, близком к реальному времени.

Заключение

Закупка у единственного поставщика, сохраняя свою значимость как инструмент оперативного реагирования, требует создания сбалансированной системы «гибкость против контроля». Преодоление выявленных проблем лежит в плоскости комплексного подхода: ужесточения требований к качеству и публичности обоснования, усиления персональной ответственности заказчиков за результаты закупки и, что наиболее перспективно, масштабной цифровой трансформации всех сопутствующих процессов. Только так данный институт сможет эффективно выполнять свою вспомогательную функцию, не подменяя собой и не дискредитируя базовые принципы контрактной системы. Как отмечает М. В. Ефимов, чем выше цена контракта, тем выше ответственность и риски для единственных поставщиков. Такие риски могут привести к критическим ситуациям, возникает вероятность разрушения экономической составляющей предприятия, последствия таких си-

туаций часто приводят к банкротству, а значит, появляется безработица, создается социальная напряженность среди населения. Данные негативные факторы способствуют оттоку малого и среднего бизнеса из системы государственных закупок [15, с. 172].

Таким образом, институт закупки у единственного поставщика, при всей своей исключительности, является не периферийным, а системообразующим элементом современной контрактной системы. Его двойственная природа отражает фундаментальное противоречие между идеалом максимальной конкуренции и прагматическими требованиями эффективного управления. Эволюция от формального указания цены (по Закону № 94-ФЗ) к требованию ее комплексного обоснования демонстрирует

вектор на процедурализацию и усиление контрольных начал даже в рамках упрощенных механизмов. Развитие данного института видится в дальнейшей детализации и формализации критериев выбора, совершенствовании методик контроля за обоснованностью и создании сбалансированной модели, которая, обеспечивая необходимую гибкость, минимизировала бы риски злоупотребления дискреционными полномочиями заказчика. Его существование и устойчивое применение подтверждают тезис о том, что эффективная система публичных закупок не может быть построена исключительно на жестких конкурентных процедурах, требуя сохранения легитимных «обходных путей» для обеспечения непрерывности и жизнеспособности публичного сектора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Булгакова М. А., Самолысов П. В. Контрактная система в сфере государственных закупок в России. М.: Академия управления МВД России, 2020. 302 с.
2. Осипова Е. С., Демко Ю. А. Институт государственных закупок у единственного поставщика // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2019. № 2 (12). С. 123–135.
3. Котовщикова М. В., Амерханова Э. И. Особенности закупки товаров, работ, услуг государственным бюджетным учреждением у единственного поставщика // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 3, № 4. С. 24–27.
4. Сабетова Т. В., Кремер К. И. Оценка эффективности госзакупок у единственного поставщика // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2016. № 38. С. 200–205.
5. Обалаева Ю. И. Стратегические направления развития закупочных процедур в системе электронных торгов: дис. ... канд. экон. наук. М., 2018. 159 с.
6. Романенко О. Н. Новый подход к обоснованию цены контракта с единственным поставщиком // Сборник трудов факультета права и управления СФ МГПУ / под редакцией Е. А. Гуськова. Самара, 2021. С. 76–81.
7. Семенихин С. В. Актуальные проблемы закупок у единственного поставщика в соответствии с ст. 93 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2025. № 3 (43). С. 34–35.
8. Рукавишников С. М. К вопросу о дроблении государственной и муниципальной закупки // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16, № 2. С. 240–244.
9. Федотов Д. А., Довбий И. П. Особенности осуществления государственных закупок в условиях чрезвычайных ситуаций // Управление в современных системах. 2021. № 3. С. 29–40.
10. Гурьева С. Р. Некоторые вопросы заключения государственного (муниципального) контракта путем закупки у единственного поставщика // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 179–188.
11. Степанова Е. Е. Актуальные вопросы закупок «малого объема» у единственного поставщика // Юрист. 2019. № 2. С. 29–34.

12. Мухаметов Э. Р. Пресечение заключения договора с единственным поставщиком с использованием законодательства о чрезвычайных ситуациях // Законность. 2019. № 6. С. 10–12.
13. Федотов Д. А. Анализ нарушений при осуществлении закупок у единственного поставщика на примере практики органов контроля в сфере закупок // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 1. С. 205–211.
14. Ершова Ю. В., Туева Д. В. Закупка у единственного поставщика: общие положения // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2022. № 3 (53). С. 19–23.
15. Ефимов М. А. Закупки у единственного поставщика в условиях международных санкций: актуальные проблемы, риски, ответственность // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 161–172.

REFERENCES

1. Bulgakova M. A., Samolysov P. V. Contract system in public procurement in Russia. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 302 p. (In Russ.)
2. Osipova E. S., Demko Yu. A. Institute of public procurement from a single supplier // Socio-economic and humanitarian journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University. 2019. No. 2 (12). P. 123–135. (In Russ.)
3. Kotovshchikova M. V., Amerkhanova E. I. Features of the procurement of goods, works, and services by a state budgetary institution from a single supplier // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2018. Vol. 3, no. 4. P. 24–27. (In Russ.)
4. Sabetova T. V., Kremer K. I. Evaluation of the effectiveness of public procurement from a single supplier // Modern trends in economics and management: a new look. 2016. No. 38. P. 200–205. (In Russ.)
5. Obalaeva Yu. I. Strategic directions for the development of procurement procedures in the electronic trading system: Diss. ... Cand. of Econ. Moscow, 2018. 159 p. (In Russ.)
6. Romanenko O. N. A new approach to justifying the price of a contract with a single supplier // Collection of works of the faculty of law and management of the Siberian Branch of Moscow State Pedagogical University / edited by E. A. Guskov. Samara, 2021. P. 76–81. (In Russ.)
7. Semenikhin S. V. Current issues of procurement from a single supplier in accordance with Art. 93 of the Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ // Current issues of social, humanitarian, scientific and technical knowledge. 2025. No. 3 (43). P. 34–35. (In Russ.)
8. Rukavishnikov S. M. On the issue of fragmentation of state and municipal procurement // Siberian legal review. 2019. Vol. 16, no. 2. P. 240–244. (In Russ.)
9. Fedotov D. A., Dovbiy I. P. Features of public procurement in emergency situations // Management in modern systems. 2021. No. 3. P. 29–40. (In Russ.)
10. Guryeva S. R. Certain issues of concluding a state (municipal) contract through procurement from a single supplier // Bulletin of the Russian Law Academy. 2024. No. 3. P. 179–188. (In Russ.)
11. Stepanova E. E. Current issues of “small-volume” procurement from a single supplier // Jurist. 2019. No. 2. P. 29–34. (In Russ.)
12. Mukhametov E. R. Suppression of the conclusion of an agreement with a single supplier using the legislation on emergency situations // Legality. 2019. No. 6. P. 10–12. (In Russ.)
13. Fedotov D. A. Analysis of violations in the implementation of procurement from a single supplier using the practice of control bodies in the field of procurement // Current issues of the modern economy. 2022. No. 1. P. 205–211. (In Russ.)
14. Ershova Yu. V., Tueva D. V. Single-supplier procurement: general provisions // Proceedings of the Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law Academy. 2022. No. 3 (53). P. 19–23. (In Russ.)
15. Efimov M. A. Single-supplier procurement under international sanctions: current issues, risks, and liability // Bulletin of the Russian Law Academy. 2025. No. 1. P. 161–172. (In Russ.)

Информация об авторе:

А. В. Шухарева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

A. V. Shukhareva, Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.12.2025; одобрена после рецензирования 23.01.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 22.12.2025; approved after reviewing 23.01.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья:
УДК 343.131(470)

**ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Гульназ Юрисовна Каримова

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия,
kg579@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено особенностям реализации принципа справедливости в уголовно-процессуальной политике современной России. Во вводной части на основе приведенных сведений, в том числе результатов социологического исследования, обозначается актуальность выбранной темы. Принцип справедливости, наряду с принципом гуманизма, отмечен в качестве одного из компонентов идеологической основы уголовно-процессуальной политики. Содержанием работы выступает анализ мнений ученых относительно понятия и сущности принципа справедливости в уголовном процессе. В заключительной части статьи подводятся итоги, справедливость предлагается рассматривать как критерий вынесения итогового решения, принимаемого судьей при рассмотрении уголовного дела, и ценность, претворяющуюся в жизнь через всю уголовно-процессуальную деятельность должностных лиц, защитников и других участников уголовно-процессуальных отношений.

Ключевые слова: справедливость, уголовно-процессуальная политика, принцип, уголовное судопроизводство, гуманизм, нравственность, закон

Для цитирования: Каримова Г. Ю. Принцип справедливости в уголовно-процессуальной политике современной России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 2 (112). С. 81–86.

Original article

**THE PRINCIPLE OF JUSTICE
IN THE CRIMINAL PROCEDURE POLICY OF MODERN RUSSIA**

Gulnaz Yu. Karimova

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russia, kg579@yandex.ru

Abstract. The study is devoted to the peculiarities of the implementation of the principle of justice in the criminal procedure policy of modern Russia. In the introductory part, based on the information provided, including the results of a sociological study, the relevance of the chosen topic is indicated. The principle of justice, along with the principle of humanism, is noted as one of the components of the ideological basis of criminal procedure policy. The paper analyzes the opinions of scientists regarding the concept and essence of the principle of justice in criminal proceedings. In the final part of the article, the results are summarized, justice is proposed to be considered as a criterion for making the final decision made by a judge when considering a criminal case, and the value that is realized through the entire criminal procedural activities of officials, defenders and other participants in criminal procedural relations.

Keywords: justice, criminal procedure policy, principle, criminal proceedings, humanism, morality, law

© Каримова Г. Ю., 2026

For citation: Karimova G. Yu. The principle of justice in the criminal procedure policy of modern Russia // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 2 (112). P. 81–86. (In Russ.)

Введение

Уголовно-процессуальная политика современной России претерпела некоторые правовые изменения, что привело к переосмыслению отдельных ее идеологических основ, связанных с укреплением национальных традиционных ценностей, обеспечением преемственности поколений, единства народов России. О суверенизации Российской Федерации в условиях происходящих геополитических преобразований свидетельствуют инициированный в 2022 г. выход России из Совета Европы и денонсация Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 26 ноября 1987 г. и протоколов к ней от 4 ноября 1993 г., что создало нормативно-ценностный вакуум в сфере уголовного судопроизводства. Однако действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) основан на Конституции Российской Федерации и нацелен на претворение в жизнь положений важнейших документов стратегического планирования, утвержденных Президентом Российской Федерации В. В. Путиным. В Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей среди традиционных ценностей, которые необходимо беречь и укреплять, названы высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость и др.¹ Гуманизм и справедливость следует признать идеологическими основами уголовно-процессуальной политики, поскольку они имеют «надзаконный» ха-

рактер и пронизывают все отечественное законодательство, включая уголовно-процессуальное.

Методы

В качестве методов исследования в настоящей работе выбраны общенаучный метод анализа, а также специальные научные методы (сравнительно-правовой, статистический и др.). На наш взгляд, выбранные методы позволяют всесторонне изучить предмет настоящего исследования – особенности реализации принципа справедливости в уголовно-процессуальной политике современной России.

Результаты

Категория «справедливость» имеет значение упорядочивания, соразмерности, воздаяния за совершенное противоправное деяние. Таким образом, справедливость является нравственным началом, безусловным благом, гармонизирующим бытие [1, с. 36]. По мнению О. И. Рабцевич, справедливость отмечается некой идеальной ценностью, может отождествляться с истиной или обозначать совокупность идеальных закономерностей общественного взаимодействия [2, с. 23]. Справедливость считается многоаспектным понятием, которое в развитом обществе приобретает политический характер, опосредуется политикой [3, с. 3]. Эта мысль подтверждает политическое значение справедливости в конкретный исторический период развития государства. То, что считалось справедливым в советское время, перестало считаться таковым в постсоветское время – в период искусственного насаждения чуждых национальным ценностям идей западных государств. Но сегодня мы наблюдаем направленность уголовно-процессуальной политики в сто-

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

рону укрепления и возвращения традиционных российских ценностей. Стремление к материальной объективной истине, выражающееся в запросе на правду, на справедливость, можно считать правовой ценностью отечественного уголовного судопроизводства, нашедшей отражение в законодательстве советского периода. В качестве принципа оно сформировалось в континентальной правовой системе [4], к которой и относится наш уголовный процесс. Несмотря на отсутствие принципа объективной материальной истины в содержании УПК РФ 2001 г., стремление к познанию и установлению истины прослеживается как на стадиях досудебного, так и на стадии судебного производства.

Ю. В. Романец отмечает, что справедливость является добродетелью, выражающейся в нравственно должном отношении к каждому человеку, то есть в таком отношении, которое соответствует его нравственному достоинству и служит духовно-нравственной пользе [5]. В. С. Соловьев рассматривает справедливость в нравственном смысле как некоторое самопожертвование, ограничение своих притязаний в пользу чужих прав [6].

В правовой науке справедливость рассматривается как принятое обществом нравственное начало и мерило действий субъектов в пользу или во вред обществу и ответные действия других лиц [7]. По мнению З. А. Бербешкиной, справедливость строится не только на субъективных началах, но и на объективных, таких как политические, экономические, правовые¹.

В уголовном процессе справедливость рассматривается как идея или принцип, тесно взаимосвязанный с другими принципами. Однако О. В. Гладышева считает, что справедливость стоит выше принципов, представляя собой конструктивную цель уголовного судопроизводства, выполняет функцию системообразующего фактора, в соответствии с содержанием которого фор-

мируется вся система уголовно-процессуального регулирования начиная с совокупности принципов, а также осуществляется процесс правоприменения [8, с. 2].

Статья 297 УПК РФ устанавливает необходимость вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора, основанного на правильном применении уголовного закона в соответствии с требованиями УПК РФ. При этом в законодательстве Российской Федерации понятие справедливости не закреплено. Также в уголовно-процессуальной деятельности не определено содержание принципа справедливости. Одни авторы считают, что справедливость реализуется при применении наказания к виновному лицу, другие же идею справедливости распространяют на всю уголовно-процессуальную деятельность. Например, Э. Г. Шкредова, Н. Е. Муллахметова, А. А. Маганкова [9, с. 62] придерживаются точки зрения отнесения к критериям справедливости приговора соответствие наказания тяжести содеянного, личности осужденного. М. А. Чайковская считает, что справедливость как требование к приговору следует понимать только с точки зрения соразмерности назначенного наказания совершенному преступлению [10, с. 159]. По ее мнению, чрезмерно суровое наказание может служить показателем несправедливости приговора. Но все же более правильным, на наш взгляд, считается распространение принципа справедливости не только на итоговое решение судьи в виде обоснованного, законного и справедливого приговора, но и на всю уголовно-процессуальную деятельность. Подтверждением сказанному служит анализ отдельных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации относительно права лица на справедливое судебное разбирательство по уголовным делам. Так, в определении от 8 июля 2004 г. № 237-О/2004 сказано, что справедливое

¹ Бербешкина З. А. Проблема справедливости в марксистско-ленинской этике: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1974. С. 114.

публичное разбирательство возможно при предоставлении обвиняемому и его защитнику процессуальных возможностей по отстаиванию своей позиции, соблюдая принцип презумпции невиновности и разумный срок¹. Соответственно, если судом не оценены все аргументы сторон обвинения и защиты по существу и не обеспечены равные процессуальные права, то реализация права на справедливое судебное разбирательство невозможна. Важной представляется позиция Конституционного Суда Российской Федерации о недопустимости по общему правилу заочного рассмотрения уголовных дел, поскольку личное участие обвиняемого в судебном разбирательстве выступает элементом механизма обеспечения его права на справедливую судебную защиту на основе состязательности и равноправия сторон (определение от 12 мая 2016 г. № 1002-О/2016)². Также реализацией идеи справедливости является при обжаловании приговора проверка судом апелляционной инстанции законности, обоснованности и справедливости приговора, всей процедуры рассмотрения дела, доводов жалобы в полном объеме.

Значение принципа справедливости в уголовном процессе сложно переоценить. Следует согласиться с О. В. Гладышевой, утверждающей, что справедливость является конструктивной целью уголовного судопроизводства, выполняет функцию системообразующего фактора [8, с. 25]. Поддерживая мнение А. Р. Белкиной, предлагаем дополнить ч. 4 ст. 7 главы 2 УПК РФ «... справедливыми и гуманными» [11]. Есть и иное мнение, высказанное О. И. Цоколовой, что провозглашение идеи справедливости принципом уголовного процесса представляется декларативным [12, с. 106]. Несмотря на отсутствие единого подхода в науке уголовного процесса к пониманию принципа справедливости, все же никто

не оспаривает большое значение реализации этого принципа в уголовном процессе.

Таким образом, с законодательной точки зрения принцип справедливости не находит своего определения и в большей степени является критерием вынесения итогового решения, принимаемого судьей при рассмотрении уголовного дела. Однако сама категория справедливости тесным образом взаимосвязана с такими же категориями гуманизма и демократизма, по-другому их еще называют общеправовыми принципами. Идея гуманизма, по мнению некоторых ученых, к примеру В. Д. Попкова [13, с. 98], несовместима с идеей справедливости при назначении виновному лицу наказания. Справедливость охватывает интересы всего общества и государства в целом. Например, за совершенное преступление последует строгое наказание, что не будет выступать гуманным по отношению к подсудимому, но при этом будет гуманным по отношению к потерпевшему. Таким образом, уголовно-процессуальная деятельность должна быть ориентирована на справедливость в принятии итогового решения, на гуманизм в части этического и законного обращения с лицом, совершившим преступление. Но если говорить о внутреннем содержании справедливости в деятельности суда или должностных лиц, ведущих уголовный процесс, то должна учитываться субъективная составляющая в мыслительной деятельности указанных выше лиц. Например, при определении размера и вида наказания судья действует по внутреннему убеждению или усмотрению, которое основывается на нормах права. Так же он поступает при возникновении оценочных понятий, пробелов в праве. Внутреннее убеждение, как закреплено в ст. 17 УПК РФ, должно быть основано на материалах дела, законе и совести. Представ-

¹ Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации по отдельным вопросам. Право на справедливое судебное разбирательство по уголовным делам // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 28.12.2025).

² Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. № 1002-О/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 23.12.2025).

ляя собой мыслительную деятельность, внутренне убеждение основывается на нравственных установках, совести, менталитете и духовности конкретного участника уголовно-процессуальных отношений. По мнению О. Л. Васильева, содержанием справедливости выступает справедливость объективная или истина, а также человеческая добродетель, которую он относит к субъективной составляющей справедливости [1, с. 10–11]. Эта добродетель основывается на духовности, которая выступает своего рода внутренним регулятором поведения, включающего веру и нравственную волю. Если духовно-нравственные основы ослаблены, то у личности намного меньше шансов устоять перед разнообразными искушениями. Поскольку от субъективной составляющей зависит очень многое, а именно эффективное и законное досудебное производство и вынесение справедливого, законного и обоснованного приговора, важным представляется ее укрепление. Несмотря на то, что сегодня осуществляется активная работа всеми органами государственного управления и общественности по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, все же нельзя останавливаться на достигнутом

и нужно понимать, что «борьба за души» наших граждан – это деятельность постоянная и обусловлена конкретно-историческими условиями [14, с. 74]. В условиях современных вызовов и угроз происходит переоценка правовых ценностей и традиций, сложившихся в нашем обществе и государстве. Нравственным устоям уделяется должное внимание в уголовном судопроизводстве, они напрямую связаны с состоянием правопорядка в целом, выступает непосредственной частью процесса противодействия преступности.

Заключение

Таким образом, принцип справедливости является одной из фундаментальных идей уголовного судопроизводства, которая находит свою реализацию в принципах уголовного судопроизводства, закрепленных в главе 2 УПК РФ. К справедливости стремятся не только судьи при вынесении итогового решения по уголовному делу, но и все должностные лица, ведущие уголовный процесс, при осуществлении каждого процессуального действия на стадиях досудебного и судебного производства. При этом большую роль играет духовно-нравственная составляющая мыслительной деятельности должностного лица, ведущего уголовный процесс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильев О. Л. Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях российского уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 352 с.
2. Рабцевич О. И. О содержании права на справедливое судебное разбирательство // Мировой судья. 2004. № 2. С. 23–25.
3. Мартышин О. В. Справедливость и право // Право и политика. 2000. № 12. С. 159–165.
4. Головкин Л. В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 65–87.
5. Романец Ю. В. Роль правоприменения в утверждении справедливости // Российская юстиция. 2012. № 2. С. 66–70.
6. Соловьев В. С. Право и нравственность: очерки из прикл. этики. СПб.: Я. Канторович, 1899. 177 с.
7. Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. М.: Мысль, 1977. 255 с.
8. Гладышева О. В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. 45 с.
9. Шкредова Э. Г., Муллахметова Н. Е., Маганкова А. А. Принцип справедливости: теория и практика применения судами при рассмотрении уголовных дел: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 166 с.
10. Чайковская М. А. Свойства приговора: монография. М.: Проспект, 2013. 176 с.

11. Белкин А. Р. УПК РФ: нужны ли перемены?: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2013. 416 с.
12. Цоколова О. И. Есть ли справедливость на досудебных стадиях уголовного судопроизводства? // Современные проблемы законности и справедливости в уголовном процессе: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А. П. Гуляева. М.: МАЭП, 2014. С. 101–106.
13. Попков В. Д. Гуманизм советского права. М.: Изд-во Московского университета, 1972. 194 с.
14. Исаев А. А. Духовная безопасность личности: условия и способы обеспечения: монография. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2025. 96 с.

REFERENCES

1. Vasilyev O. L. Theoretical aspects of the principle of justice in the pre-trial stages of the Russian criminal procedure: Diss. ... Doctor of Law. Moscow, 2018. 352 p. (In Russ.)
2. Rabtsevich O. I. On the content of the right to a fair trial // The magistrate. 2004. No. 2. P. 23–25. (In Russ.)
3. Martyshyn O. V. Justice and law // Law and politics. 2000. No. 12. P. 159–165. (In Russ.)
4. Golovko L. V. Theoretical foundations of modernization of the doctrine of material truth in criminal procedure // Library of the criminalist. 2012. No. 4. P. 65–87. (In Russ.)
5. Romanets Yu. V. The role of law enforcement in establishing justice // Russian justice. 2012. No. 2. P. 66–70. (In Russ.)
6. Solovyov V. S. Law and morality: essays from the applied ethics. St. Petersburg: Ya. Kantorovich publ., 1899. 177 p. (In Russ.)
7. Maltsev G. V. Social justice and law. Moscow: Mysl, 1977. 255 p. (In Russ.)
8. Gladysheva O. V. Justice and legality in the criminal proceedings of the Russian Federation: abstract of Dis. ... Doctor of Law. Krasnodar, 2009. 45 p. (In Russ.)
9. Shkredova E. G., Mullahmetova N. E., Magankova A. A. The principle of justice: theory and practice of application by courts in criminal cases: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2016. 166 p. (In Russ.)
10. Tchaikovskaya M. A. Verdict properties: monograph. Moscow: Prospekt, 2013. 176 p. (In Russ.)
11. Belkin A. R. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: are changes needed?: monograph. Moscow: Norma, Infra-M, 2013. 416 p. (In Russ.)
12. Tsokolova O. I. Is there justice at the pre-trial stages of criminal proceedings? // Modern problems of legality and justice in criminal proceedings: materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor A. P. Gulyaev. Moscow: MAEL, 2014. P. 101–106. (In Russ.)
13. Popkov V. D. Humanism of Soviet law. Moscow: Moscow University publ., 1972. 194 p. (In Russ.)
14. Isaev A. A. Spiritual security of an individual: conditions and methods of ensuring it: monograph. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. 96 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Г. Ю. Каримова, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

G. Yu. Karimova, Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.02.2026; одобрена после рецензирования 12.02.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 11.02.2026; approved after reviewing 12.02.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья
УДК 343.8

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В СОВРЕМЕННОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Виктория Геннадьевна Олесовец

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
viktoriaolesovets@yandex.ru,
ORCID: 0009-0006-2083-6667

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу проблем, препятствующих эффективной реализации исправительных работ как вида уголовного наказания. Несмотря на значительный гуманистический и ресоциализационный потенциал, его применение существенно затруднено из-за несовершенства законодательной регламентации и правоприменительной практики. На основе анализа действующего законодательства и материалов судебной практики в работе выявляются проблемы реализации пределов судейского усмотрения при индивидуализации наказания, а также системные дефекты правового регулирования. К последним относятся недостаточность регламентации межведомственного взаимодействия, дефицит механизмов стимулирования работодателей и нерешенность вопроса о применении наказания к лицам, работающим дистанционно. Кроме того, анализируются несовершенства правового регулирования для отдельных категорий осужденных и типичные судебные ошибки, допускаемые при назначении и замене наказания. В заключение на основе проведенного анализа и выявленных коллизий в действующем законодательстве сформулирован комплекс теоретически обоснованных предложений, направленных на совершенствование механизма исполнения наказания в виде исправительных работ.

Ключевые слова: исправительные работы, назначение наказания, проблемы уголовного законодательства, индивидуализация наказания, судейское усмотрение, дистанционная работа, эффективность наказания

Для цитирования: Олесовец В. Г. Проблемы назначения наказания в виде исправительных работ в современной судебной практике // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 2 (112). С. 87–95.

Original article

PROBLEMS OF SENTENCING IN THE FORM OF CORRECTIONAL LABOR IN MODERN JUDICIAL PRACTICE

Victoria G. Olesovets

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia,
viktoriaolesovets@yandex.ru,
ORCID: 0009-0006-2083-6667

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of problems that impede the effective implementation of correctional labor as a type of criminal punishment. Despite the significant humanistic and resocialization potential, its application is significantly difficult due to the imperfection of legislative regulation and law enforcement practice. Based on the analysis of the current legislation and materials of judicial practice, the work identifies problems of implementing the limits of judicial discretion in the individualization of punishment, as well as systemic defects in legal regulation. The latter include the lack of regulation of

© Олесовец В. Г., 2026

interdepartmental interaction, the lack of incentive mechanisms for employers and the unresolved issue of applying punishment to persons working remotely. In addition, the imperfections of legal regulation for certain categories of convicts and typical judicial errors made in the appointment and replacement of punishment are analyzed. In conclusion, on the basis of the analysis and identified conflicts in the current legislation, a set of theoretically substantiated proposals was formulated aimed at improving the mechanism for the execution of punishment in the form of correctional labor.

Keywords: correctional work, sentencing, problems of criminal law, individualization of punishment, judicial discretion, remote work, effectiveness of punishment

For citation: Olesovets V. G. Problems of sentencing in the form of correctional labor in modern judicial practice // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 2 (112). P. 87–95. (In Russ.)

Введение

Институт исправительных работ в российском уголовном праве характеризуется внутренним противоречием: обладая значительным ресоциализационным потенциалом, его практическая реализация сталкивается с многочисленными проблемами, снижающими его результативность. Во многом это противоречие обусловлено несовершенством законодательной регламентации данного вида наказания, создающим системные барьеры для эффективного правоприменения.

Именно это определяет научный и практический интерес к исправительным работам как наказанию, не связанному с изоляцией осужденного от общества. Необходимость и значимость применения данного вида наказания подчеркивается в научной литературе. Так, В. И. Якименко отмечает: «Исправительные работы наиболее приемлемы из всех видов уголовных наказаний, поскольку не требуют больших государственных вложений на содержание и реализацию, не связанных с изоляцией от общества» [1, с. 1050].

Важность сохранения трудовой занятости осужденного обусловлена не только его ресоциализацией, но и минимизацией негативных последствий наказания для его семьи. Данный аспект находит свое подтверждение в уголовном законодательстве.

Так, согласно ч. 3 ст. 60 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), при назначении наказания должны учитываться не только характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного и обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание, но и влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. В этом контексте назначение исправительных работ, как правило, позволяет сохранить источник дохода, поддержать участие осужденного в семейной жизни и способствует его дальнейшей ресоциализации.

Однако, несмотря на значительный потенциал данного вида наказания, его эффективное применение в российской правоприменительной практике существенно затруднено. Комплекс существующих проблем коренится в несовершенстве действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Важно отметить, что несмотря на наличие приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 19 января 2026 г. № 6 «Об организации исполнения наказаний в виде обязательных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных работ, контроля за поведением осужденных, к которым применена отсрочка отбывания наказания, условно осужденных»¹ указанный

¹ Об организации исполнения наказаний в виде обязательных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных работ, контроля за поведением осужденных, к которым применена отсрочка отбывания наказания, условно осужденных: приказ Минюста России от 19 января 2026 г. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

нормативный акт носит преимущественно ведомственный, процедурный характер. Он детально регламентирует порядок исполнения наказания, однако не восполняет пробелы материально-правовых норм, которые возникли в результате трансформации института исправительных работ, связанных с изменениями ст. 50 УК РФ, вступившими в силу в 2026 г.

Системный характер указанных несовершенств законодательной регламентации, на которые обращают внимание исследователи (в частности, Т. И. Исакова), позволяет классифицировать существующие проблемы по трем ключевым направлениям: правовым, организационным и социально-экономическим [2]. Именно отсутствие системного подхода к устранению данных недостатков приводит к правовым пробелам и препятствует единообразному и справедливому назначению исправительных работ. Целью настоящей статьи является комплексный анализ ключевых проблем назначения исправительных работ и разработка на его основе предложений по совершенствованию законодательства.

Методы

В ходе исследования применялся комплекс общенаучных и частнонаучных методов. Метод системного анализа позволил выявить и классифицировать проблемы назначения исправительных работ, разделив их на теоретико-правовые и практические. Формально-логический метод использовался при анализе норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. Сравнительно-правовой метод был востребован при сопоставлении исправительных работ с иными видами наказаний для выявления системных недостатков законодательной регламентации. В работе также активно использовался метод анализа материалов судебной практики и статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Результаты

Анализ научной доктрины и правоприменительной практики позволяет выявить несколько взаимосвязанных проблем, препятствующих эффективному назначению исправительных работ.

Представляется целесообразным начать анализ с фундаментальных проблем, присущих всей системе назначения наказания, поскольку именно они формируют тот правовой фон, на котором проявляются специфические недостатки института исправительных работ.

Основной проблемой, затрагивающей всю систему уголовных наказаний, является несоблюдение судами установленного правового алгоритма реализации принципа индивидуализации наказания. В соответствии с требованиями п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»¹ (далее – постановление № 58), суду надлежит обеспечивать строго индивидуальный подход, учитывая не только характер содеянного, но и детальные сведения о личности: семейное и имущественное положение, состояние здоровья, поведение в быту, наличие иждивенцев. Как справедливо отмечает Ю. В. Быстрова, суды нередко допускают неоднозначную трактовку и оценку смягчающих и отягчающих обстоятельств, что свидетельствует о формальном подходе к выполнению указанных разъяснений высшей судебной инстанции и приводит к отмене или изменению приговоров [3, с. 226]. Аналогичные выводы делают Е. В. Облицова, А. А. Ежов и З. Г. Облицова, отмечая проблему баланса между формализацией и судебским усмотрением, а также размытость таких формулировок, как «справедливое наказание», что затрудняет единообразное правоприменение [4, с. 26]. Применительно к исправительным работам данная пробле-

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 23.12.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ма обостряется игнорированием положений п. 27 вышеуказанного постановления № 58, обязывающего суд мотивировать в приговоре влияние назначенного наказания на условия жизни семьи осужденного, что часто подменяется стандартными формулировками без реального анализа материального положения виновного.

Данная проблема напрямую ведет к другой – существенной вариативности санкций Особенной части УК РФ, создающей базу для значительного дифференцированного «разброса» видов наказания за одно и то же преступление. Обоснованно предположить, что подобный дисбаланс является следствием несовершенства современной уголовной политики в части формулирования уголовно-правовых запретов и конструирования санкций. В результате вид наказания нередко определяется не столько характером и степенью общественной опасности совершенного преступления, сколько рамками судебного усмотрения при оценке совокупности обстоятельств дела. Это приводит к тому, что за аналогичные преступления могут назначаться как чрезмерно мягкие, так и несоразмерно строгие виды наказания. На недостаточную гибкость системы наказаний и сложности с индивидуализацией указывает Н. А. Лопашенко, отмечая, что суды нередко назначают наказания, не соответствующие в полной мере тяжести преступления и личности виновного [5]. Отсутствие гибкости и достаточности дифференциации влечет за собой зависимость вида наказания от «судейского усмотрения», что, по мнению Ю. В. Грачевой, может привести к непоследовательности в правоприменении и снижению уровня общественного доверия к правосудию [6]. Эти общие проблемы особенно остро проявляются при назначении исправительных работ. Согласно требованиям вышеуказанного постановления № 58, более строгий вид наказания из числа предусмотренных назначается только в случае, если менее строгий не может обеспечить достижение целей исправления. Однако суды не всегда тщательно исследуют личность осужденного. Игнорирование данных факторов

часто приводит к назначению заведомо неисполнимого наказания. Безусловно, в законе (ч. 4 ст. 50 УК РФ и ст. 46 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ)) прописан четкий порядок замены исправительных работ принудительными работами или лишением свободы в случае злостного уклонения. Однако недопустимо, чтобы суд рассматривал этот механизм как способ исправления своих ошибок, допущенных еще при вынесении приговора. Назначение наказания, которое заведомо не может быть исполнено в конкретных жизненных условиях осужденного, лишает судебное решение смысла, подрывает авторитет суда и необоснованно затягивает процесс реального исправления человека.

Наряду с общесистемными вызовами особую актуальность приобретает совокупность проблем, детерминированных законодательной трансформацией субъектного состава исправительных работ. В связи с изменениями в уголовном законе, вступившими в силу 20 января 2026 г., исправительные работы назначаются исключительно лицам, имеющим основное место работы. На первый взгляд, данная новелла нивелирует административные трудности уголовно-исполнительных инспекций по поиску вакансий и согласованию мест отбывания наказания с органами местного самоуправления. Однако такое законодательное решение порождает фундаментальную коллизию, связанную с нарушением конституционного принципа равенства граждан перед законом (ст. 19 Конституции Российской Федерации). Исключение лиц, не имеющих основного места работы, из сферы действия ст. 50 УК РФ создает ситуацию, при которой данный вид наказания, не связанный с изоляцией от общества, становится социально-экономической «привилегией». В результате безработные граждане, совершившие аналогичные преступления, заведомо ставятся в худшее положение, лишаясь возможности ресоциализации через труд и подвергаясь риску назначения более суровых видов наказания.

Следует подчеркнуть, что ограничение круга субъектов, только имеющих основ-

ное место работы, не устраняет дефицит механизмов стимулирования бизнеса. Сам факт наличия у осужденного места работы не гарантирует стабильность его трудового статуса в период отбывания наказания. На системный характер этой проблемы – дефицит механизмов экономического стимулирования работодателей – указывала Т. В. Непомнящая [7]. По мнению автора, именно отсутствие преференций для предпринимателей является существенным барьером для эффективной реализации альтернативных наказаний, что актуализирует необходимость разработки мер государственной поддержки бизнеса, принимающего на себя бремя надзора за осужденными.

Существенной проблемой остается обеспечение стабильности правового статуса осужденного в случае утраты им основного места работы. Согласно ст. 40 УИК РФ, лицо обязано самостоятельно трудоустроиться либо встать на учет в органах службы занятости в течение 15 дней. При этом законодатель императивно закрепляет запрет на отказ от предложенной работы или переквалификации. По нашему убеждению, столь жесткий механизм создает риск депрофессионализации осужденных: в случае отсутствия вакансий по специальности в течение краткого 15-дневного срока лицо вынуждено принимать любую работу, не соответствующую его уровню образования и квалификации. Подобный подход игнорирует ресоциализационный потенциал профессионального труда, превращая наказание в инструмент принудительной занятости на любых доступных вакансиях, что не всегда способствует эффективному исправлению личности.

Стремительное развитие цифровых технологий и распространение дистанционных форм труда создали особый вызов для уголовно-исполнительной системы. Действующее законодательство и практика контроля за исполнением исправительных работ, традиционно ориентированные на физическое присутствие осужденного на определенном объекте, абсолютно не приспособлены к контролю за отбыванием наказания в уда-

ленном формате. Это порождает правовую неопределенность в отношении места отбывания наказания, механизмов контроля за выполнением трудовой функции и соблюдением режима, а также удержания установленного процента из заработной платы, что ставит под вопрос реализацию исправительной функции наказания.

Дальнейший анализ законодательства выявляет необходимость более глубокой дифференциации наказания для отдельных категорий осужденных. В отношении несовершеннолетних, при назначении исправительных работ которым суды, как правило, применяют положения об условном осуждении (ст. 73 УК РФ), вопрос материальных удержаний из заработка не теряет своей актуальности. С учетом положений ст. 88 УК РФ и их ограниченных возможностей по получению дохода установление идентичного со взрослыми процента удержаний представляется социально несправедливым. Это требует дифференцированного подхода к определению объема материальной репрессии, так как финансовое обременение несовершеннолетнего может препятствовать его нормальному развитию и обучению.

Наряду с необходимостью совершенствования норм, определяющих круг лиц, которым могут быть назначены исправительные работы, не менее актуальной является проблема обеспечения соразмерности и эффективности данного наказания, что напрямую связано с вопросом об установленных законом сроках его отбывания. В теории уголовного права активно обсуждается вопрос о необходимости усиления принудительной составляющей исправительных работ. Как отмечают И. А. Подройкина и И. В. Танага, по своему содержанию исправительные работы являются более строгим наказанием, чем это отражено в ст. 44 УК РФ [8]. Анализ санкций статей Особенной части УК РФ показывает значительный дисбаланс между сроками исправительных работ (до двух лет) и лишения свободы (например, по ч. 1 ст. 161 УК РФ до двух лет исправительных ра-

бот или до четырех лет лишения свободы). Для реализации принципа справедливости и соразмерности видится целесообразным увеличить верхнюю границу исправительных работ до пяти лет. Данное предложение обосновано необходимостью создания полноценной альтернативы принудительным работам, которые также назначаются на срок до пяти лет, но сопряжены с обязательным нахождением в исправительных центрах. Увеличение верхней границы исправительных работ позволит судам чаще применять наказания, не связанные с изоляцией от общества и семьи, для лиц, совершивших преступления средней тяжести. Таким образом, расширение временных границ данного наказания обеспечит гибкость судебского усмотрения и усилит ресоциализационный потенциал уголовного закона.

Указанные законодательные и теоретические проблемы усугубляются систематическими ошибками в судебной практике. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации свидетельствуют о стабильном применении исправительных работ. Так, в 2024 г. данный вид наказания был применен в отношении 23 140 осужденных, что составило 9,2 % от их общего числа¹. Несмотря на востребованность наказания, изучение материалов судебной практики позволяет выявить определенные недостатки при реализации законодательных требований на стадии назначения наказания. Одной из наиболее распространенных ошибок является отсутствие в приговоре указания на конкретный размер удержаний из заработной платы. С процессуальной точки зрения данное упущение ква-

лифицируется как неясность приговора, подлежащая устранению в порядке ст. 397 УПК РФ путем направления соответствующего представления в суд на стадии исполнения наказания. Тем не менее Верховный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что если размер удержания не указан, то наказание в виде исправительных работ будет считаться не назначенным, что влечет исключение его из приговора. Примером данной судебной ошибки является дело Ш., в котором суд, признав его виновным по ч. 3 ст. 30, пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, приговорил к девяти годам одиннадцати месяцам лишения свободы и по ч. 1 ст. 116 УК РФ к четырем месяцам исправительных работ, не указав процент удержаний. Данное нарушение было выявлено Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, которая изменила приговор, исключив из него назначенное Ш. наказание по ч. 1 ст. 116 УК РФ². Однако следует признать, что в современной судебной практике подобные радикальные решения об исключении наказания применяются реже, уступая место механизмам процессуального восполнения пробелов приговора.

Другой распространенной судебной ошибкой является назначение наказания лицам, которым оно не может быть назначено в силу прямых ограничений, установленных законом. Иллюстрацией данного нарушения служит дело подсудимой К., которая имела ребенка, не достигшего трехлетнего возраста. Несмотря на прямой запрет, содержащийся в ч. 5 ст. 50 УК РФ, суд назначил ей наказание в виде исправительных работ. Впоследствии Судебная коллегия Первого кассационного суда общей юрисдикции из-

¹ Обзор практики Верховного суда Российской Федерации по применению норм уголовного закона о назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера (по материалам уголовных дел, рассмотренных в кассационном порядке): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 декабря 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 1 полугодие 2010 года. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

менила приговор, заменив исправительные работы на штраф¹.

Наряду с прямыми нарушениями законодательных запретов не менее острой проблемой является игнорирование судами обязанности по всестороннему исследованию социально-бытовых характеристик личности подсудимого. Это проявляется в том, что суды не всегда в полной мере выясняют обстоятельства, характеризующие личность виновного, его трудоспособность, состояние здоровья, семейное и материальное положение. Как справедливо утверждает Ю. Б. Мельникова, «недостаточно глубокое изучение личности виновных приводит к неправильному избранию меры наказания» [9, с. 89]. Придерживаемся мнения, что, назначая исправительные работы, суды должны уделять особое внимание отношению подсудимого к труду и иным личностным характеристикам.

Нередки ошибки и при назначении наказания по совокупности преступлений. Суды, в нарушение разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, иногда ошибочно применяют принцип сложения не только к срокам, но и к процентам удержаний. Так, по делу А., осужденной по двум эпизодам ст. 157 УК РФ, суд первой инстанции незаконно суммировал проценты удержаний ($5\% + 7\% = 10\%$). Апелляционная инстанция изменила приговор, справедливо указав, что сложению подлежат только сроки, и установила окончательный размер удержаний в 5% ². Серьезные трудности и ошибки возникают при исчислении сроков при замене исправительных работ лишением свободы в случае злостного уклонения от их отбывания. Сложность расчетов, как показывает практика, нередко приводит к неверному определению неотбытого срока и, как след-

ствие, к незаконному увеличению наказания для осужденного. Данная проблема наглядно иллюстрируется материалами дела в отношении Н., рассмотренного Президиумом Верховного суда Республики Башкортостан³. В данном деле суд первой инстанции при замене наказания неверно исчислил неотбытую часть исправительных работ, не учтя периоды, которые осужденный фактически отбыл, находясь под стражей. В результате вместо оставшихся 15 дней исправительных работ (что эквивалентно 5 дням лишения свободы) осужденному было незаконно назначено 2 месяца и 13 дней лишения свободы.

Выявленные дефекты правоприменения носят системный характер и требуют дифференцированного подхода к их устранению. Обобщая указанные ошибки, их следует классифицировать по трем уровням: материально-правовому, процессуальному, и уголовно-исполнительному праву. Последний аспект является наиболее критическим, так как игнорирование судами положений главы 7 УИК РФ в части проверки реальных условий труда ведет к назначению фактически неисполнимых наказаний. Обеспечение единства этих трех отраслей права при вынесении приговора является необходимым условием для повышения результативности исправительных работ

Заключение

Проведенное исследование показало, что несмотря на свой значительный потенциал институт исправительных работ сталкивается с комплексом серьезных проблем, снижающих его эффективность. Основные проблемы лежат в плоскости недостаточной индивидуализации наказания, наличия существенных пробелов в законодательной регламентации и систематических ошибок в судебной практике.

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30 июля 2020 г. № 77-1255/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Справка по результатам проведенного обобщения анализа практики рассмотрения дел о преступлениях, предусмотренных ст. 157 УК РФ от 25 декабря 2020 г. // Самарский областной суд. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Постановление Президиума Верховного Суда Республики Башкортостан от 11 марта 2015 г. по делу № 44у-48/15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Для повышения эффективности данного вида наказания и реализации его ресоциализационного потенциала представляется необходимым:

1. На законодательном уровне разработать и внедрить механизмы экономического стимулирования работодателей; урегулировать порядок отбывания исправительных работ в условиях дистанционной занятости с применением современных технологий контроля; пересмотреть ограничения по кругу лиц, которым может быть назначено наказание; а также увеличить максимальный срок исправительных работ до пяти лет для обеспечения соразмерности наказания.

2. На уровне правоприменения разработать и внедрить через постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации детализированный алгоритм действий

суда при назначении исправительных работ. Такой алгоритм должен включать достоверное установление трудового статуса осужденного, детальное выяснение специфики трудовой функции, всестороннюю оценку влияния наказания на условия жизни семьи и прогностическую оценку фактической реализуемости наказания. Это позволит минимизировать риски судебных ошибок и обеспечит подлинную индивидуализацию наказания.

Реализация предложенных мер позволит не только решить существующие проблемы, но и повысить эффективность и обоснованность применения исправительных работ как реальной альтернативы лишению свободы, что в полной мере соответствует целям гуманизации уголовной политики Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Якименко В. И. Исправительные работы: проблемы регламентации и эффективность применения // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 1045–1051.
2. Исакова Т. И. О некоторых проблемах назначения и исполнения исправительных работ // Вестник науки. 2023. Т. 3, № 11 (68). С. 349–352.
3. Быстрова Ю. В. Проблемы назначения наказания и пути их решения: анализ правоприменительной практики // Теория и практика общественного развития. 2023. № 7 (183). С. 224–228.
4. Облицова Е. В., Ежов А. А., Облицова З. Г. Современные проблемы теории и практики назначения наказания // На пути к гражданскому обществу. 2019. № 3 (35). С. 22–26.
5. Лопашенко Н. А. Об уголовном наказании в России: заметки на полях Уголовного кодекса (от настоящего к будущему) // Закон. 2021. № 12. С. 33–48.
6. Грачева Ю. В. Перспективы существования судейского усмотрения в уголовном праве // Lex russica. 2014. № 8. С. 947–956.
7. Непомнящая Т. В. Проблемы назначения уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы // Правоприменение. 2018. № 2. 80–88.
8. Подройкина И. А., Танага И. В. Исправительные работы в уголовном праве: некоторые спорные вопросы // Общество и право. 2019. № 3 (65). С. 44–48.
9. Мельникова Ю. Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. 120 с.

REFERENCES

1. Yakimenko V. I. Correctional work: problems of regulation and effectiveness of application // Issues of Russian justice. 2020. No. 9. P. 1045–1051. (In Russ.)
2. Isakova T. I. On some problems of the appointment and execution of correctional labor // Bulletin of science. 2023. Vol. 3, no. 11 (68). P. 349–352. (In Russ.)
3. Bystrova Yu. V. Problems of sentencing and ways to solve them: an analysis of law enforcement practice // Theory and practice of social development. 2023. No. 7 (183). P. 224–228. (In Russ.)

4. Oblitsova E. V., Yezhov A. A., Oblitsova Z. G. Modern problems of theory and practice of sentencing // On the way to civil society. 2019. No. 3 (35). P. 22–26. (In Russ.)
5. Lopashenko N. A. On criminal punishment in Russia: notes on the margins of the Criminal Code (from the present to the future) // Law. 2021. No. 12. P. 33–48. (In Russ.)
6. Gracheva Yu. V. Prospects for the existence of judicial discretion in criminal law // Lex russica. 2014. No. 8. P. 947–956. (In Russ.)
7. Nepomnyashchaya T. V. Problems of sentencing criminal punishments alternative to imprisonment // Law enforcement. 2018. No. 2. P. 80–88. (In Russ.)
8. Podroikina I. A., Tanaga I. V. Correctional labor in criminal law: some controversial issues // Society and law. 2019. No. 3 (65). P. 44–48. (In Russ.)
9. Melnikova Yu. B. Differentiation of responsibility and individualization of punishment. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Press. 120 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

В. Г. Олесовец, адъюнкт.

Information about the author:

V. G. Olesovets, adjunct.

Статья поступила в редакцию 13.10.2025; одобрена после рецензирования 19.01.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 13.10.2025; approved after reviewing 19.01.2026; accepted for publication 18.06.2026.

**СУЩНОСТЬ И ПРИРОДА ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
В РЕГУЛИРОВАНИИ ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА
И ЕЕ СООТНОШЕНИЕ С КОЛЛИЗИЯМИ И ПРОБЕЛАМИ****Елизавета Игоревна Платонова**Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
Москва, Россия,
platonova.elizaveta69@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена неопределенности в уголовно-процессуальном праве. На основе анализа научных подходов, в том числе таких авторов, как Е. В. Васьковский, А. Б. Венгеров, А. В. Ендольцева, И. Н. Зиновкина, Т. Н. Назаренко, П. О. Панфилов, В. В. Сиворакша и др., раскрывается сущность и природа юридической неопределенности как объективного свойства правового регулирования уголовного судопроизводства, порождаемого многозначностью языковых формулировок, динамизмом общественных отношений и ограниченностью законодательного предвидения. В работе проводится четкое разграничение между неопределенностью, с одной стороны, и коллизиями и пробелами в праве – с другой. Автор обосновывает, что коллизии (противоречия между нормами) и пробелы (отсутствие нормы) являются частными, структурно-текстуальными проявлениями или следствиями более широкого и фундаментального явления – нормативной неопределенности. Доказывается, что неопределенность в правовом регулировании не является исключительно негативным фактором: в допустимых пределах она выполняет позитивные функции, обеспечивая гибкость правоприменения и индивидуализацию судебного решения. Результаты исследования могут способствовать совершенствованию методики толкования и применения уголовно-процессуальных норм в практической деятельности.

Ключевые слова: неопределенность в праве, уголовное судопроизводство, правовое регулирование, коллизии в праве, пробелы в праве, толкование норм, юридическая техника

Для цитирования: Платонова Е. И. Сущность и природа правовой неопределенности в регулировании досудебного уголовного производства и ее соотношение с коллизиями и пробелами // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 2 (112). С. 96–102.

Original article

**THE ESSENCE AND NATURE OF LEGAL UNCERTAINTY
IN THE REGULATION OF PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS
AND ITS RELATIONSHIP TO CONFLICTS AND GAPS****Elizaveta I. Platonova**V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia,
platonova.elizaveta69@yandex.ru

Abstract. This article focuses on a comprehensive theoretical and legal study of the phenomenon of uncertainty in criminal procedure law. Based on the analysis of scientific approaches, including those of authors such as E. V. Vaskovsky, A. B. Vengerov, A. V. Endoltseva, I. N. Zinovkin, T. N. Nazarenko, P. O. Panfilov, V. V. Sivoraksha and others, the article reveals the essence and nature of legal uncertainty as an objective property

of legal regulation of criminal proceedings, which is caused by the ambiguity of language formulations, the dynamism of social relations, and the limitations of legislative foresight. The paper makes a clear distinction between uncertainty, on the one hand, and conflicts and gaps in law, on the other. The author argues that conflicts (contradictions between norms) and gaps (absence of a norm) are specific, structural, and textual manifestations or consequences of a broader and more fundamental phenomenon: normative uncertainty. The paper demonstrates that uncertainty is not solely negative.

Keywords: legal uncertainty, criminal proceedings, legal regulation, legal conflicts, gaps in law, interpretation of norms, and legal technique

For citation: Platonova E. I. The essence and nature of legal uncertainty in the regulation of pre-trial criminal proceedings and its relationship to conflicts and gaps // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 2 (112). P. 96–102. (In Russ.)

Введение

Правовое регулирование уголовного судопроизводства, будучи призванным обеспечить максимальную четкость и предсказуемость процедур защиты фундаментальных прав и законных интересов участников уголовного процесса, неизбежно содержит в себе элементы неопределенности правового регулирования. Указанное явление часто воспринимается как дефект правовой нормы, источник следственных и судебных ошибок, произвола должностных лиц. Однако, как справедливо отмечает Т. Н. Назаренко, неопределенность носит объективный характер и имманентно присуща праву в силу ряда гносеологических, лингвистических и социальных причин [1, с. 45]. Актуальность исследования заключается в необходимости выработки научно обоснованного подхода к пониманию сущности правовой неопределенности, ее дифференциации от смежных понятий – коллизий и пробелов в уголовном судопроизводстве, а также определению ее функциональной роли в механизме уголовно-процессуального регулирования. Целью статьи является раскрытие природы нормативной неопределенности и установление ее системных связей с коллизиями и пробелами в праве.

Методы

В качестве методологической основы научной статьи использованы как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход), так и частнонаучные методы (формально-логический, структурно-функциональный метод), а также методы толкования права.

Результаты

1. Сущность и природа неопределенности в правовом регулировании досудебного уголовного производства.

В трактовке Т. Н. Назаренко нормативная неопределенность – это объективное свойство правовой нормы, выражающееся в наличии у правоприменителя законных оснований для выбора между двумя или более вариантами ее понимания или действия в рамках, установленных законом [1, с. 78]. Ее источниками являются:

а) абстрактность и оценочный характер языковых формулировок («существенное нарушение», «разумный срок», «достаточные данные»);

б) динамизм регулируемых общественных отношений, опережающий законодательное закрепление;

в) сознательное использование законодателем относительно-определенных диспозиций и санкций для учета конкретных обстоятельств дела.

В отличие от дефекта нормы, неопределенность часто является легальным и осознанным приемом юридической техники. Рассматривая неопределенность правового регулирования через призму уголовного судопроизводства, следует отметить, что процессуальные отношения на досудебной стадии в Российской Федерации отличаются особой сложностью. Их развитие, с учетом эволюции как общества, так и преступных схем, требует постоянной модернизации законодательства, которая часто приводит к появлению правовых дефектов, в том числе к неоп-

ределенности правового регулирования, под которой, исходя из анализа научной литературы, понимается отсутствие понятности, полноты, непротиворечивости и предсказуемости правовых норм¹, регулирующих общественные отношения на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

2. Соотношение неопределенности в правовом регулировании с коллизиями на этапе досудебного производства.

Коллизия представляет собой формально-текстуальное противоречие между двумя или более действующими правовыми нормами, регулирующими одно и то же фактическое отношение² [2; 3]. Правовая коллизия создает для правоприменителя ситуацию выбора, поскольку присутствует неопределенность на уровне системы норм. Это можно проиллюстрировать на примере ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), в которой имеются противоречия между установленными законом краткими сроками доследственной проверки и объективной необходимостью проведения длительных и трудоемких действий по сложным категориям дел.

Сущность проверки сообщения о преступлении состоит в комплексе следственных и иных процессуальных и непроцессуальных действий, осуществляемых дознавателем, начальником подразделения дознания, органом дознания, следователем, руководителем следственного органа на основании и в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, и направленных на установление наличия или отсутствия достаточных данных, указывающих на признаки преступления [4, с. 19]. При таком круге задач на указанном этапе сроки их проведения для уголовных дел экономической направленности и связанных с дорожно-транспортными происшествиями (далее – ДТП) значительно сжаты.

Коллизия между установленными законом сроками доследственной проверки и

объективной потребностью в продолжительном исследовании обстоятельств по отдельным категориям уголовных дел порождает на практике институт «отказа – отмены». Это явление возникает, когда следователь, исчерпав максимальный срок 30 суток, формально отказывает в возбуждении уголовного дела, после чего прокурор отменяет данное постановление как преждевременное и возвращает материалы для продолжения проверки, тем самым возобновляя процессуальный срок [5, с. 26]. Для разрешения данной системной проблемы предлагается законодательная дифференциация сроков проверки при назначении сложных судебных экспертиз или необходимости анализа значительного количества документов (при совершении экономических преступлений или связанных с совершением ДТП). Помимо этого, целесообразным предполагается введение механизма приостановления течения срока проверки сообщения о преступлении на время производства судебной экспертизы или исполнения отдельных поручений. Указанный механизм позволит легализовать необходимые процедуры (проведение оперативно-розыскных мероприятий, отслеживание совпадений в системе программно-технических комплексов ИБД-Ф, «Розыск-Магистраль», «Следопыт-М» и пр., производство судебных экспертиз) для установления достаточных данных в целях принятия обоснованного решения о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела. Совокупность указанных мер (дифференциация сроков проверки сообщения о преступлении, введение механизма приостановления срока проверки сообщения о преступлении в определенных случаях) направлена на устранение правовой коллизии, обеспечивая как соблюдение прав граждан, так и эффективность предварительного расследования.

Таким образом, коллизия является одним из внешних проявлений или причин возникновения правовой неопределенности.

¹ Алексеев С. С. Общая теория права: учебник: в 2 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1982. С. 290.

² Иванов А. А. Теория государства и права: учебное пособие. М.: ЮНИТИ, 2007. 303 с.

Разрешение ее снимает неопределенность, порожденную конкретным противоречием.

3. Соотношение неопределенности в правовом регулировании с пробелами на этапе досудебного производства.

Пробел – это полное или частичное отсутствие в действующем законодательстве норм, необходимых для регулирования общественных отношений, находящихся в сфере права [2; 6; 7]. Также под пробелом в праве понимаются случаи, когда норма есть, но она неэффективна, устарела или неприменима к новым реалиям, что создает «регулятивный вакуум»¹. Пробел в праве выступает предельной формой, при которой неясность перерастает в нерегламентированную сферу общественных отношений или полную дисфункцию существующего предписания. Восполнение пробела (путем аналогии или законотворчества) устраняет вызванную им неопределенность.

Примером этого может служить процедура ознакомления с материалами уголовного дела, урегулированная ст. 217 УПК РФ, которая позволяет выявить системные дефекты, порождающие неопределенность в правовом регулировании. Ключевая проблема заключается в избыточной лаконичности и декларативности нормы, которая устанавливает лишь общую рамку процедуры, что закономерно ведет к фрагментарности и противоречивости правоприменительной практики. В частности, отсутствует детальная регламентация порядка предъявления вещественных доказательств и материалов, содержащих охраняемую законом тайну, а также механизм фиксации хода и результатов ознакомления, выходящий за рамки формального составления протокола. Существенным дефектом является и отсутствие законодательно установленных критериев определения разумных сроков ознакомления, что создает условия для злоупотреблений как со стороны защиты, искусственно затягивающей процесс,

так и со стороны обвинения, произвольно ограничивающего данное право.

В качестве векторов совершенствования правового регулирования предлагается детализировать минимальный обязательный перечень сведений, фиксируемых в протоколе, в том числе конкретизацию изученных материалов и заявленных ходатайств. Одновременно с этим необходимо включение в норму критериев оценки достаточности времени для ознакомления, носящих индивидуальный характер и учитывающих объективную сложность дела. Целесообразным дополнением к законодательной корректировке представляется инициирование принятия разъяснительного акта Пленума Верховного Суда Российской Федерации, который унифицировал бы объем правомочий сторон, включая право на изготовление выписок и копий материалов в электронной форме.

Таким образом, пробел в праве есть неполнота и дисфункция, которая является частью неопределенности в правовом регулировании. Их преодоление требует целенаправленного нормотворчества и судебного толкования, что подтверждает тезис о пробеле как о предельной форме неопределенности, устранение которой восстанавливает полноту и предсказуемость правового регулирования.

Обсуждение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что неопределенность в правовом регулировании досудебного уголовного производства представляет собой системный феномен, обусловленный диалектическим противоречием между императивом формальной определенности правовых норм и объективной потребностью в их адаптивности к динамике общественных отношений. Как справедливо отмечает Т. Н. Назаренко, нормативная неопределенность часто является не ошибкой, а сознательным приемом юридической техники, обеспечивающим принцип индивидуализации [1, с. 78]. Аналогичную

¹ Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. 3-е изд. М.: Юриспруденция, 2000. С. 234.

мысль о двухмерности исследуемого противоречия развивает П. О. Панфилов, указывая, что излишняя формальная регламентация правоприменительной деятельности на досудебном производстве способна провоцировать конфликты, подлежащие последующему разрешению в судебном порядке [8, с. 149]. Однако отсутствие должной формализации процессуальных процедур создает предпосылки для судебных ошибок и нарушения прав участников процесса [9, с. 60]. Прежде всего, это связано с тем, что на этапе возбуждения уголовного дела и предварительного расследования права личности особенно уязвимы и неконтролируемая неопределенность трансформируется из инструмента гибкости в источник произвола, нарушая принципы уголовного судопроизводства.

Анализ конкретных институтов досудебного производства подтверждает, что коллизии и пробелы выступают ключевыми катализаторами и структурными формами проявления деструктивной неопределенности. Так, выявленная коллизия между краткими процессуальными сроками доследственной проверки (ст. 144 УПК РФ) и объективной потребностью в тщательном исследовании обстоятельств по отдельным видам преступлений порождает порочную практику «отказа – отмены». Это не только создает неопределенность в правовом регулировании для участников процесса, но и дискредитирует само правоприменение, подменяя законную процедуру ее имитацией. Предложенные меры по дифференциации сроков доследственной проверки и расширению процессуальных полномочий субъекта правоприменения на этапе проверки сообщения о преступлении представляют собой адресный механизм преодоления коллизии, в результате устранения которой будет минимизирована порождаемая ей неопределенность.

Еще более ярко деструктивный потенциал неопределенности проявляется через пробелы в правовом регулировании. Детальный разбор процедуры ознакомления с материалами уголовного дела (ст. 217 УПК РФ) демонстрирует, что избыточная

лаконичность и декларативность этой нормы, отсутствие детальной регламентации ключевых действий (предъявление вещественных доказательств, фиксация хода ознакомления) и критериев определения «разумного срока» создают регулятивный вакуум, который заполняется противоречивой ведомственной и судебной практикой, что ведет к нарушению принципа равенства всех перед законом и создает условия для злоупотребления правами как со стороны защиты, так и обвинения.

Из этого следует, что совершенствование правового регулирования должно быть направлено не на тотальное отрицание неопределенности, а на конструктивное управление ею – перевод в регулируемое русло с помощью четких процессуальных фильтров и критериев, что достигается посредством:

- 1) преобразования деструктивной неопределенности, порожденной коллизиями и пробелами, в четкие процедурные правила;

- 2) сохранения конструктивной, «дозированной» неопределенности (оценочных понятий) при одновременной разработке критериев их толкования. Конкретными механизмами выступают адресное законотворчество, направленное на детализацию процедур и восполнение пробелов, а также активная роль судов высших инстанций в формировании единообразной правоприменительной практики через разъяснительные акты.

Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что неопределенность в правовом регулировании досудебного уголовного производства является его имманентной, объективно-субъективной характеристикой. Объективный компонент связан с абстрактностью языка права, динамизмом общественных отношений и сознательным использованием законодателем относительно-определенных норм, что подтверждается точкой зрения Д. Ю. Гончарова, который писал о том, что исследование связей между правовыми нормами должно сопровождаться анализом связей между урегулированными ими общественными отношениями, так как именно разрыв или противоречие в этих связях и

порождает пробелы и коллизии¹ [10]. Субъективный же аспект проявляется в том, что эта неопределенность актуализируется и приобретает деструктивный характер преимущественно через конкретные дефекты правовой системы – коллизии и пробелы.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что коллизии (формальные противоречия между нормами) и пробелы (отсутствие или неэффективность необходимого регулирования) служат основными источниками и формами деструктивной неопределенности на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Они трансформируют потенциальную гибкость права в непредсказуемость, что недопустимо в сфере, где затрагиваются фундаментальные права и свободы человека и гражданина.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в разработке конкретных направлений совершенствования законодательства. В отношении коллизий (на примере сроков проверки сообщения о преступлении) предложен путь системной корректировки УПК РФ через дифференциацию сроков и введение возможности приостановления течения сроки проверки

сообщения в определенных законом случаях. Для преодоления пробелов (на примере ознакомления с материалами уголовного дела) рекомендована детализация процедур на законодательном уровне, дополненная унифицирующими разъяснениями судов высших инстанций. При этом участие территориальных органов внутренних дел в инициативном внесении предложений по преодолению неопределенности правового регулирования имеет ключевое значение для унификации правоприменительной практики, поскольку обеспечивает учет региональной специфики и оперативное выявление системных пробелов на уровне правоприменения [11, с. 9].

Следовательно, стратегическим вектором оптимизации правового регулирования досудебного уголовного производства должна стать целенаправленная работа по минимизации дефектных форм неопределенности – коллизий и пробелов – при сохранении и методологическом обеспечении той умеренной, профессионально управляемой неопределенности, которая необходима для осуществления принципа индивидуализации и обеспечения объективного расследования уголовного дела.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Назаренко Т. Н. Неопределенность в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 211 с.
2. Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 507 с.
3. Тихомиров Ю. А. Коллизионное право: учебное и научно-практическое пособие. М.: Изд-во МГУ, 2000. 394 с.
4. Зиновкина И. Н. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях: проблемы правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 26 с.
5. Сивораक्षा В. В. Продление процессуального срока в досудебном уголовном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 36 с.
6. Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юридическая литература, 1974. 184 с.
7. Овчинникова Н. О. Пробелы в уголовно-процессуальном праве и способы их устранения и преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. 28 с.
8. Панфилов П. О. Проблема понятности и определенности правовых норм, предусматривающих особенности производства следственных и иных процессуальных действий по уголовным делам в сфере экономики // *Bulletin of economic security*. 2023. № 1. С. 147–152.

¹ Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное доказывание: учебное пособие. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 2002. 178 с.

9. Ендольцева А. В. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства – вектор научных исследований (вчера, сегодня, завтра) // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1. С. 59–62.

10. Гончаров Д. Ю. Взаимосвязи и коллизии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 26 с

11. Летаева Е. А. Пробелы в законодательстве и правоприменительная деятельность в ОВД: теоретико-прикладной аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 23 с.

REFERENCES

1. Nazarenko T. N. Uncertainty in Russian law: Dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2006. 211 p. (In Russ.)
2. Vaskovsky E. V. Civilistic methodology. The doctrine of the interpretation and application of civil laws. Moscow: YurInfoR Center, 2002. 507 p. (In Russ.)
3. Tikhomirov Yu. A. Conflict of laws: an educational and scientific-practical guide. Moscow: Moscow State University Publishing House, 2000. 394 p. (In Russ.)
4. Zinovkina I. N. Verification of statements and reports of crimes: problems of legal regulation: abstract of Dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2015. 26 p. (In Russ.)
5. Sivoraksha V.V. Prolongation of the procedural term in pre-trial criminal proceedings: abstract of Dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2025. 36 p. (In Russ.)
6. Lazarev V. V. Gaps in law and ways to eliminate them. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1974. 184 p. (In Russ.)
7. Ovchinnikova N. O. Gaps in criminal procedure law and ways to eliminate and overcome them: abstract of Dis. ... Cand. of Law. Saratov, 2017. 28 p. (In Russ.)
8. Panfilov P. O. The problem of clarity and certainty of legal norms providing for the specifics of investigative and other procedural actions in criminal cases in the field of economics // Bulletin of economic security. 2023. No. 1. P. 147–152. (In Russ.)
9. Endoltseva A. V. Ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings is a vector of scientific research (yesterday, today, tomorrow) // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs. 2024. No. 1. P. 59–62. (In Russ.)
10. Goncharov D. Yu. Interrelations and collisions of norms of criminal and criminal procedure legislation: abstract of Dis. ... Cand. of Law. Yekaterinburg, 2004. 26 p. (In Russ.)
11. Letaeva E. A. Gaps in legislation and law enforcement activities in the Department of Internal Affairs: theoretical and applied aspect: abstract of Dis. ... Cand. of Law. St. Petersburg, 2005. 23 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Е. И. Платонова, адъюнкт.

Information about the author:

E. I. Platonova, adjunct.

Статья поступила в редакцию 16.01.2026; одобрена после рецензирования 05.02.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 16.01.2026; approved after reviewing 05.02.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья
УДК 343.32

**СТАТЬЯ 275.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«СОТРУДНИЧЕСТВО НА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ОСНОВЕ
С ИНОСТРАННЫМ ГОСУДАРСТВОМ,
МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛИБО ИНОСТРАННОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ»:
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И ПРАКТИКА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

Роман Владимирович Черепанов

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия,

R.V.Cherepanov@yandex.ru, ORCID: 0009-0009-1345-1277

Аннотация. В статье проводится комплексный уголовно-правовой анализ ст. 275.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Автор исследует исторические предпосылки криминализации данного деяния, прослеживая их связь с нормами советского уголовного законодательства об ответственности за измену Родине. Детально рассматриваются все элементы состава преступления: объект, субъект, объективная и субъективная стороны преступления. На основе анализа правоприменительной практики выявляются актуальные проблемы, связанные с разграничением смежных составов преступлений (ст. 275, 276 УК РФ), размытой формулировкой ключевых признаков преступления. В работе излагаются предложения по совершенствованию правовой нормы (ст. 275.1 УК РФ), в том числе о необходимости разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые направлены на предотвращение расширительного толкования при безусловном приоритете защиты национальной безопасности России с учетом принципа правовой определенности.

Ключевые слова: уголовное законодательство, ст. 275.1 УК РФ, преступления против основ конституционного строя, внешняя безопасность государства, сотрудничество на конфиденциальной основе

Для цитирования: Черепанов Р. В. Статья 275.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией»: теоретическая модель и практика правоприменения // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 2 (112). С. 103–113.

Original article

**ARTICLE 275.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
“COOPERATION ON A CONFIDENTIAL BASIS WITH A FOREIGN STATE,
INTERNATIONAL OR FOREIGN ORGANIZATION”:
THEORETICAL MODEL AND PRACTICE OF LAW ENFORCEMENT**

Roman V. Cherepanov

Military Zhukov's Order Academy of the National Guard Troops of Russia, St. Petersburg, Russia,
R.V.Cherepanov@yandex.ru, ORCID: 0009-0009-1345-1277

Abstract. The article provides a comprehensive criminal law analysis of Article 275.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author explores the historical background of the criminalization of this act, tracing their connection with the norms of Soviet criminal legislation on responsibility for treason. All the elements of the crime are considered in detail: the object, the subject, the objective and subjective sides of

© Черепанов Р. В., 2026

the crime. Based on the analysis of law enforcement practice, actual problems related to the differentiation of related crimes (Articles 275, 276 of the Criminal Code of the Russian Federation) and the vague formulation of key signs of a crime are identified. The paper presents proposals for improving the legal norm (art. 275.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), including the need for clarifications from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, which are aimed at preventing broad interpretation with the absolute priority of protecting Russia's national security, taking into account the principle of legal certainty.

Keywords: criminal law, Art. 275.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, crimes against the foundations of the constitutional order, external security of the state, cooperation on a confidential basis

For citation: Cherepanov R. V. Article 275.1 of the Criminal Code of the Russian Federation "Cooperation on a confidential basis with a foreign state, international or foreign organization": theoretical model and practice of law enforcement // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 2 (112). P. 103–113. (In Russ.)

Введение

События, инициированные началом проведения специальной военной операции на территории Украины, ознаменовали наступление качественно нового этапа в новейшей истории Российской Федерации. Данный период характеризуется комплексными трансформациями во внешне- и внутривнутриполитической, социально-экономической и правовой сферах, что позволяет ряду экспертов и политических аналитиков рассматривать его в качестве ключевого для постсоветского развития государства [1; 2].

Одним из таких изменений явилось вступление в силу Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹. Данный закон стал одним из первых нормативных правовых актов, направленных на совершенствование положений уголовного законодательства в области безопасности государства [3; 4]. В частности, изменения затронули ст. 275 и ст. 276 УК РФ; кроме того, уголовная ответственность теперь установлена за деяния, подпадающие под действия новых статей 276.1 и 284.3 УК РФ [5].

Методы

Методологическую основу настоящего исследования составляет комплекс общена-

учных и частнонаучных методов. Ведущую роль играет формально-юридический метод, в рамках которого проведен детальный анализ конструкции состава преступления. Сравнительно-правовой метод использовался для выявления исторических предпосылок криминализации общественно опасного деяния, а метод системного анализа – для определения места правовой нормы в структуре уголовного закона. В целях эмпирического подтверждения выводов применены статистический метод и анализ судебной практики. Использование вышеперечисленных методов обеспечило комплексный характер исследования, сочетающий теоретический анализ с оценкой правоприменительных проблем.

Результаты

Тенденцию к увеличению количества преступных посягательств на внешнюю безопасность России подтверждают статистические данные о привлечении к уголовной ответственности по ст. 275 УК РФ. Так, в 2020 г. по данной статье было осуждено 6 человек, в 2021 г. – 14, в 2022 г. – 16, а в 2023 г. – 39 человек. Наиболее показателен рост в 2024 г., составивший 145 человек². Исходя из этого, число осужденных выросло в 24,1 раза в сравнении с 2020 г., что свидетельствует о значительном росте преступных посягательств на охраняемые законом общественные отношения.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 29, ч. 1, 2, ст. 5227.

² Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК // АПИ «Пресс». URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 15.09.2025).

Вместе с тем динамика совершения преступлений по вновь введенной ст. 275.1 УК РФ демонстрирует схожую тенденцию, что и по ст. 275 УК РФ: в 2023 г. по статье было осуждено 2 человека, тогда как в 2024 г. – 21 человек¹. Таким образом, рост числа осужденных по данной статье уголовного закона увеличился в 10,5 раз.

Реализуя право законодательной инициативы, депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации сопровождают законопроект пояснительной запиской. В данном документе излагаются цели и правовое обоснование вносимых изменений. Первоначальный замысел законодателя при криминализации ст. 275.1 УК РФ заключался в совершенствовании уголовно-правовой охраны национальных интересов Российской Федерации, а также прав и свобод граждан от новых форм преступной деятельности и угроз государственной безопасности².

Криминализация рассматриваемого общественно опасного деяния стала логическим продолжением развития отечественного законодательства об ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. Однако с исторической точки зрения приведенная норма права не является «новеллой» уголовного законодательства России, потому что ранее уже успешно применялась в Советском Союзе для защиты государственного строя и безопасности от внешней противоправной деятельности (ст. 58.3 УК РСФСР 1926 г., ст. 64 УК РСФСР 1960 г.) [6; 7].

В то же время современная редакция ст. 275.1 УК РФ отличается более узкой и специфичной направленностью, нацеленной на пресечение конфиденциального, скры-

того характера взаимодействия, которое по своей сути еще не является государственной изменой или шпионажем, но создает для них благоприятную среду и представляет собой повышенную общественную опасность. Несмотря на то, что вышеуказанная правовая норма была принята летом 2022 г. и ее толкованию посвящен ряд научных работ, комплексное исследование, совмещающее теоретический анализ с оценкой правоприменительной практики, до сих пор отсутствует.

Целью настоящего исследования являются всесторонний уголовно-правовой анализ теоретической конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 275.1 УК РФ, выявление проблем, связанных с его отличительными признаками и квалификацией, а также формулирование предложений по совершенствованию правоприменительной практики.

Комплексный анализ рассматриваемой нормы требует ее всестороннего изучения через призму состава преступления (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), обладающего обязательными и факультативными признаками.

Объект преступления. Рассматриваемая правовая норма расположена в разделе X «Преступления против государственной власти». Следовательно, ее родовым объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие устойчивость и нормальное функционирование государственной власти. Видовой объект преступления, объединяющий нормы главы 29 УК РФ, образуют основы конституционного строя и безопасность государства, которые являются центральным элементом родового объекта³. Непосредственный объект общественно опасного деяния – внешняя без-

¹ Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК // АПИ «Пресс». URL: <https://stat.api-пресс.pf/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 15.09.2025).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект федерального закона № 130406-8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. И. Рарога. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. 944 с.

опасность России как государства. При этом действующий Федеральный закон «О безопасности»¹, в отличие от предшествующего ему Закона Российской Федерации от 5 марта 1992 г., не содержит определения термина «безопасность». Тем не менее в научной среде сохраняет актуальность трактовка термина «безопасность» именно в редакции закона 1992 г., что обусловлено ее полнотой. Согласно данной дефиниции, «безопасность» определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. В контексте настоящего исследования ключевое значение приобретает одна из составляющих данного понятия – внешняя безопасность государства. Разделяя позицию В. Н. Рябчука, под внешней безопасностью государства предлагаем понимать динамическую подсистему, обеспечивающую состояние защищенности от исходящих извне посягательств на жизненно важные интересы государства в политической, экономической, социальной, военной, информационной, экологической и иных сферах, а также от внешних угроз этим интересам, которая характеризуется отсутствием недопустимого риска, причинения ущерба [8, с. 355]. Аналогичной точки зрения придерживается А. Г. Кулев в своем исследовании, посвященном новеллам уголовного законодательства России, аргументируя свою позицию апелляцией к трудам видных ученых советской эпохи [9, с. 172]. Таким образом, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 275.1 УК РФ, выступает внешняя безопасность Российской Федерации во всей совокупности ее охраняемых сфер.

Объективная сторона преступления в ст. 275.1 УК РФ выражена в действии путем установления и поддержания сотрудничества на конфиденциальной основе с представителем иностранного государства, международной либо иностранной организации. Ключевым признаком является именно конфиденциальный (секретный, доверительный)² характер этого сотрудничества, что означает взаимодействие с иностранными субъектами без официального уведомления компетентных институтов власти о характере, содержании и целях такой деятельности. Еще одним немаловажным аспектом является направленность установления данного сотрудничества против безопасности российского государства.

Законодатель прямо не раскрывает способы такого содействия, что, как представляется, создает предпосылки для расширительного толкования в правоприменительной практике. Примером тому служит возбуждение уголовного дела в отношении программиста из Тюменской области, который «предложил свои услуги в сфере программирования» и «выполнял задания, полученные от иностранной организации»³. Тем не менее способы сотрудничества могут быть выражены путем сбора, передачи, хранения сведений в целях, связанных с выполнением поручений иностранного представителя (например, передача гражданином Российской Федерации сведений о дислокации объектов Министерства обороны Российской Федерации и военнослужащих в Нижегородской области спецслужбам Украины)⁴, оказания консультационных, аналитических и иных услуг. Как полагает И. М. Середа, следственные органы в своей

¹ О безопасности: федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1, ст. 2.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка (Е – Л). URL: https://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_e_1.txt (дата обращения: 15.09.2025).

³ Тюменский программист стал фигурантом дела о госизмене // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/19/09/2024/66ebc2639a7947efb02e242f?from=share_footer (дата обращения: 15.09.2025).

⁴ Жителя Нижнего Новгорода осудили за сотрудничество со спецслужбами Украины // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250911/novgorod-2041163182.html?ysclid=mfgstxsgk6225182529> (дата обращения: 15.09.2025).

расширительной трактовке ст. 275.1 УК РФ могут дойти до привлечения к уголовной ответственности «за заключение договоров через «третьи лица» на поставку товаров, которые могут использоваться при производстве оружия, а также за иные действия» [10, с. 86]. Подобная практика представляется недопустимой, поскольку приведет к размыванию принципа правовой определенности.

Состав преступления является формальным и усеченным. Общественно опасное деяние считается оконченным с момента умышленного совершения лицом действий по установлению и поддержанию конфиденциального сотрудничества с иностранным представителем в осуществлении содействия в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, независимо от продолжительности таких контактов и наступления общественно опасных последствий [11]. Остальные признаки объективной стороны преступления (время, место, способ, орудия, средства и обстановка совершения преступления) признаются факультативными. В рамках исследуемого состава данные признаки не являются конструктивными, однако они подлежат установлению и оценке, поскольку могут влиять на индивидуализацию ответственности и наказания.

Примечание к ст. 275.1 УК РФ регламентирует основание освобождения от уголовной ответственности¹. Освобождение предусмотрено при условии добровольного и своевременного уведомления лицом компетентных органов о факте установления либо поддержания конфиденциального сотрудничества с иностранными представителями при отсутствии действий по реализации полученных от них указаний, а также при отсутствии в действии лица иных признаков преступлений [12].

Однако для более глубокого понимания исследуемого вопроса целесообразно рассмотреть понятие «конфиденциальное сотрудничество» в сравнительном аспекте. В частности, схожее понятие «конфиденциальное содействие» содержит Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ОРД)². Несмотря на то, что данный закон напрямую не раскрывает сущности данного понятия, анализ отдельных его положений в системной связи с диспозицией ст. 275.1 УК РФ позволяет выявить его отличительные признаки. Важнейшим критерием выступает характер сотрудничества в рамках агентурного метода ОРД, осуществляемого на безвозмездной или возмездной основе, что в последнем случае предполагает заключение специального контракта [13]. Аналогичный подход применяется при документировании факта шпионажа, совершаемого иностранным агентом против безопасности России. В связи с этим представляется методологически обоснованным использовать выработанные в правоприменительной практике подходы к доказыванию события шпионажа с целью установления признаков конфиденциального сотрудничества. Соответствующая аналогия допустима с учетом единой направленности для раскрытия преступлений и может быть реализована путем адаптации теоретико-практического опыта, накопленного в рамках ОРД. Исходя из вышеизложенного, под конфиденциальным сотрудничеством в контексте ст. 275.1 УК РФ следует понимать умышленную, скрытую от органов государственной власти Российской Федерации деятельность физического лица по установлению и поддержанию контактов с иностранным государством, его органами или представителями, которая осуществляется на регулярной или иррегулярной основе (вне зависимости от получения вознаграждения) и направле-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

² Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 01.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.

на на оказание содействия в деятельности, посягающей на безопасность российского государства.

Субъективная сторона преступления выражена прямым умыслом. Виновный осознает, что вступает в конфиденциальное сотрудничество с иностранным субъектом, и желает этого, поскольку в диспозиции рассматриваемой нормы содержится указание на оказание содействия в деятельности, заведомо направленной против безопасности государства. При этом обязательным признаком лица, совершающего преступление, является цель причинения вреда внешней безопасности России посредством совершения своих действий. В правоприменительной практике установление умысла требует доказывания не только факт установления контакта и его поддержание с иностранным представителем, но и содержательной направленности такого взаимодействия. Таким образом, ключевое значение приобретает цель лица способствовать иностранному государству в осуществлении деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, что и отличает данное преступление от иных форм взаимодействия (таких как «двойная игра», дезинформация противника и т. п.). Мотив и эмоциональное состояние лица в момент совершения общественно опасного деяния значения не имеют.

Субъектный состав рассматриваемого преступления характеризуется как общими, так и специальными признаками. Общий субъект предполагает вменяемое физическое лицо – гражданина Российской Федерации, достигшего к моменту совершения общественно опасного деяния 16 лет. Специальный субъект, в свою очередь, определяется дополнительными признаками: вменяемое физическое лицо – иностранный гражданин либо лицо без гражданства (апатрид), достигший к моменту совершения преступления 16 лет и находящийся на территории России. Несмотря на формальное

соответствие возраста уголовной ответственности признакам общего субъекта преступления, фактический характер общественно опасного деяния предполагает определенный уровень зрелости, социального или служебного статуса, объективно недостижимых в данном возрасте. Другим немаловажным аспектом является отсутствие у лица полной гражданской дееспособности, возникающей по достижении гражданином совершеннолетия (ст. 21 Гражданского кодекса Российской Федерации)¹. Это обусловлено договорной природой отношений сотрудничества, а также повышенными требованиями к осознанности совершаемых действий. Выявленное противоречие свидетельствует о недостатке законодательной конструкции состава преступления, не учитывающей реальные возможности несовершеннолетних к совершению общественно опасных деяний, включая способность в полной мере осознавать характер и последствия конфиденциального сотрудничества. В связи с этим считается допустимым рассмотреть возможность дифференциации уголовной ответственности путем установления повышенного возрастного ценза (18 лет) для специального субъекта преступления.

Помимо установленных элементов состава преступления, уголовно-правовые нормы классифицируются по иным критериям, дающим исчерпывающую информацию об их роли и месте в уголовном законодательстве. В частности, рассматриваемое деяние относится к категории тяжких преступлений, что детерминировано относительно определенной санкцией, предусматривающей лишение свободы на срок от трех до восьми лет. Установленная законодателем строгость наказания коррелирует с уровнем исходящей угрозы национальной безопасности России.

Кроме того, правовым последствием совершения преступления является конфискация денежных средств, материальных ценностей и иных объектов

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

собственности, приобретенных в результате совершения преступления, а также использованных или предназначенных для преступного деяния, в соответствии со ст. 104.1 УК РФ. Примечание к указанной норме права содержит исчерпывающий перечень деяний против безопасности России, предусматривающий иную меру уголовно-правового характера.

По характеру и степени общественной опасности ст. 275.1 УК РФ имеет конструкцию основного состава, поскольку его объективная сторона не включает в себя ни отягчающих, ни смягчающих обстоятельств.

При квалификации рассматриваемого деяния требуется четкое отграничение его объективной стороны от смежных составов преступлений, предусмотренных ст. 275, 276, 276.1 УК РФ. Данные составы не являются взаимоисключающими. Например, если действия виновного лица одновременно направлены на оказание содействия иностранному государству с последующей передачей сведений, составляющих государственную тайну, они подлежат квалификации по совокупности преступлений. Установление точных границ каждого состава преступления необходимо для правильной юридической оценки деяния.

Всестороннее эмпирическое исследование практики применения исследуемой уголовно-правовой нормы осложняется закрытым характером производства по существующим уголовным делам. Их исследование, в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 151 УПК РФ, отнесено к подследственности органов Федеральной службы безопасности Российской Федерации. В свою очередь, дела о преступлениях, предусмотренных ст. 275.1 УК РФ, на основании п. 1 ч. 2 ст. 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации относятся к подсудности судов уровня субъекта Российской Федерации (аналогично делам по ст. 275, 276 и 276.1 УК РФ).

Анализ опубликованной судебной практики в открытом доступе (в основном апелляционные постановления и приговоры судов, не содержащие государственную

тайну) позволяет выявить ряд устойчивых проблем.

Во-первых, проблема разграничения ст. 275.1 УК РФ со ст. 275 УК РФ (государственная измена) и ст. 276 УК РФ (шпионаж). Как известно, ключевое отличие между рассматриваемой уголовно-правовой нормой и ст. 275 УК РФ состоит в объекте посягательства: ст. 275 УК РФ требует выдачи сведений, составляющих государственную тайну, в то время как ст. 275.1 УК РФ не предусматривает такого требования. Однако, помимо выдачи государственной тайны, ст. 275 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за «иную помощь, направленную против безопасности Российской Федерации», к которой может относиться в том числе передача различных несекретных сведений военного характера (дислокация войск или объектов и т. п.), имеющих значение для государственной безопасности. Ст. 275.1 УК РФ криминализирует сам факт установления конфиденциального контакта и дальнейшего сотрудничества, направленного против государственной безопасности. По мнению Е. В. Пономаренко, установление подобного сотрудничества с иностранным представителем ранее уже расценивалось следственными органами как общественно опасное деяние, и лица привлекались к уголовной ответственности за покушение на государственную измену (ч. 1 ст. 30, ст. 275 УК РФ) [14; 15]. В связи с этим можно предположить, что законодатель тем самым дифференцировал уголовную ответственность за покушение на государственную измену и сотрудничество на конфиденциальной основе, выделив последнее в самостоятельный состав преступления. Тем не менее основная проблема разграничения заключается в содержательном совпадении признака «иная помощь» (ст. 275 УК РФ) и «сотрудничество на конфиденциальной основе» (ст. 275.1 УК РФ), поскольку оба могут выражаться в передаче несекретных сведений.

На текущий момент судебная практика и доктрина идут по пути разграничения в

зависимости от тяжести и масштаба последствий, совершенных общественно опасным деянием. Отсутствие формализованного подхода к содержанию «иной помощи» может привести к широкой интерпретации и требует разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации во избежание своевольного толкования на местах, злоупотребления правоприменением и конкурирования норм права.

Поскольку субъектом преступления по ст. 275.1 УК РФ может являться не только гражданин Российской Федерации, но также иностранный гражданин и лицо без гражданства, аналогичная правовая неопределенность возникает при анализе ст. 276 УК РФ в контексте определения объекта и объективной стороны состава преступления. В частности, требует научного осмысления вопрос о квалификации передачи виновным лицом «иных сведений, используемых против безопасности Российской Федерации», поскольку данная формулировка допускает расширительное толкование в правоприменительной практике. Для следственных органов возникает коллизия рассматриваемых уголовно-правовых норм при привлечении к уголовной ответственности иностранного гражданина или апатрида, находящегося на территории России, в случае передачи им не секретных сведений, направленных против безопасности Российской Федерации, если указанные действия осуществляются в рамках сотрудничества с иностранными спецслужбами. При этом квалификация деяния как совокупности преступлений не может рассматриваться как «рабочая версия» для органов, проводящих предварительное расследование, поскольку она приводит к нарушению принципа справедливости (ст. 9 УК РФ), запрещающего двойную уголовную ответственность за одно преступление.

Во-вторых, период с 24 февраля 2022 г. по 31 июля 2025 г. характеризуется исключительно высокой динамикой внесения изменений в УК РФ, в том числе связанных с безопасностью государства. Столь интенсивная правовая активность, по всей

видимости, является реакцией законодателя на кардинальные изменения общественно-политической ситуации. Однако подобный подход к правотворчеству несет в себе риски формирования законодательного дисбаланса и усиления репрессивного потенциала уголовного закона, что противоречит принципу гуманизма [16].

В-третьих, требуется законодательная конкретизация признака «конфиденциальное сотрудничество», поскольку не всегда очевидна грань между преступным скрытым содействием и легальными международными контактами ученых, правозащитников, журналистов, специалистов в IT-сфере, бизнесменов, политиков и других лиц. Отсутствие четких критериев разграничения, что подтверждается правоприменительной практикой (например, дело программиста из Тюменской области), предоставляет следственным органам широкие дискреционные полномочия при квалификации тех или иных действий, что создает риски незаконного уголовного преследования. Целесообразно использовать накопившийся опыт в ОРД в части определения «конфиденциального содействия», что позволит унифицировать подходы к доказыванию рассматриваемого признака. При этом под «конфиденциальным сотрудничеством» предлагается понимать умышленную, скрытую от органов государственной власти Российской Федерации деятельность физического лица по установлению и поддержанию контактов с иностранным государством, его органами или представителями, которая осуществляется на регулярной или иррегулярной основе (вне зависимости от получения вознаграждения) и направлена на оказание содействия в деятельности, посягающей на безопасность российского государства.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что ст. 275.1 УК РФ представляет собой уникальную уголовно-правовую норму, ориентированную на противодействие деятельности «спящих агентов» и лиц, демонстрирующих идео-

логическую солидарность с геополитическими оппонентами России. Положение уголовного законодательства России обеспечивает правовые основания для привлечения к ответственности за установление и поддержание конфиденциального сотрудничества, способствующего созданию угрозы безопасности государства. Ее введение является закономерным ответом законодателя на предотвращение новых вызовов национальной безопасности России в условиях изменившейся геополитической обстановки.

Однако ее действующая законодательная конструкция имеет ряд существенных недостатков. К ним относятся излишне широкие и расплывчатые формулировки ключевых признаков состава («конфиденциальное сотрудничество», «деятельность, направленная против безопасности Россий-

ской Федерации»), что создает предпосылки для их расширительного толкования и злоупотребления в правоприменительной практике. Это, в свою очередь, порождает проблемы при разграничении со смежными составами преступлений (ст. 275, 276 УК РФ) и создает риски необоснованного уголовного преследования.

Таким образом, для эффективной реализации целей законодателя и обеспечения принципа правовой определенности необходимо дальнейшее совершенствование рассматриваемой уголовно-правовой нормы. Наиболее целесообразным путем является разработка и принятие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которое даст официальное разъяснение дискуссионным вопросам и позволит избежать неправомерного применения ст. 275.1 УК РФ на практике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ильин В. А., Морев М. В. Рубикон пройден: 24 февраля 2022 г. наступил новый этап развития России в XXI веке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 2. С. 9–30.
2. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства / М. Ю. Гутман, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина и др. 2-е изд-е, испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2024. 423 с.
3. Антонов И. А., Кульпин А. А. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации): манипулятивное использование метафоры и ее исследование при проведении экспертиз по уголовным делам // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 38–47.
4. Новокшенов Д. В., Шеншин В. М., Медведева А. А., Агаев Г. А. Об изменениях уголовного закона в части криминализации уголовной ответственности за совершение преступлений против общественного порядка и общественной безопасности, конституционного строя Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2024. № 1 (229). С. 298–301.
5. Кийко А. Ю., Спиваков П. А., Черепанов Р. В. Объективные детерминанты совершенствования инструментов уголовно-правовой защиты суверенитета Российской Федерации от внешних посягательств // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 2 (31). С. 48–59.
6. Бутов С. В. Генезис советского военно-уголовного законодательства в годы Великой Отечественной войны // Евразийский юридический журнал. 2024. № 1 (188). С. 117–119.
7. Гаврилов К. А., Черепанов Р. В. Роль правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны в борьбе с преступностью, посягающей на основы безопасности государства // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне): материалы XXII Международной научно-практической конференции. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 562–566.
8. Рябчук В. Н. Государственная измена и шпионаж: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 678 с.

9. Кулев А. Г. О модернизации составов преступлений против внешней безопасности государства // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 1. С. 170–176.
10. Середа И. М., Ступина С. А. Государственная измена: отдельные вопросы квалификации // Пролог: журнал о праве. 2023. № 1 (37). С. 79–90.
11. Ермолович Я. Н. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14 июля 2022 года № 260-ФЗ 2 // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 11 (304). С. 89–103.
12. Волосюк П. В., Черном И. М. Особенности освобождения от уголовной ответственности за сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной или иностранной организацией // Образование, наука и инновации: современные вызовы: материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Мелитополь: Мелитопольский государственный университет, 2025. С. 594–598.
13. Шахматов А. В. Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. 218 с.
14. Маликов С. В. Неоконченное преступление: проблемы теории и практики // Право и управление. 2023. № 2. С. 194–201.
15. Пономаренко Е. В., Копшева К. О. Обоснованность изменений уголовного законодательства, касающихся отдельных составов преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1. С. 121–126.
16. Иванов И. И. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права // Актуальные вопросы современного права: пути теоретического и практического решения проблем: материалы Межвузовской научно-практической конференции. СПб.: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2018. С. 123–130.

REFERENCES

1. Ilyin V. A., Morev M. V. The Rubicon has been crossed: February 24, 2022, marked a new stage in Russia's development in the 21st century // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2022. Vol. 15, no. 2. P. 9–30. (In Russ.)
2. Political and legal governance and threats to state sovereignty / M. Yu. Gutman, S. I. Zakhartsev, N. V. Zorina, et al. 2nd ed., corrected and supplemented. Moscow: INFRA-M, 2024. 423 p. (In Russ.)
3. Antonov I. A., Kulpin A. A. Public dissemination of knowingly false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation (Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation): manipulative use of metaphor and its study during examinations in criminal cases // Bulletin of St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2024. No. 2 (27). P. 38–47. (In Russ.)
4. Novokshonov D. V., Shenshin V. M., Medvedeva A. A., Agaev G. A. On changes to the criminal law in terms of criminalization of criminal liability for committing crimes against public order and public safety, the constitutional order of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2024. No. 1 (229). P. 298–301. (In Russ.)
5. Kiiko A. Yu., Spivakov P. A., Cherepanov R. V. Objective determinants of improving the instruments of criminal-legal protection of the sovereignty of the Russian Federation from external encroachments // Bulletin of the Military Academy of the National Guard Troops. 2025. No. 2 (31). P. 48–59. (In Russ.)
6. Butov S. V. Genesis of Soviet military criminal legislation during the Great Patriotic War // Eurasian Law Journal. 2024. No. 1 (188). P. 117–119. (In Russ.)
7. Gavrilov K. A., Cherepanov R. V. The role of law enforcement agencies during the great patriotic war in the fight against crime encroaching on the foundations of state security // State and law: evolution, current state, development prospects (for the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War): proceedings of the XXII International scientific and practical conference. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. P. 562–566. (In Russ.)
8. Ryabchuk V. N. High treason and espionage: a criminal-law and criminological study. St. Petersburg: Legal Center Press, 2007. 678 p. (In Russ.)
9. Kulev A. G. On the modernization of crimes against the external security of the state // Criminal law: development strategy in the 21st century. 2023. No. 1. P. 170–176. (In Russ.)

10. Sereda I. M., Stupina S. A. High treason: certain qualification issues // Prologue: journal of law. 2023. No. 1 (37). P. 79–90. (In Russ.)
11. Ermolovich Ya. N. Scientific and practical commentary on the Federal Law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” dated July 14, 2022 No. 260-FZ 2 // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2022. No. 11 (304). P. 89–103. (In Russ.)
12. Volosyuk P. V., Chernom I. M. Features of exemption from criminal liability for confidential cooperation with a foreign state, international or foreign organization // Education, science and innovation: modern challenges: proceedings of the international scientific and practical conference of students, postgraduates and young scientists. Melitopol: Melitopol State University, 2025. P. 594–598. (In Russ.)
13. Shakhmatov A. V. Intelligence work in operational-investigative activities. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 218 p. (In Russ.)
14. Malikov S. V. Unfinished crime: problems of theory and practice // Law and management. 2023. No. 2. P. 194–201. (In Russ.)
15. Ponomarenko E. V., Kopsheva K. O. Justification for amendments to criminal legislation concerning certain elements of crimes against the foundations of the constitutional system and state security // Legal policy and legal life. 2023. No. 1. P. 121–126. (In Russ.)
16. Ivanov I. I. Actual problems of criminal procedure law // Actual issues of modern law: ways of theoretical and practical solutions to problems: proceedings of the interuniversity scientific and practical conference. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, 2018. P. 123–130. (In Russ.)

Информация об авторе:

Р. В. Черепанов, адъюнкт.

Information about the author:

R. V. Cherepanov, adjunct.

Статья поступила в редакцию 08.10.2025; одобрена после рецензирования 28.10.2025; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 08.10.2025; approved after reviewing 28.10.2025; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья
УДК 343.918.2:[343.72:004](470)

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛИЧНОСТИ ДРОППЕРА КАК ПОСРЕДНИКА ПРИ СОВЕРШЕНИИ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ

Елена Викторовна Христинина^{1,2}

¹ Омский государственный технический университет, Омск, Россия

² Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, Омск, Россия,
elena.nikitina83@mail.ru

Аннотация. В научной статье проводится комплексный криминалистический анализ личности дроппера, выступающего посредником при совершении мошенничества с использованием средств сотовой связи. Изучение криминалистической характеристики дроппера позволяет выделить совокупность устойчивых признаков, характеризующих данного участника преступления. В статье рассматриваются социально-демографические характеристики субъекта преступления, особенности его преступного поведения, указана роль дроппера в механизме совершения преступления. Особое внимание автором уделено типичным способам установления контакта лица, совершающего мошеннические действия с дроппером. Выделены классификации дропперов по степени осознанности их действий при совершении преступления и выполняемым функциям. На основе проведенного анализа научной литературы и материалов судебной практики автором делается вывод о недостаточной эффективности применяемых уголовно-правовых мер противодействия данному виду преступлений. В заключении статьи автором констатируется необходимость разработки специальной криминалистической методики расследования мошенничества с использованием средств сотовой связи, в которой часть следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, проводимых правоохранительными органами, должна быть направлена на изобличение дропперов, а также о важности проведения профилактической работы органами расследования по предупреждению вовлечения лиц в противоправную деятельность.

Ключевые слова: дроппер, мошенничество с использованием средств сотовой связи, криминалистическая характеристика, киберпреступность, незаконное обналичивание денежных средств, способы совершения преступления, организованная преступность, уголовно-правовые меры противодействия, социально-демографические признаки преступника, мотивы совершения преступления

Для цитирования: Христинина Е. В. К вопросу о криминалистической характеристике личности дроппера как посредника при совершении мошенничества с использованием средств сотовой связи // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. №. 2 (112). С. 114–122.

Original article

ON THE ISSUE OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE DROPPER'S PERSONALITY AS AN INTERMEDIARY IN THE COMMISSION OF FRAUD USING CELLULAR COMMUNICATIONS

Elena V. Khristinina^{1,2}

¹ Omsk State Technical University, Omsk, Russia

² Siberian Institute of Business and Information Technologies, Omsk, Russia,
elena.nikitina83@mail.ru

© Христинина Е. В., 2026

Abstract. The scientific article provides a comprehensive forensic analysis of the identity of a dropper who acts as an intermediary in the commission of fraud using cellular communications. The study of the criminalistic characteristics of the dropper allows us to identify a set of stable features that characterize this participant in the crime. The article examines the socio-demographic characteristics of the subject of the crime, the features of his criminal behavior, and the role of the dropper in the mechanism of the crime. The author pays special attention to typical ways of establishing contact between a person committing fraudulent acts and a dropper. Classifications of droppers are highlighted according to the degree of awareness of their actions during the commission of a crime and the functions performed. Based on the analysis of scientific literature and judicial practice materials, the author concludes that the applied criminal law measures to counteract this type of crime are not effective enough. The author states the need to develop a special forensic methodology for investigating fraud using cellular communications, in which part of the investigative actions and operational search measures carried out by law enforcement agencies should be aimed at exposing droppers, as well as the importance of preventive work by investigative authorities to prevent the involvement of persons in illegal activities.

Keywords: dropper, fraud using cellular communications, criminalistic characteristics, cybercrime, illegal cash withdrawal, methods of committing a crime, organized crime, criminal law counteraction measures, socio-demographic characteristics of the criminal, motives for committing a crime

For citation: Khristinina E. V. On the issue of criminalistic characteristics of the dropper's personality as an intermediary in the commission of fraud using cellular communications // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 2 (112). P. 114–122. (In Russ.)

Введение

Цифровизация финансовой сферы повлекла за собой существенные изменения в обществе, обусловленные развитием ИТ-технологий, искусственного интеллекта. Данные изменения связаны с внедрением цифровых технологий в финансовые процессы, в результате чего финансовые услуги стали эффективными, доступными и безопасными [1, с. 125].

Однако вместе с вышеизложенными преимуществами цифровизации финансовой сферы есть и ее негативные последствия – появление новых латентных преступлений, таких как мошенничество с использованием средств сотовой связи [2, с. 210].

Следует отметить, что случаи мошенничества с использованием средств мобильной связи постоянно растут. Следует обратиться к официальной статистике Министерства внутренних дел Российской Федерации: за январь – декабрь 2024 г. было зарегистрировано 765,4 тыс. преступлений в сфере компьютерной информации, что на 13,1 % больше, чем в прошлом году. В течение 2023 г. доля преступлений, совершенных с

использованием информационных технологий и средств связи, значительно возросла, достигнув 40 % от общего числа зарегистрированных преступлений (по сравнению с 34,8 % в 2022 г.).

Особую тревогу вызывает тот факт, что почти половина (45,2 %) всех ИТ-преступлений совершается с использованием мобильных телефонов, при этом количество таких случаев выросло на 14,3 %, составив 346 тыс.

Основная часть преступлений, совершаемых с использованием средств мобильной связи (63,5 %), связана с кражами или мошенническими действиями. Общее количество их (кражи и мошенничества) составило 486,3 тыс., что на 2,3 % больше, чем годом ранее¹.

В первой половине 2025 г. тенденция сохраняется: более трети всех анализируемых преступлений совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Их количество на 0,7 % превышает показатели аналогичного периода прошлого года, что говорит о необходимости принятия более эффективных

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года // МВД России. URL: <http://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 21.09.2025).

мер по противодействию мошенничеству с использованием средств мобильной связи¹.

Важным участником мошенничества с использованием средств сотовой связи является дроппер – лицо, которое соглашается предоставить свой банковский счет для перевода денежных средств, полученных преступным путем для дальнейшего их перевода на другие счета либо незаконного обналичивания денежных средств или передачи их преступнику иным способом [3, с. 87].

До недавнего времени дропперов привлекали к ответственности по смежным составам Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ), таким как мошенничество (ст. 159 УК РФ) или легализация (отмывание) денежных средств (ст. 174 УК РФ). Отсутствие специальной нормы затрудняло квалификацию и позволяло лицам, совершившим преступление, уходить от уголовной ответственности и наказания [4, с. 389]. Ситуация изменилась с введением в действие 5 июля 2025 г. поправок в ст. 187 УК РФ («Неправомерный оборот платежных средств»), благодаря которым появилась специальная норма, позволяющая привлекать к уголовной ответственности дропперов.

Согласно статистике, ежемесячно дропперами становятся около 80 тыс. человек. За январь – сентябрь 2025 г., по оценкам Центрального банка Российской Федерации (далее – Банк России), число граждан, использующих карты для незаконного вывода денежных средств, достигло 1,2 млн³. Для разрешения возникшей проблемы Банк России планирует в 2027 г. запустить новую платформу «Антидроп», представляющий собой единый сервис, позволяющий централизованно передавать в банки ин-

формацию о подозрительных операциях физических лиц для блокировки активности таких клиентов. Представляется, что данных мер может быть недостаточно для борьбы с этим видом преступления. Следует тщательно разработать специальную криминалистическую методику расследования мошенничества с использованием средств сотовой связи, в которой основным элементом криминалистической характеристики преступления будет выступать характеристика личности дроппера, выступающего посредником при совершении преступления.

Целью научной статьи является криминалистическая характеристика дроппера как специфического субъекта преступления и анализ его участия в мошеннических схемах с использованием средств сотовой связи.

Методы

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы научного познания. Методика основана на рассмотрении правовых норм УК РФ, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, научных трудов, материалов следственной и судебной практики по теме проводимого научного исследования.

Результаты

Личность преступника в криминалистике изучается посредством анализа биологических, психологических и социальных свойств личности человека. Данные о личности дроппера по делам о мошенничестве с использованием средств сотовой связи являются важнейшим элементом криминалистической характеристики. Личность преступника можно рассматривать с различных сторон: с уголовно-правовой, криминологи-

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – июнь 2025 года // МВД России. URL: <http://мвд.рф/reports/item/67755056/> / (дата обращения: 21.09.2025).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

³ Число клиентов-дропов в российских банках превысило миллион // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/finances/26/09/2025/68d69e149a79472e16862f06?ysclid=mg3m4iold4947362615> (дата обращения: 21.09.2025).

ческой, уголовно-процессуальной, криминалистической и др [5, с. 29]. В настоящей статье будет рассмотрена криминалистическая характеристика дроппера как посредника в мошеннических схемах [6, с. 202].

Анализ личности преступника, в частности дроппера, позволяет следователю предвидеть его действия на разных этапах преступления: до, во время и после его совершения. Кроме того, сведения о типичных свойствах личности изучаемого преступника напрямую связаны с установлением обстоятельств уголовного дела и входят в предмет доказывания по нему.

Изучив материалы уголовных дел и данные Федеральной службы по финансовому мониторингу, можно составить криминалистический портрет дроппера, которым является человек до 30 лет, не судимый, с хорошей кредитной историей, активный пользователь Интернета, имеющий в среднем 10–20 карт разных банков для незаконного вывода денежных средств¹.

Чаще всего мошенниками привлекаются для участия в качестве дропперов следующие группы лиц:

1. Несовершеннолетние и студенты, ищущие легкий заработок на карманные расходы и не обладающие достаточной финансовой и правовой грамотностью. Важно отметить, что минимальный возраст для привлечения к уголовной ответственности дроппера составляет 16 лет.

2. Лица с низким уровнем дохода: безработные, работники малооплачиваемых профессий, мигранты. Их основным мотивом является острая финансовая нужда.

3. Пожилые люди, которые часто становятся жертвами обмана, не осознавая криминального характера своих действий.

Ключевым поведенческим фактором является стремление к быстрому и легкому

заработку с минимальными трудозатратами. Вознаграждение дроппера составляет, по разным данным, до 40 % от суммы проведенных или обналиченных средств, что может значительно превышать средний уровень дохода для данной социальной группы [7, с. 180].

Мотивация дроппера варьируется: чаще всего это корысть, но в некоторых случаях мотивом может выступать желание помочь или страх, вызванный психологическим воздействием со стороны мошенников, представившихся, например, сотрудниками спецслужб. Следует отметить, что квалификация действий дроппера весьма противоречива, особенно до введения в действие поправок в ст. 187 УК РФ («Неправомерный оборот платежных средств»).

Приведем практические примеры.

При рассмотрении уголовного дела № 1-29/2024 Московский городской суд не признал дроппера, предоставившего свою карту для перевода 2,3 млн рублей, соучастником мошенничества, так как не было доказано, что он знал о преступном характере операций. Суд указал, что передача карты сама по себе не доказывает умысел на соучастие преступления².

При рассмотрении другого уголовного дела № 1-759/2024 Сыктывкарский городской суд признал гражданина виновным в аналогичном преступлении. В этом случае суд принял во внимание переписку обвиняемого, где он упоминал, что знает о роли дроппера как лица, обналичивающего незаконные средства, и его осведомленность подтверждалась систематическими выплатами за банковские переводы и использованием анонимных мессенджеров для связи с организаторами преступления. Эти действия дроппера говорят о том, что преступник знал о противоправности совершаемого

¹ Росфинмониторинг описал среднестатистический портрет дроппера // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6413875f9a794733e20fa36e?ysclid=mg3bk7fivn497401447> (дата обращения: 21.09.2025).

² Приговор Московского городского суда от 12 марта 2024 г. по делу № 1-29/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/J9wqX5bVvLkP/> (дата обращения: 21.09.2025).

преступления, следовательно, осознанный характер действий играет ключевую роль в определении вины дроппера¹.

В третьем уголовном деле № 1-43/2024 от 1 февраля 2024 г. Советским районным судом города Тамбова был вынесен обвинительный приговор подсудимому, признанному виновным в мошенничестве (ст. 159 УК РФ), несмотря на то, что тот формально только переводил деньги. В данном случае суд установил, что подсудимый не просто играл роль посредника при совершении преступления, а активно участвовал в преступной схеме, осознавая ее незаконность, целенаправленно осуществлял преступные действия для получения незаконной прибыли. Другими словами, суд пришел к выводу, что действия подсудимого выходили за рамки только перевода денежных средств, поэтому он являлся соучастником в мошенничестве [8, с. 138].

Безусловно, механизм мошенничества с использованием сотовой связи представляет собой сложную, многоуровневую систему, в которой дропперу отводится роль посредника, обеспечивающего заключительный этап – легализацию и вывод денежных средств, полученных преступным путем. Мошеннические действия начинаются с психологического воздействия на потерпевшего по телефону: преступник, используя различные преступные методы, убеждает потерпевшего перевести денежные средства.

Однако реквизиты для перевода принадлежат не организаторам, а дропперу для того, чтобы разорвать прямую связь между преступником и похищенными деньгами, тем самым тщательно скрываются следы преступления. Как отмечают некоторые ученые, для успешного вывода денежных средств, полученных от потерпевшего, требуется преступная цепочка, состоящая как минимум из трех дропперов [9, с. 360].

Следует представить классификации дропперов по степени осознанности их дей-

ствий при совершении преступления и выполняемым функциям.

По степени осознанности действий выделяются следующие виды дропперов:

1. Дропперы, участвующие в преступных схемах осознанно, понимая, что совершают незаконные финансовые операции.
2. Дропперы, участвующие в преступных схемах в результате обмана, не осознающие преступный характер совершаемых действий.

По выполняемым преступным функциям в мошеннической схеме:

1. Дропперы, незаконно обналичивающие денежные средства. Преступные действия совершаются путем снятия поступивших на карту дроппера денежных средств через банкомат и последующая передача наличных денег организаторам преступления. В результате преступных действий таких дропперов остается четкий цифровой след в виде проведенной банковской операции по карте преступника и видеозапись с камер банкомата.

2. Дропперы, осуществляющие незаконные переводы денежных средств. Преступные действия совершаются дроппером путем получения на свою банковскую карту денежных средств, которые дальше переводятся по указанию организатора преступления на другие счета или электронные кошельки. В результате преступных действий таких дропперов проводится много банковских переводов, что усложняет отслеживание конечного получателя денежных средств [10, с. 187].

3. Дропперы, незаконно получающие наличные денежные средства. Преступные действия совершаются дроппером путем получения наличных денежных средств от преступников и в последующем их внесения на свой банковский счет через банкомат для дальнейшего перевода по цепочке. Такой дроппер совмещает два вида преступных действий: преступные действия, связанные с получением наличных денежных средств,

¹ Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 7 октября 2024 г. по делу № 1-759/2024. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

и банковский перевод на другие банковские счета, выступая связующим звеном в мошеннической схеме [11, с. 279].

Следует выделить способы установления контакта организатора мошенничества с дроппером:

1. Вовлечение дроппера, осознающего преступный характер своих действий через теневые площадки в даркнете, социальные сети и мессенджеры, где под видом «легкого заработка» или «работы с финансами» размещаются соответствующие предложения [12, с. 101].

2. Вовлечение дроппера в преступную деятельность путем обмана.

Наиболее распространенные схемы обмана дроппера включают:

а) инсценировку «ошибочного перевода», когда лицу поступают денежные средства, после чего отправитель просит вернуть их на другой счет, предлагая вознаграждение за услугу;

б) фиктивные предложения о работе, где соискателю под предлогом «проверки службы безопасности» или для «начисления заработной платы» предлагают предоставить реквизиты банковской карты;

в) просьбы о помощи, где преступник у банкомата просит снять для него деньги, ссылаясь на утерю карты, и переводит средства на карту дропперу;

г) мошенник представляется сотрудником спецслужб, банка, где под предлогом помощи в поимке преступников или обеспечения «безопасности счета» дает указания по переводу денежных средств [13, с. 307].

На сегодняшний день правоприменительная практика идет по такому пути, что уголовная ответственность дропперов может наступать независимо от осознания противоправности действий. Ключевым критерием становится факт получения вознаграждения. Если лицо впервые совершило преступление и готово активно помогать следствию, сообщая о других

лицах, использовавших карту для незаконных действий, оно может быть освобождено от уголовной ответственности [14, с. 235].

Однако, в соответствии со ст. 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации¹, с дроппера как номинального владельца счета может быть взыскана сумма неосновательного обогащения в пользу потерпевшего, даже если сам дроппер не был привлечен к уголовной ответственности.

Закключение

Проведенное научное исследование позволяет сделать вывод о том, что дроппер представляет собой особого субъекта преступления, криминалистическая характеристика которого отличается четко выраженными социально-демографическими и мотивационными признаками. Его ключевая роль в механизме мошенничеств с использованием сотовой связи заключается в незаконном выводе и последующей легализации похищенных средств, что создает серьезные препятствия для раскрытия и расследования этих латентных преступлений. Дроппером, как правило, является человек до 30 лет, не судимый, с хорошей кредитной историей, активный пользователь Интернета, имеющий в среднем 10–20 карт разных банков для незаконного вывода денежных средств. Лицами, часто привлекаемыми мошенником для участия в качестве дропперов, выступают: несовершеннолетние и студенты, ищущие легкий заработок и не обладающие достаточной финансовой и правовой грамотностью; лица с низким уровнем дохода и пожилые люди, которые часто становятся жертвами обмана, не осознавая криминального характера своих действий.

Дропперов следует разделить по степени осознанности их действий при совершении преступления и выполняемым функциям. По степени осознанности действий выделяются: дропперы, участвующие в преступных схемах осознанно, и дропперы,

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5, ст. 410.

участвующие в преступных схемах в результате обмана; по выполняемым преступным функциям в мошеннической схеме: дропперы, незаконно обналичивающие денежные средства, дропперы, осуществляющие незаконные переводы денежных средств и незаконно получающие наличные деньги.

Введение специализированной уголовной нормы (ст. 187 УК РФ), посвященной уголовной ответственности дропперов, направлено на выявление, пресечение данного уголовного преступления и привлечение к уголовной ответственности лиц, выступающих посредниками при совершении мошенничества с использованием средств сотовой связи.

Констатируем, что в настоящее время применяемые уголовно-правовые меры к дропперу остаются недостаточно эффективными. Полагаем, что назрела необходимость разработки специальной криминалистической методики расследования мошенничества с использованием средств

сотовой связи, в которой часть следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, проводимых правоохранительными органами, должна быть направлена на изблечение дропперов.

Важно проведение профилактической работы органами расследования по предупреждению вовлечения лиц в противоправную деятельность путем:

1) повышения финансовой и правовой грамотности среди лиц, часто привлекаемых к участию в качестве дропперов, особенно молодежи;

2) проведения разъяснительной работы в образовательных учреждениях и средствах массовой информации о сущности дропперства и последствиях участия в таких мошеннических схемах;

3) совершенствования механизмов финансового мониторинга банками и правоохранительными органами для раннего выявления и пресечения подозрительных финансовых операций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фетисов В. Д. Цифровизация экономики России и проблемы финансов физических лиц // Экономика и предпринимательство. 2019. № 4 (105). С. 125–129.
2. Brown C. D. The Money Mule Phenomenon: A Comparative Analysis of Legislation and Enforcement in the US and EU // Journal of Financial Crime. 2022. Vol. 29, issue 1. P. 210–225.
3. Ревенко Н. И. Криминалистическая характеристика мошенничества с использованием информационно-коммуникационных технологий // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2024. Т. 21, № 2. С. 87–90.
4. Машлякевич В. А. Посредник как элемент криминалистической характеристики мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи // Евразийский юридический журнал. 2024. № 3 (190). С. 389–391.
5. Усенко С. В. Личность преступника и потерпевшего как элемент криминалистической характеристики // Эпомен. 2023. № 83. С. 29–41.
6. Пырьева Е. И., Попова Н. В., Лихачева Е. А. Криминалистическая характеристика мошенничества, совершаемого с использованием средств сотовой связи // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2024. № 3. С. 202–208.
7. Самсина Е. Е. Мошенничество с использованием дропперов, меры противодействия // Вестник Национального института бизнеса. 2025. № 1 (57). С. 180–185.
8. Зайцева О. В. Уголовная ответственность дропперов: за и против // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 6 (161). С. 138–146.
9. Чеклаукова Е. Л. Дропперство в банковском секторе // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2025. № 12. С. 360–361.
10. Рожнева А. А. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации // Аллея науки. 2022. № 8 (71). С. 187–193.

11. Васильева А. В. Дропперы в системе киберпреступности: уголовно-правовые проблемы квалификации и перспективы законодательного регулирования // Вопросы российской юстиции. 2025. № 37. С. 279–287.
12. Гриненко А. В., Коляда А. В., Хорьяков С. Н. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты: монография. М.: Проспект, 2022. 184 с.
13. Семенихина Т. Н. Особенности организации расследования мошенничеств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий на первоначальном этапе // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 2. С. 307–312.
14. Мурсалимов А. Т. Противодействие преступности через призму криминологического портрета личности мошенника в сфере кредитования // Право и государство: теория и практика. 2023. № 3 (219). С. 235–237.

REFERENCES

1. Fetisov V. D. Digitalization of the Russian economy and the problems of individuals' finances // Economics and entrepreneurship. 2019. No. 4 (105). P. 125–129. (In Russ.)
2. Brown C. D. The Money Mule Phenomenon: A Comparative Analysis of Legislation and Enforcement in the US and EU // Journal of financial crime. 2022. Vol. 29, issue 1. P. 210–225. (In Eng.)
3. Revenko N. I. Criminalistic characteristics of fraud using information and communication technologies // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2024. Vol. 21, no. 2. P. 87–90. (In Russ.)
4. Mashlyakevich V. A. Intermediary as an element of criminalistic characteristics of frauds committed using telephone communications // Eurasian law journal. 2024. No. 3 (190). P. 389–391. (In Russ.)
5. Usenko S. V. Personality of the criminal and the victim as an element of criminalistic characteristics // The epoch. 2023. No 83. P. 29–41. (In Russ.)
6. Pyrieva E. I., Popova N. V., Likhacheva E. A. Criminalistic characteristics of fraud committed using cellular communications // Bulletin of Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024. No. 3. P. 202–208. (In Russ.)
7. Samsina E. E. Fraud using droppers, counteraction measures // Bulletin of the National Institute of Business. 2025. No. 1 (57). P. 180–185. (In Russ.)
8. Zaitseva O. V. Criminal liability of droppers: pros and cons // Bulletin of Saratov State Law Academy. 2024. No. 6 (161). P. 138–146. (In Russ.)
9. Cheklaukova E. L. Droppery in the banking sector // Modern technologies and scientific and technological progress. 2025. No. 12. P. 360–361. (In Russ.)
10. Rozhneva A. A. Criminalistic characteristics of crimes in the field of computer information // Alley of science. 2022. No. 8 (71). P. 187–193. (In Russ.)
11. Vasilyeva A. V. Droppers in the cybercrime system: criminal law problems of qualification and prospects of legislative regulation // Issues of Russian justice. 2025. No. 37. P. 279–287. (In Russ.)
12. Grinenko A. V., Kolyada A. V., Khoryakov S. N. Countering the legalization (laundering) of proceeds from crime: criminal law, criminal procedure and criminalistic aspects: monograph. Moscow: Prospekt, 2022. 184 p. (In Russ.)
13. Semenikhina T. N. Features of the organization of fraud investigation using information and telecommunication technologies at the initial stage // Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2. P. 307–312. (In Russ.)
14. Mursalimov A. T. Countering crime through the prism of a criminological portrait of a fraudster's personality in the field of lending // Law and the state: theory and practice. 2023. No. 3 (219). P. 235–237. (In Russ.)

Информация об авторе:

Е. В. Христинина, кандидат юридических наук.

Information about the author:

E. V. Khristinina, Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 04.11.2025; одобрена после рецензирования 11.11.2025; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 04.11.2025; approved after reviewing 11.11.2025; accepted for publication 18.06.2026.

МЕТАЯЗЫК ОПИСАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНГЛИЙСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Римма Зигануровна Байбурина

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия,
RimmaBajburina@yandex.ru, ORCID 0000-0002-8202-4780

Аннотация. В данной статье автор рассматривает значимость исследования семантической структуры слова во взаимосвязи с когнитивными структурами для совершенствования процесса формирования профессионально ориентированной компетенции в юридической сфере. Умение корректно переводить и использовать слова-эквиваленты, учитывая контекстуальное окружение, является важным навыком специалиста в области правоприменения. Изучение семантики языковых единиц осуществляется с помощью разработки метаязыка для конкретного пласта глагольной лексики. На примере английских глаголов группы *investigate* с общим значением «расследовать (преступление)» анализируются когнитивные основания для дифференциации области номинации близких по смыслу глагольных единиц. Актуальность обусловлена тем, что словарные дефиниции не обладают достаточным экспланаторным потенциалом и не отражают особенностей когнитивной ситуации. Автор осуществляет попытку раскрыть содержание семантических ролей анализируемых глаголов. В работе используются методы семантического толкования, компонентного анализа, контентного анализа, лингвистического эксперимента, а также гипотетико-дедуктивный метод. На основе обработки аутентичных лексикографических, литературных источников, корпусов примеров, материалов прессы была составлена эмпирическая база исследования.

Ключевые слова: когнитивная семантика, юридические предикаты, имплицитные смыслы, толковые словари, словарная статья

Для цитирования: Байбурина Р. З. Метаязык описания юридической английской глагольной лексики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 2 (112). С. 123–129.

Original article

THE METALANGUAGE OF DESCRIPTION OF THE LEGAL ENGLISH VERBAL VOCABULARY

Rimma Z. Bajburina

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs, Ufa, Russia, RimmaBajburina@yandex.ru,
ORCID 0000-0002-8202-4780

Abstract. In this article, the author examines the importance of studying of the semantic structure of a word in relation to cognitive structures for improving the process of forming professionally oriented competence in the legal field. The ability of correct translation and use of equivalent words, taking into account the contextual environment, is an important skill of a law enforcement specialist. The study of the semantics of linguistic units is carried out by developing of a metalanguage for a specific field of verbal vocabulary. Using of the English verbs of the «investigate» group with general meaning «investigate (crime)» as an example, the cognitive grounds for differentiating of the area of nomination of verb units similar in meaning are analyzed.

© Байбурина Р. З., 2026

The relevance is due to the fact that dictionary definitions do not have sufficient explanatory potential and do not reflect the peculiarities of the cognitive situation. The author attempts to reveal the content of the semantic roles of the analyzed verbs. The work uses methods of semantic interpretation, component analysis, content analysis, linguistic experiment, hypothetical-deductive method. Based on the processing of authentic lexicographic and literary sources, corpus examples' studies, and press materials an empirical research base was compiled.

Keywords: cognitive semantics, legal predicates, implicit meanings, explanatory dictionaries, dictionary entry

For citation: Bajburina R. Z. The metalanguage of description of the legal English verbal vocabulary // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 2 (112). P. 123–129. (In Russ.)

Введение

Настоящее исследование продолжает традицию когнитивного подхода к изучению семантической структуры глагольных единиц и посвящено вопросу влияния параметров денотативной ситуации на лексическое значение слова. Неоспоримо, что семантическое значение языковых единиц находится под влиянием когнитивных процессов.

Объектом нашего исследования являются английские глаголы юридической семантики группы *investigate*, предметом – дифференциальная семантика предикатов данной группы с общим значением «расследовать (преступление)». Юридическая лексика имеет свои специфические особенности, которые должны учитываться при их переводе на русский язык. «На занятиях по иностранному языку одна из приоритетных задач должна заключаться в правильном эквивалентном переводе содержания юридических документов» [1, с. 154]. В практике преподавательской деятельности наиболее частые вопросы обучающиеся задают по поводу разграничения терминологии, а именно, как переводить слова, которые можно назвать «идеографическими синонимами», похожими по значению, но различающимися оттенками значения [2]. Целью нашего исследования является характеристика дифференциальных компонентов в семантической парадигме лексико-семантической группы *investigate*, а также попытка выявить когнитивные основания для разграничения условий упо-

ребления синонимичных глаголов, что позволит повысить качество перевода. Актуальность исследования обусловлена тем, что словарные дефиниции, представленные в толковых словарях, дублируют друг друга и не отражают параметры денотативной ситуации. Традиционно лексикографические источники при переводе или толковании отдельной единицы приводят перекрестные ссылки и синонимы, из-за чего бывает трудно определиться с выбором необходимого слова в конкретном контексте или правильно передать смысл при переводе.

Рассмотрим следующий синонимический ряд: *investigate – examine – detect – probe – look into – inquire into*. В толковом английском словаре приводятся такие определения:

to investigate – to try to discover all the facts about something, especially a crime or accident;

to examine – to look at or consider a person or thing carefully, to discover something about them;

to detect – to discover something;

to probe – to try to discover information;

to look into – to examine the facts;

*to inquire into – to try to discover the facts about something*¹.

Задачей исследования станут формулирование словарных статей рассматриваемых глаголов, отражающих особенности денотативной ситуации. Материалом исследования являются авторитетные отечественные и признанные аутентичные толковые словари,

¹ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 07.02.2026).

примеры из литературы различного рода, Британского национального корпуса¹, Корпуса современного американского английского языка², прессы, тестов.

Методы

Методологической базой исследования стали следующие методы: аналитический метод, гипотетико-дедуктивный метод, метод компонентного анализа, контент-анализ, контекстуальный анализ, анализ словарных дефиниций, частотный анализ, метод семантического толкования, лингвистический эксперимент, практический метод.

Результаты

Формирование профессионально ориентированной коммуникативной компетенции является основной целью изучения иностранного языка в вузе. Выпускники образовательных организаций системы Министерства внутренних Российской Федерации должны обладать данной компетенцией в юридической области, под которой мы подразумеваем «способность применять лексические единицы при осуществлении профессионально ориентированного общения при решении задач в юридической сфере» [3, с. 139]. Владение юридической терминологией повышает уровень практического владения языком, что влияет на достоверность полученных данных, а также позволяет адекватно и эффективно осуществлять коммуникацию в профессиональной сфере.

В нашем исследовании мы придерживаемся такого алгоритма трактования значения английской предикативной лексики для выявления дифференциальных признаков, представленного в научной литературе: 1) сбор и анализ фактического материала, 2) формирование понятийного аппарата описания семантической структуры глагольных единиц, 2) анализ семантических типов предикатов по типу соотношения с осью времени, 3) анализ семантических ролей актантов (субъекта и объекта) ситуации,

4) формулирование научной гипотезы о наличии или отсутствии тех или иных признаков в семантической структуре предиката и ее верификация с применением тестовых методик лингвистического анализа [4; 5; 6; 7].

В отечественных и зарубежных работах убедительно доказывается тот факт, что при проведении лингвистического исследования необходимо опираться на определенный метаязык [8; 9; 10; 11; 12]. Семантика конкретного естественного языка должна описываться подъязыком самого естественного языка [13]. При этом языком первого уровня (язык-объект) становится английский (рассматриваемые предикаты), а языком второго уровня – метаязык. Эффективным является метод семантического толкования, построенный на принципе семантических примитивов А. Вежбицкой, состоящих из элементарных метапонятий, имеющих эквиваленты в объективном мире, такие как «сила», «приложение силы», «контроль за приложением силы», «осознаваемость приложения силы» [14]. Эти параметры влияют на определение семантической роли субъекта, а в результате – на толкование семантического типа предиката и выявление интегральных и дифференциальных признаков в значении слова. Мы придерживаемся научной школы О. Н. Селиверстовой, для которой характерна разработка метаязыка применительно к конкретному пласту лексики для адекватного описания его семантической структуры [15].

Большинство лексикографических источников выделяет следующие глаголы-синонимы со значением «расследовать (преступление)»: *investigate, examine, inquire into, look into, delve into, probe, detect, try, suss, scrutinize*. Самым распространенным и универсальным вариантом является *investigate*. В некоторых матери-

¹ British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 07.02.2026).

² Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 07.02.2026).

алах приводится информация о том, что выражение *to look into a crime* характерно для разговорного стиля, а словосочетание *to inquire into a crime* – для официально-го стиля и часто используется в контексте служебных расследований. Таким образом, мы можем предположить, что частотность употребления зависит от стиля речи. Рассмотрим синонимический ряд английских глаголов *investigate* – *probe* – *look into* – *inquire into* как наиболее частотные. Анализ показал, что данные предикаты не получают исчерпывающего описания в толковых словарях и интерпретируются друг через друга:

inquire – *to search into, investigate*;

look into = *investigate*¹;

investigate – *to inquire into (a situation or problem, esp. a crime or death) thoroughly*;

probe – *to investigate or examine with great thoroughness*².

В описании условий употребления глаголов наблюдаются схожие параметры. Такое явление принято называть «логические круги» [16].

Англо-русские словари также не дают исчерпывающей информации. Например: *to investigate* – расследовать, *to probe* – расследовать, *to look into* – расследовать³. В таком случае являются ли эти глаголы взаимозаменяемыми в данных предложениях:

1. *The case will be investigated in detail to determine whether the claims are true.*

2. *The accident was thoroughly investigated.*

3. *The mystery of the missing woman has been probed into by police, but without result.*

4. *The police probed into the financial affairs of the company.*

5. *Detectives questioned him for hours, probing for any inconsistencies in his story.*

6. *That's one of the potential links investigators are probing to determine whether the two killings are connected, the officials said.*

7. *Investigators are looking into the cause of the accident.*

Таким образом, дифференциальные признаки, раскрывающие содержание когнитивной ситуации, позволяющие выбрать необходимый глагол из представленной синонимичной группы, не вербализованы в должной степени. Исходя из приведенных примеров, мы можем предположить, что субъект при глаголах данной группы осуществляет определенную интеллектуальную деятельность для сбора и анализа полученной информации при расследовании каких-то противоправных действий. Он прилагает интеллектуальные усилия для выяснения истины, физические – для сбора фактов, может приложить эмоциональные усилия, например, при взаимодействии с подозреваемыми, то есть является деятелем, так как выполняет определенные целенаправленные действия для получения знаний об объекте (человеке или ситуации в целом). Роль объекта будет характеризоваться концептом «источник информации» для субъекта.

Наблюдение над фактическим материалом не является достаточной процедурой для формулировки гипотез, способствующих уточнению функционирования исследуемых глагольных единиц. Лингвистический анализ дает возможность выявить компоненты значения в семантической структуре предиката.

Экспериментальная лингвистика помогает определить параметры функционирования глаголов на основе исследования информации, полученной от информантов, а также применяя цифровые ресурсы. Оценки информантов и их интерпретация являются важным инструментом гипотетико-дедуктивного метода. Данные лингвистического эксперимента должны быть обработаны математическим способом. Обычно принято использовать шкалу Тимберлейка, позволяющую оценивать корректность высказывания по пятибалльной шкале, где 1 – полностью некорректное/неприемлемое, а 5 – предпочтительное/

¹ Exhibit A English Club? URL: <https://exhibitaenglish.com> (дата обращения 07.02.2026).

² Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 07.02.2026).

³ WoordHunt. URL: <https://woordhunt.ru/> (дата обращения: 07.02.2026).

корректное. При недостаточности предварительной информации используются «поисковые» тесты, в которых преднамеренно расширяется диапазон контекстного употребления исследуемой языковой единицы.

Например, исследуемый компонент – тщательность в изучении фактов:

1. *The police will investigate the crime thoroughly.*

2. *The police will probe the crime thoroughly.*

3. *Police will look into the crime thoroughly.*

4. *Police will inquire into the crime thoroughly.*

Исследуемый компонент – официальный контекст:

1. *The Commission is entrusted with the power to investigate complaints relating to the infringement of human rights.*

2. *The Commission is entrusted with the power to probe into complaints relating to the infringement of human rights.*

3. *The Commission is entrusted with the power to look into complaints relating to the infringement of human rights.*

4. *The Commission is entrusted with the power to inquire into complaints relating to the infringement of human rights.*

Исследуемый компонент – начальная стадия расследования:

1. *The police are investigating the robbery that occurred last night and will get back with an answer.*

2. *The police are probing the robbery that occurred last night and will get back with an answer.*

3. *The police are looking into the robbery that occurred last night and will get back with an answer.*

4. *The police are inquiring into the robbery that occurred last night and will get back with an answer.*

Исследуемый компонент – специальные методы, используемые для детального расследования:

1. *Undercover agents are investigating the suspect's financial records for signs of money laundering using special computer system.*

2. *Undercover agents are probing the suspect's financial records for signs of money laundering using special computer system.*

3. *Undercover agents are looking into the suspect's financial records for signs of money laundering using special computer system.*

4. *Undercover agents are inquiring into the suspect's financial records for signs of money laundering using special computer system.*

Данные «поисковые» тесты служат для верификации гипотезы, что глагол *investigate* употребляется в значении «расследовать, собирать факты» без использования специальных технических методов, глагол *probe* – в значении «тщательно, детально расследовать, с использованием специальных технических методов», фразовый глагол *to look into* – в значении «расследовать на начальной стадии, начать сбор фактов». При этом будет идти речь об отсутствии окончательных выводов. Фразовый глагол *to inquire into* употребляется в значении «расследовать, осуществлять формальный запрос уполномоченным органом», используется в официальном контексте.

Таким образом, лингвистический эксперимент позволяет получить уточненные семантические данные. Он дает возможность построить семантическую модель глагола на основе наличия определенных дифференциальных знаков в его семантической структуре.

Заключение

Рассмотрение глагольной лексики с точки зрения когнитивного подхода к анализу параметров денотативной ситуации позволяет выявить дифференциальные признаки в семантической структуре значения. Это позволяет оптимизировать выбор того или иного синонима. Умение релевантно переводить и использовать слова-эквиваленты, учитывая контекстуальное окружение, является важным навыком специалиста в области правоприменения. Результаты исследования вносят вклад в дальнейшее развитие концепции когнитивной семантики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Петрова Е. А. Лингвостилистические характеристики юридических документных текстов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 153–162.
2. Шашкова В. Н. Идеографические синонимы сквозь призму денотативной матрицы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 151–157.
3. Байбурина Р. З. Методика формирования профессионально ориентированной лексической компетенции у обучающихся юридического вуза // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 137–143.
4. Селиверстова О. Н. Семантические типы предикатов в английском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 86–216.
5. Шабанова Т. Д. Семантическая модель английских глаголов зрения (Теоретико-экспериментальное исследование). М.: ИЯ РАН, 1998. 199 с.
6. Семантические модуляции в глагольной лексике английского и русского языков в единстве семантического, когнитивного и конструктивного подходов / Т. Д. Шабанова, Д. М. Сулейманова, Я. В. Швайко, Н. В. Волкова. Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2015. 230 с.
7. Даутова А. С. Соотношение денотата предиката с осью времени как фактор модуляции лексического значения (на материале английского глагола *depart*) // Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе: коллективная монография памяти Ольги Николаевны Селиверстовой. 2-е изд., стереотип. М.: ООО «ФЛИНТА», 2023. С. 75–81.
8. Кретов А. А., Подтележникова Е. Н. К проблеме создания метаязыка семантического описания лексики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 5–10.
9. Швайко Я. В. Методика выявления метаязыковых понятий для трактования значения англоязычной глагольной лексики // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2016. № 2 (38). С. 107–120.
10. Лукина О. И. Особенности метаязыка лингвистики и лингвистической терминологии // Сопоставительная лингвистика. 2016. № 5. С. 111–117.
11. Лесников С. В. Метаязык лингвистики. СПб.: Нестор-история, Российский фонд фундаментальных исследований, 2020. 512 с.
12. Ахметшина Э. М. Понятийный аппарат описания значения глагольной лексики // Современные проблемы филологии и методики обучения иностранным языкам: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 55-летию кафедры английского языка, Уфа, 14 марта 2025 г. Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2025. С. 17–27.
13. Апресян Ю. Д. О московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 3–30.
14. Wierzbicka A. *Semantic Primitives*. Frankfurt: Athenäum, 1972. 235 p.
15. Селиверстова О. Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 960 с.
16. Сулейманова О. А., Фомина М. А. Триангуляционный подход в экспериментальной лингвистике // Русистика и компаративистика: Научные труды по филологии / гл. ред. С. А. Васильев. М.: Книгодел, 2018. Вып. 12. С. 220–235.

REFERENCES

1. Petrova E. A. Linguistic and stylistic characteristics of legal documentary texts // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 153–162. (In Russ.)
2. Shashkova V. N. Ideographic synonyms through the prism of the denotative matrix // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 151–157. (In Russ.)
3. Baiburina R. Z. Methodology for the formation of professionally oriented lexical competence among law school students // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 137–143. (In Russ.)
4. Seliverstova O. N. Semantic types of predicates in English // Semantic types of predicates. Moscow: Nauka Publ., 1982. P. 86–216. (In Russ.)

5. Shabanova T. D. Semantic model of English vision verbs (Theoretical and experimental research). Moscow: Institute of linguistics, RAS. 1998. 199 p. (In Russ.)
6. Semantic modulations in the verbal vocabulary of English and Russian in the unity of semantic, cognitive and constructive approaches / T. D. Shabanova, D. M. Suleymanova, Ya. V. Shvayko, N. V. Volkova. Ufa: Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, 2015. 230 p. (In Russ.)
7. Dautova A. S. The ratio of the predicate denotation with the time axis as a factor in the modulation of lexical meaning (based on the material of the English verb depart) // Methodology of modern semantic research in development and perspective: a collective monograph in memory of Olga N. Seliverstova. 2nd ed., stereotypical. Moscow: FLINTA Limited Liability Company, 2023. P. 75–81. (In Russ.)
8. Kretov A. A., Podtelezhnikova E. N. On the problem of creating a metalanguage of semantic description of vocabulary // Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication. 2014. No. 4. P. 5–10. (In Russ.)
9. Shvayko Ya. V. Methodology for identifying metalanguage concepts for interpreting of the meaning of the English verbal vocabulary // Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. 2016. No. 2 (38). P. 107–120. (In Russ.)
10. Lukina O. I. Features of the metalanguage of linguistics and linguistic terminology // Comparative linguistics. 2016. No. 5. P. 111–117. (In Russ.)
11. Lesnikov S. V. Metalanguage of linguistics St. Petersburg: Nestor-istoriya, Russian Foundation for Basic Research, 2020. 512 p. (In Russ.)
12. Akhmetshina E. M. The conceptual framework for describing the meaning of verbal vocabulary // Modern problems of philology and methods of teaching foreign languages: proceedings of the all-Russian scientific and practical conference dedicated to the 55th anniversary of the Department of English, Ufa, March 14, 2025. Ufa: Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, 2025. P. 17–27. (In Russ.)
13. Apresyan Yu. D. On the Moscow semantic school // Questions of linguistics. 2005. No. 1. P. 3–30. (In Russ.)
14. Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt: Athenäum, 1972. 235 p. (In Eng.).
15. Seliverstova O. N. Proceedings on semantics. Moscow: Languages of Slavic Culture. 2004. 960 p. (In Russ.)
16. Suleymanova O. A., Fomina M. A. Triangulation approach in experimental linguistics // The Russian studies and comparative studies: Scientific works on philology / chief editor S. A. Vasiliev. Moscow: Knigodel, 2018. Issue 12. P. 220–235. (In Russ.)

Информация об авторе:

Р. З. Байбурина., кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author:

R. Z. Bajburina., Candidate of Philology, Associate Professor;

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 31.03.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 09.02.2026; approved after reviewing 31.03.2026; accepted for publication 18.06.2026.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЙНЫХ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ НА КОММУНИКАТИВНУЮ ЛИЧНОСТЬ

Елена Сергеевна Бульбенко

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, twins04@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье речь идет о медийной лексике в современном коммуникативном пространстве средств массовой информации (далее – СМИ). Установлено, что лексические единицы могут оказывать определенное эмоциональное воздействие на человека в процессе восприятия информации современного медиадискурса. В данном исследовании рассматриваются языковые единицы, которые могут оказывать экологичное, неэкологичное и полиэкологичное влияние на коммуникативную личность. Анализируются ключевые слова, транслирующиеся современными СМИ. В статье обосновывается, что существующая медийная лексика часто негативно окрашена, поскольку изученные языковые единицы, презентуемые в СМИ, характеризуются отрицательной коннотацией, передающейся в эмоциональных коммуникативных ситуациях. Делаются выводы о том, что эмоциональное воздействие ключевых слов является в основном неэкологичным, что может негативно сказываться на здоровье человека, как моральном, так и физическом.

Ключевые слова: медиадискурс, медийные ключевые слова, эмоциональное неэкологичное воздействие, эмоция, эмоциональная коммуникативная ситуация, коммуникативная личность

Для цитирования: Бульбенко Е. С. Эмоциональное воздействие современных медийных ключевых слов на коммуникативную личность // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 2 (112). С. 130–138.

Original article

EMOTIONAL EFFECT OF MODERN MEDIA KEYWORDS ON A COMMUNICATIVE PERSONALITY

Elena S. Bulbenko

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia,
twins04@mail.ru

Abstract. This article deals with media lexis in the modern communicative media sphere. It has been established that lexical items can have a certain emotional effect on a person in the process of perceiving information from modern media discourse. This research focuses on the language units that can have an ecological, non-ecological and polyecological effect on a communicative personality. Some key words of modern media are analyzed. The article proves that existing media lexis is often negative, because the studied language units presented in the media are characterized by a negative connotation which is transmitted in emotional communicative situations. The author comes to the conclusion that the emotional effect of keywords is mostly non-ecological, that can negatively affect human health both morally and physically.

Keywords: media discourse, media keywords, emotional non-ecological effect, emotion, emotional communicative situation, communicative personality

For citation: Bulbenko E. S. Emotional effect of modern media keywords on a communicative personality // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 2 (112). P. 130–138. (In Russ.)

Введение

Сегодня современная коммуникативная личность живет в определенных средах. Прежде всего, индивидуум бытует в природной среде, поскольку он является непосредственной, одной из главной составляющей природы. Находясь в данной среде, каждая личность формирует свою социальную среду или человеческое сообщество, так как индивидуумы не могут не взаимодействовать друг с другом в процессе обмена информацией, опытом, традициями, инновациями и пр. [1, с. 81].

Общеизвестно, что в современном мире информационное поле оказывает значительное влияние на окружающую действительность. Жизнедеятельность человека невозможна без передачи информации в процессе коммуникации. Современная коммуникативная деятельность человека интерактивна и зависит от многих факторов, например от интернет-ресурсов, различных технических средств, новейших коммуникативных технологий и др. Такая деятельность человека реализуется в информационной среде, которая, в свою очередь, включает коммуникативную среду и интернет-среду.

Данные среды, по утверждению В. И. Шаховского, являются доминирующими в современной эмоциональной коммуникативной жизни человека, так как они представляют собой информационные ретрансляторы как средств массовой информации (далее – СМИ), так и средств массовой агитации и пропаганды (далее – СМАП [1, с. 81].

Через ежедневных событий, представленных в СМИ и СМАП (экономические кризисы, катаклизмы, катастрофы, взрывы, убийства, протесты, забастовки и др.), – это основа возникновения большого количества языковых единиц, часто образующих медийную лексику в рамках определенных медиадискурсов.

Сегодня во многих научных парадигмах можно найти различные наименования понятия, обозначающего медийную лексику в коммуникативном пространстве. К примеру, в лингвистике часто встречаются такие тер-

мины, как «медийный дискурс» [2], «массмедийный дискурс» [3], «медиаальный дискурс» [4], «медиадискурс» [5] и др. В данной работе мы будем придерживаться термина «медиадискурс».

Медиадискурс – это разнородное явление, которое сегодня трактуется по-разному. Так, Т. Г. Добросклонская рассматривает медиадискурс как некий текст, содержащий базовые компоненты коммуникативной деятельности: адресант; коммуникативная ситуация; средство передачи информации; получатель информации; анализ полученной информации [5, с. 22]. М. Р. Желтухина определяет медиадискурс как целостную, передающуюся вербальными и/или невербальными, устными и/или письменными текстовыми фрагментами информацию, находящуюся в тесной взаимосвязи с социокультурными, лингвокультурными, а также иными факторами когнитивной лингвистики и других научных парадигм [6, с. 293]. Медиадискурс является совокупностью процессов, передающихся через коммуникативную деятельность в массовой коммуникации. А потому считаем, что можно говорить о медиадискурсе как о дискурсивном медиамагнате, характеризующимся совокупностью коммуникативных процессов и содержащим огромное количество медийных слов и выражений, отражающих лингвокультурные аспекты современной коммуникации.

В последнее время изучение лексики в рамках медиадискурса нередко вызывает у лингвистов восхищение языком, особенно если анализировать ее вербальное оформление в соответствующей эмоциональной коммуникативной ситуации (далее – ЭКС).

Методы

Методы исследования, которые применяются в данной работе при отборе и анализе практического материала, следующие: дефиниционный анализ, сопоставительный анализ, метод сплошной выборки, количественный прием, интроспекция.

Материалом настоящего исследования послужили как устные, так и электронные

СМИ, которые являются яркими средствами трансляции современных языковых единиц, представленных в медиакommunikации.

Приведем некоторые примеры языковых единиц, то есть образных выражений, фразеологических сочетаний и пр., встречающихся в современном языке СМИ. Полагаем, что такая лексика является источником информационного шума, создающего определенный (положительный, отрицательный, положительно-отрицательный) медийный фон современной реальности, например: *последний гвоздь в крышку гроба; картинка хороша, да в кармане ни гроша; это не поддержка, а крутая подножка; подмять под себя; сыграть свою песню; остров спокойствия (о США); пресса втоптала в грязь; ломать хребет экономики; как-то что-то рассосется; кручу верчу – запутать хочу; еще не смыл грим; болото будет бурлить; уходить от вопросов; если глубоко не копать; оказаться на острие; брать с потолка цифры; написать левой ногой у себя в соцсети; ни дыхнуть, ни передохнуть; маски могут меняться в прямом и переносном смысле; на руках карты; челюсти падали; обыграть ситуацию; лебедь, рак и щука; пытаться имитировать брутальность, но выглядеть глупо и др.*

Результаты

Все отобранные нами иллюстративные примеры мы распределили на несколько типов в зависимости от оценочного знака конкретного факта, представленного в СМИ: 1) положительные (экологичные); 2) отрицательные (неэкологичные); 3) положительно-отрицательные (полиэкологичные).

К примерам первой группы относится следующая лексика с положительной коннотацией: *центральное событие всего телевизионного сезона; эпитеты прозвучали с большим знаком плюс; эта встреча не может завершиться со знаком минус; важно найти компромисс; снимаю шляпу перед коллегами; жест доброй воли; серьезный прорыв; отморозенность в хорошем смысле; счастливо доставлять до передовой туда и обратно; максимально подробно*

рассказать о героях; удачно ребята выскочили; ребята героически заскочили; наши ребята героически держатся и др.

Проиллюстрируем вторую группу, содержащую языковые единицы с отрицательной коннотацией: *каждый шаг ухудшил положение; разрушить равновесие; самое страшное в другом; ковидная реальность; новая система не пришла; обострение на территории; негативно влиять на рейтинг; все поломать; плевать на общественное мнение; посадили марионеток; зачем нагнетать публично; своровать победу; полное дерегулирование; плоды неэффективной титанической работы; искать повод, чтобы расправиться; леволиберальный инкубатор; увеличивать помощь на так называемое восстановление; не надо обольщаться – это просто прикрытие; это ваша вина; рассказать то, чего не будет; нет ни одного конструктивного предложения – одна чушь; система мышления холодной войны; максимально увеличить давление; воинственное заявление; перенаправлять мышление на военное время; не дали спокойно сделать; утратилась бдительность; шестеренки закрутились, и телега поехала в другую сторону; действовать в парадигме; шоу должно продолжаться; серьезные провокации; начало года выдалось более, чем жарким; рычаги давления; взрывы на объектах; прививка от жадности; массированные удары; такая дерзость не осталась без внимания; доминирующие хищники и им можно все; деньги скачать; массовый разгром; оспаривать нормальность мира; перестроить маленькую перестройку; вызывать непонимание; все происходящее – это трагедия, тяжелая боль и др.*

В третьей группе представлены отобранные нами примеры, транслирующие положительно-отрицательное значение: *все майноритиз выступают; мы с вами согласимся, если вы примите нашу точку зрения; главная цель – стратегическая; кочующая элита; отстреливать аргументы; нужен другой разговор и другая стилистика; для нас это и хорошо, и плохо; впечатляющий, символичный жест; деликатность темы;*

цель – радикально или кардинально изменить ход переговоров и др.

Обсуждение

Согласно полученным данным на основе отобранной нами медийной лексики, языковые единицы, характеризующиеся положительной коннотацией, составляют 33 %; количество примеров с отрицательной коннотацией – 56; образных выражений с положительно-отрицательной характеристикой насчитывается 11 %.

Из этого следует, что наибольшее количество проанализированных в нашем исследовании лексических единиц в современном медиапространстве передают отрицательные значения, что является неэкологичным для получателя информации, а значит, оказывает негативное воздействие на его восприятие окружающей действительности.

Как было уже сказано выше, медиадискурс – это обширное поле, которое содержит огромный пласт медийной лексики, относящийся к различным дискурсам. Во многих современных лингвистических исследованиях отмечается периодическая смена определенных дискурсов в зависимости от доминирования того или иного события в социуме, стране, мире: одни дискурсы исчезают, другие появляются, новые дискурсы становятся актуальными.

Так, если совсем недавно в рамках современного медиадискурса активно обсуждались темы «Арктика», «Байден», «Сирия» и др., то сейчас достаточно популярные такие дискурсы, как, к примеру, «Аляска 2025», «Космос», «Трамп» и др.

Сегодня в различных дискурсах происходит постоянное расширение коммуникативного эмоционального пространства СМИ. Наблюдается непрерывное изменение фреймов, понятий, концептов, стереотипов, моделей поведения в социумах, что является результатом активного обновления ключевых слов [7, с. 284].

Объектом настоящего исследования являются лексические единицы, транслирующие определенные ключевые слова и их дериваты в современных СМИ.

Существующие определения значения термина «ключевое слово» неоднозначны, поскольку, согласно многим исследованиям, сделать это пока достаточно сложно. Однако в настоящее время данная проблема является актуальной сферой исследований современной лингвистики. Выделяются разные подходы к изучению данного явления.

Так, Л. А. Попова полагает, что ключевые слова характеризуются частым употреблением в различных типах дискурса СМИ и СМАП. Данные слова прослеживаются в таком процессе, который, с одной стороны, передает определенные ориентиры, приоритеты социума на конкретном этапе его исторического развития. С другой стороны, этот процесс способствует формированию ключевых слов и соответствующему влиянию на образование картины мира определенного индивидуума [8, с. 96].

Ключевые слова, по мнению М. С. Потехиной, кратко выражают базовые актуальные коммуникативные темы [7]. Подобные лексические единицы понимаются и воспринимаются как ключевые всеми коммуникативными партнерами в рамках определенных ЭКС. Они должны соответствовать современным требованиям, конкретным понятийным, образным и ценностным составляющим концептов современного общества. Такие базовые составляющие также определяются ведущей идеологией и формируются непосредственной коммуникативной деятельностью, представленной в СМИ и СМАП. Ключевые слова – это быстро распространяющиеся и наиболее часто употребляющиеся в СМИ лексические единицы, которые обозначают значимую для общества реалию, актуальное понятие, конкретный фрейм или концепт [9, с. 59].

Итак, несмотря на тот факт, что пока нет общепринятой трактовки термина «ключевое слово», тем не менее можно проследить общее его толкование в рассмотренных нами работах ученых: ключевое слово – это такая единица, которая может быть изучена в рамках различных дискурсов. Основным критерий объективности

определения языковой единицы в качестве ключевой – это частотность ее употребления в эмоциональной коммуникативной деятельности индивидуумов конкретного социума на определенном историческом этапе его развития.

В последнее время все чаще встречаются лексические единицы, которые в современном медийном пространстве входят в лексическое поле таких ключевых слов и их дериватов, как, к примеру: *катастрофа* (*наступила катастрофа; то, что сейчас происходит – это катастрофа; катастрофически не хватает и др.*); *сила* (*вооруженные силы; политика с позиции силы; непобедимая сила народа и др.*); *конфликт* (*заморозить конфликт; (полноценное) урегулирование конфликта; (обязательно/необязательно) конфликтовать и др.*); *угроза* (*включая все угрозы, которые сегодня существуют; национальная угроза; фундаментальные угрозы и др.*); *обман* (*хитрость заключается в обмане; идеальная сделка – это обман; обманым путем и др.*); *вранье* (*улыбнулся и соврал; врут своим; это – сплошное вранье и др.*); *ложь* (*ложь долетает до людей на лифте, а правда поднимется по ступенькам; ложная тревога; постоянно лгать и др.*).

В данной статье остановимся подробнее на рассмотрении таких ключевых слов, как конфликт и сила, которые на сегодняшний день ярко представлены на просторах медийного поля современных СМИ и СМАП по причине регулярного употребления языковых единиц, которые их репрезентуют.

Прежде чем перейти к анализу лексики, передающей основные значения изучаемых в данной статье ключевых слов, считаем необходимым уточнить толкования слов *конфликт* и *сила*.

В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слово *конфликт* означает столкновение, серьезное разногласие, спор¹.

В Малом академическом словаре *конфликт* – это столкновение противоположных сторон, мнений, сил; серьезное разногласие, острый спор; осложнение в международных отношениях².

Словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дает следующее определение слову *сила*: 1) моральная или физическая возможность активно действовать; 2) способность живых существ напряжением мышц производить физические движения и действия; 3) величина, являющаяся мерой механического взаимодействия тел, которая вызывает их ускорение и/или деформацию; 4) духовное или материальное начало как источник деятельности, энергии; 5) могущество, власть, влияние; 6) смысл, сущность; 7) большое количество, множество и др.

В Малом академическом словаре *сила* – это: 1) физическое воздействие, насилие; 2) физическая энергия человека или животного; 3) возможность совершать что-либо, требующее внутреннего напряжения; 4) способность живых существ напряжением мышц производить физические движения или действия; 5) способность производить какую-либо деятельность; 6) способность человека к духовной деятельности, к проявлению своих умственных и/или душевных свойств, к примеру, ума, воли, характера; 7) огромное количество или множество и др. Итак, на основе изученных в данной статье лексикографических источников нами выявлены такие основные признаки изучаемых слов, которые заключаются в следующем толковании: *конфликт* – это столкновение, серьезное разногласие, спор; *сила* – способность производить физические действия или движения; духовная деятельность; источник энергии, могущества, влияния; люди, обладающие какими-либо общими признаками; большое/огромное количество, множество.

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 22.08.2025).

² Малый академический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/mas/%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B0> (дата обращения: 02.08.2025).

Исходя из проанализированных определений на основе статей приведенных толковых словарей, очевидно, что слово *конфликт* нейтрально или негативно окрашено, а слово *сила* характеризуется нейтральной или положительной коннотацией.

Для детального изучения коннотативных значений изучаемых в работе ключевых слов рассмотрим отобранные примеры языковых единиц, иллюстрирующих их. Так, ключевое слово *конфликт* представлено следующими примерами: (каким-то образом / не особо бойко) *урегулировать конфликт*; *урегулирование конфликта*; *за сто дней добиться урегулирования конфликта*; *этот конфликт негативен*; *участие в конфликте – это приобретение бесценного опыта*; *не хотеть окончания конфликта*; *конфликты затихнут*; *конфликт должен продолжаться*; *примитивный взгляд на решение конфликта*; *не верить в скорейшее окончание конфликта*; *конфликт не решит вопросы безопасности*; *конфликт не закончится ни завтра, ни послезавтра*; *добиться прекращения конфликта*; *закончить конфликт через 2 часа не удалось*; *конфликт может привести только к таким последствиям*; *дойти до завершения конфликта*; *развитие военной составляющей этого конфликта* и др.

Интересно отметить, что такое словосочетание, как *урегулирование конфликта*, употребляется в современных СМИ гораздо чаще по сравнению с другими отобранными нами иллюстративными примерами (данное выражение зафиксировано 19 раз).

Приведем некоторые примеры ключевого слова *сила*, в частности лексических единиц, передающих его основные значения: *всеми силами надо впиться*; *говорить с позиции силы*; *с помощью силы*; *вся команда одержима силой*; *заложники собственной силы*; *мир через силу*; *места скопления живой силы*; *какими силами отражали атаку*; *бросить мощные силы*; *продвинуться при помощи силы* и др.

Следует отметить, что нами выявлены также и примеры, в которых в одном выражении употребляются обе лексические еди-

ницы: *конфликт* и *сила* (или их дериваты), к примеру: *хотеть завершить конфликт, но только через силу*; *усиление первопричин конфликта* и др.

Заключение

Не вызывает сомнения тот факт, что СМИ играют особую роль как в порождении ключевых слов, так и в их популяризации. На основе проведенного изучения и сопоставления анализируемых языковых единиц можно сделать вывод о том, что рассматриваемые в данной статье ключевые слова *конфликт* и *сила* тесно взаимосвязаны между собой.

Во-первых, исходя из анализируемых лексикографических источников, данные лексемы имеют схожие коннотативные значения, которые могут быть нейтральными в зависимости от ЭКС (изучаемые в работе единицы означают некое действие, вызывающее что-либо или направленное на кого-либо или что-либо); во-вторых, нами отмечена очевидная частотность рассматриваемых ключевых слов, к примеру, употребление данных единиц в одной и той же фразе, встречающейся в СМИ; в-третьих, проанализировав образные выражения, репрезентующие лексические единицы *конфликт* и *сила*, можно утверждать, что рассматриваемые в статье ключевые слова могут быть негативно окрашены в определенных ЭКС, описываемых в СМИ.

Мы также пришли к выводу о том, что при рассмотрении изучаемых ключевых слов необходимо различать как их словарное, так и их ситуативное семантическое значение, поскольку в определенных ЭКС в СМИ языковые единицы, транслирующие ключевые слова *конфликт* и *сила*, могут передавать коннотации, отличающиеся от зафиксированных толкований в лексикографических источниках.

Нельзя не согласиться с наблюдениями В. И. Шаховского, который полагает, что ключевые слова, по большей части проявляющиеся в языке СМИ, являются определенными эмотивами, характеризующимися негативной семантикой [10].

Нами выявлено, что лексических единиц с отрицательной коннотацией значительно больше по сравнению со словами, которые нейтрально или положительно окрашены. Такая лексика, безусловно, может оказывать соответствующее экологичное/неэкологичное/полиэкологичное влияние на человека, воспринимающего современную информацию языка СМИ, не говоря уже о фейковизации новостных повесток, содержащих в себе негатив, который имеет целью менять общее настроение определенного социума с положительного на отрицательное [11].

Итак, языковые медиасредства могут служить определенными мотиваторами современного эмоционального языкового пространства, которые транслируют разного рода эмоциональные состояния. Такие эмоции часто отрицательно заряжены: приведенные в статье иллюстративные примеры являются ярким свидетельством стилистического разнообразия с явным доминированием негативных эмоций, кодируемых в языке, представленном в современных СМИ.

Соответственно, на основе полученных данных настоящего исследования можно констатировать следующее: отобраный и проанализированный в статье

языковой материал характеризуется в основном как отрицательно заряженный, а это значит, что он является неэкологичным для человека. На сегодняшний день проблема языковой экологии является одной из важнейших [12].

Многие лингвисты высказывают мнение о том, что назрела необходимость вводить знания об уже существующих законах лингвоэкологичной коммуникации, а также о профилактике негативного коммуникативного поведения индивидуума в процессе общения [13, с. 124].

Таким образом, современным СМИ и СМАП следует учитывать следующий фактор: они несут языковую ответственность не только за общее настроение человека, но и за его физическое самочувствие при восприятии информации [14, с. 222].

Считаем, что сегодня чрезвычайно важным является такое относительно новое явление, как экобезопасность ментального и физического здоровья людей, которые постоянно воспринимают современные информационные потоки, читая, слушая и анализируя их [15]. Подробное изучение такого понятия, как экобезопасность, в лингвистике является перспективой нашего дальнейшего исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шаховский В. И. Экологическая многоликость коммуникативных сред человека // Этнопсихоллингвистика. 2019. № 2. С. 79–101.
2. Кибрик А. А. Дискурсивная таксономия и медийный дискурс // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М. Н. Володиной. М.: Академический проспект, 2005. 448 с.
3. Плотникова С. Н. Корпоративность при выражении мнения в массмедийных текстах // Политический дискурс в России – 6: материалы постоянно действующего семинара (Москва, 7 ноября 2002 г.) / под ред. В. Н. Базылева, В. Г. Красильниковой. М.: МАКС Пресс, 2002. С. 70–72.
4. Лебедько М. Г. Топикализация дискурса о России в журнале «Time» // Культурно-языковые контакты: сборник научных трудов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. Вып. 13. С. 16–30.
5. Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2006. № 2. С. 20–30.
6. Желтухина М. Р. Медиадискурс // Дискурс-Пи. 2016. № 3-4. С. 292–296.
7. Потехина М. С. Проблемы ключевых слов в филологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 284–287.
8. Попова Л. А. Ключевые слова современности: проблема термина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Филологические науки. 2017. № 5 (166). С. 93–97.
9. Прохорова Е. Д. Ключевые слова эпохи современных СМИ // Время науки. 2014. № 2. С. 58–64.

10. Шаховский В. И. «Медиароддом» эмоциональных рефлексом // Языковое бытие человека и этноса: материалы XIII Березинских чтений (Москва, 15 мая 2017 г.) / под ред. В.А. Пищальниковой. М.: ИНИОН РАН, 2017. Вып. 19. С. 212–220.
11. Наконечный И. С. Фейковизация медиапространства как фактор искажения «повестки дня» // Медиафера. 2024. № 2. С. 20–23.
12. Калинина М. В. Экология языка. Заимствования в средствах массовой информации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2018. Т.15, № 2. С. 43–47.
13. Палеха Е. С. Лингвоэкология как фактор информационно-коммуникативной безопасности в сети Интернет // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 161, кн. 5–6. С. 117–126.
14. Шаховский В. И. Триада экологий – человек, язык, эмоции – в современной коммуникативной практике: монография. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2017. 358 с.
15. Лупанова Е. В., Бойко Б. Л. Языковая игра во фразеологии современных англоязычных СМИ // Современный ученый. 2021. № 5. С. 247–252.

REFERENCES

1. Shakhovsky V. I. Ecological diversity of human communicative environments // Ethno-psycholinguistics. 2019. No. 2. P. 79–101. (In Russ.)
2. Kibrik A. A. Discourse taxonomy and media discourse. Language and media discourse in the 21st century / ed. by M. N. Volodina. Moscow: Academic prospect, 2005. 448 p. (In Russ.)
3. Plotnikova S. N. Corporatism in the expression of opinions in mass media texts // Political discourse in Russia – 6: materials of a permanent seminar (Moscow, November 7, 2020) / ed. by V. N. Bazylev, V. G. Krasilnikova. Moscow: MAX Press, 2002. P. 70–72. (In Russ.)
4. Lebedko M. G. Topicalization of the discourse about Russia in the journal “Time” // Cultural-linguistic contacts: collection of scientific works. Vladivostok: Publishing house of the Far Eastern University, 2009. Issue 13. P. 16–30. (In Russ.)
5. Dobrosklonskaya T. G. Media discourse as an object of linguistics and intercultural communication // Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism. 2006. P. 20–30. (In Russ.)
6. Zheltukhina M. R. Media discourse // Discourse-P. 2016. No. 3-4. P. 292–296. (In Russ.)
7. Potekhina M. S. Problems of keywords in philology // Izvestia of Saratov University. New Series of Philology. Journalism. 2017. Vol. 17, issue 3. P. 284–287. (In Russ.)
8. Popova L. A. Keywords of modernity: problem of a term // Scientific notes of Petrozavodsk State University. Philological sciences. 2017. No. 5 (166). P. 93–97. (In Russ.)
9. Prokhorova Ye. D. Keywords of the era of modern media // The Times of Science. 2014. No. 2. P. 58–64. (In Russ.)
10. Shakhovsky V. I. Mass-media as a maternity department of emotional reflexemes // Linguistic existence of a person and ethnicity: materials of the 13th Berezin’s readings (Moscow. May 15, 2017) / ed. by V. A. Pishchalnikova. Moscow: INION RAN, 2017. Issue 19. P. 214–222. (In Russ.)
11. Nakonechny I. S. Fake news of media sphere as a distortion factor “agenda” // Media sphere. 2024. No. 2. P. 20–23. (In Russ.)
12. Kalinina M. V. Ecology of language. Borrowing in mass media // Journal of South Ural State University. Series: Linguistics. 2018. Vol. 15, no. 2. P. 43–47. (In Russ.)
13. Paleha Ye. S. Language ecology as a factor of information and communication safety on the Internet // Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities. 2019. Vol. 161, books 5–6. P. 117–126. (In Russ.)
14. Shakhovsky V. I. Triad of ecology – person, language, emotions – in modern communicative practice: monograph. Volgograd: VSSPU “Peremena”, 2017. 358 p. (In Russ.)
15. Lupanova Ye. V., Boyko B. L. Language-play in the phraseology of modern English-speaking media // Modern scientist. 2021. No. 5. P. 247–252. (In Russ.)

Информация об авторе:

Е. С. Бульбенко, кандидат филологических наук.

Information about the author:

E. S. Bulbenko, Candidate of Philology.

Статья поступила в редакцию 06.12.2025; одобрена после рецензирования 03.02.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 06.12.2025; approved after reviewing 03.02.2026; accepted for publication 18.06.2026.

НОВЫЕ СМЫСЛЫ АРТИОНИМА: НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ КАРТИН ЭДУАРДА МАНЕ

Наталья Михайловна Мухаметгареева¹, Зилья Анасовна Юсупова²

^{1,2} Институт права Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия

¹ nmch77@mail.ru

² zilya_iousupova@mail.ru

Аннотация. Настоящая работа продолжает тематику имени собственного: названий картин (артионимов) известного художника-импрессиониста Эдуарда Мане. Этот художник один из первых переосмыслил роль артионима, превратив его из простого описания того, что изображено на холсте, в важную часть художественного произведения, которая несет в себе дополнительный смысл и отражает мысли и чувства художника. Он отошел от традиционной прозрачности названий классического искусства, его новаторские (модернистские) номинации открыли путь к пониманию того, что артионим должен углублять смысл картины и раскрывать замысел художника. Предполагается, что с той эпохи (с эпохи импрессионизма) в искусстве появилось два основных подхода к названиям картин: артионим стал рассматриваться либо как простое обозначение того, что изображено на полотне, – нейтральное и описательное, либо он выступает как характеристика самой картины, несущая дополнительный смысл и коннотации.

Ключевые слова: имя собственное, название картины, артионим, перевод, образ картины, текст, импрессионизм

Для цитирования: Мухаметгареева Н. М., Юсупова З. А. Новые смыслы артионима: на примере названий картин Эдуарда Мане // Вестник Уфимского Юридического института МВД России. 2026. № 2 (112). С. 139–146.

Original article

NEW MEANINGS OF THE ARTIONYM: ON THE EXAMPLE OF THE EDOUARD MANET TITLES OF PAINTINGS

Natalia M. Mukhametgareeva¹, Zilya A. Yusupova²

^{1,2} Institute of Law, Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia

¹ nmch77@mail.ru

² zilya_iousupova@mail.ru

Abstract. We continued our conversation about the proper names (artionyms) of the famous impressionist artist Edouard Manet, who was one of the first to rethink the role of the artionym, turning it from a simple description of what is depicted on canvas into an important part of the artwork, which carries additional meaning and reflects the thoughts and feelings of the artist. He moved away from the traditional transparency of classical art names, his innovative (modernist) nominations opened the way to understanding that the artionym should deepen the meaning of the painting and reveal the artist's intention. It is assumed that since that era (since the era of impressionism), two main approaches to the paintings' titles have appeared in art: the artionym is considered as a simple designation of what is

depicted on the canvas, neutral and descriptive, or it acts as a characteristic of the painting itself, carrying additional meaning and connotations.

Keywords: proper name, title of the painting, artionym, translation, image of a painting, text, impressionism

For citation: Mukhametgareeva N. M., Yusupova Z. A. New meanings of the artionym: on the example of the Edouard Manet titles of paintings // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 2 (112). P. 139–146. (In Russ.)

*Запечатлев реальный мир,
Всю мимолётность впечатлений,
Они, выхватывая миг,
В нас плещут сонмом ощущений.*
С. Прилуцкий

Введение

Искусство является одним из способов постижения и эстетического освоения мира, оно объединяет людей вокруг себя являясь универсальным языком межчеловеческого и межнационального общения; оказывает глубокое влияние на цивилизационные процессы, сближение народов и духовный мир человека, всегда отражая специфику определенной исторической эпохи. Основу искусства составляет образное воссоздание действительности, некий художественный образ, форма, идеал, представленный художником и отображающий его миропонимание как отдельного человека, так и представителя конкретной эпохи, страны, определенного времени. Любая эпоха раскрывает богатые творческие способности искусства, которое формирует особый художественный взгляд на жизнь.

В настоящем исследовании мы рассмотрели периферийную область ономастического пространства, в которой находятся такие имена собственные, как артионимы (или идеонимы) – «совокупность различных категорий имен собственных, соответствующих объектам действительности в различных сферах – умственной, идеологической и художественной»¹. Наиболее изученными идеонимами являются номинации лите-

атурных произведений, кинофильмов, заголовки газет, журналов (Ю. А. Карпенко, А. А. Реформатский, А. В. Фатина, Н. А. Фатеева, О. И. Фонякова и др.). В то же самое время названия произведений изобразительного искусства (артионимы) остаются недостаточно изученными в контексте научного анализа.

Потребность в изучении артионимов (специальные имена собственные, обозначающие произведения искусства²) обусловлена необходимостью более глубокого изучения ономастического пространства различных языков мира, включая русский. Артионимы, являясь частью ономастического пространства, несмотря на свои специфические семантические особенности, подчиняются фундаментальным лингвистическим законам, так как при именовании произведения искусства автор использует языковые средства, характерные для данного конкретного языка. Лингвострановедческий аспект артионимов проявляется в том, что в процессе номинации произведения искусства номинатор руководствуется не только лингвистическими средствами, на него влияют и экстралингвистические факторы: место, время, страна, культура, национальность. Кроме того, он принимает во внимание и соотносит название произведения искусства с «образом картины», который формируется

¹ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская; Ин-т языкознания АН СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. С. 61.

² Там же.

на основе восприятия ее содержания, эмоциональной составляющей и символического наполнения.

Произведения искусства вместе с их названиями (артионимами) являются важными культурными памятниками своего времени, так как очерчивают рамки социальной и художественной реальности, воплощая эстетические отношения художника к окружающему миру и обществу. Недосказанность – основная черта произведения искусства, которая позволяет реципиенту глубже проникнуть в образ произведения, в нашем случае картины, по-своему понять его суть, замысел художника. Побуждением для более глубокого понимания образа картины, задуманного художником, служит ее название (артионим), ее знак – то, что в обиходной речи является словесным «заменителем» самой картины.

Мы можем утверждать, что сознание художника, его миропонимание, связь с внешним миром отражены на его полотнах, однако данное отражение предстает не как простая копия, а как художественный образ. В этом контексте целесообразно привести слова русского философа А. Ф. Лосева о том, что «сущность вещи есть не просто вещь, но ее смысловое отражение» [1, с. 173]. Отношения между сущностью и самой вещью не следует рассматривать как отношения копии и оригинала, поскольку и оригинал, и копия представляют сущность вещи [2, с. 6].

Здесь сущность выступает «смысловым эквивалентом самой реальности» [2, с. 6], которая отражена как в сознании, так и в языке, но не в полной мере, поскольку абсолютное постижение сущности недостижимо. По этой причине многие имена собственные являются памятниками истории, задающие хронологические параметры цивилизации. Они одновременно консервативны и подвержены динамике времени, содержат обширную языковую и неязыковую информацию, доступ к которой достигается посредством сложных и разнородных методов [2, с. 6].

Эдуард Мане был одним из первых художников, кто нарушил сложившееся соответствие между артионимом и произ-

ведением искусства, разорвав традицию «прозрачных» заглавий, и стал рассматривать свои картины в едином тандеме с их названиями. В рамках нашего исследования мы проанализировали его работы, которые с первого взгляда не поддаются реалистичному прочтению; они доказали, что заглавие (артионим) выступает как инструмент смысловой экспликации живописного произведения, концентрирует идеи автора, глубже раскрывает замысел художника.

Методы

На различных этапах нашей работы мы задействовали описательно-аналитический метод, который включает в себя наблюдение, обобщение и интерпретацию эмпирического материала. Дополнительно применялся метод комплексного анализа текста, позволивший уточнить семантическую структуру единиц и специфику их функционирования.

Теоретико-методологическая база нашего исследования сформирована с опорой на труды Н. М. Мухаметгареевой, Н. В. Подольской, А. Ф. Лосева, Б. Боредон (B. Bosredon), Р. Т. Белл (R. T. Bell), А. Л. Коти (A. L. Cothey), Л. Н. Ук (Leo H. Hoek), Е. Лекуит (E. Lecuit), Д. Морель (D. Maurel), Д. Витас (D. Vitas) и др. Лексикографической, справочной основой и источником фактического материала послужили энциклопедические словари русского и французского языков, а также работы и каталоги по искусству [3; 4; 5; 6].

Обсуждение

Настоящая работа является продолжением исследования наименований полотен (артионимов) известного художника-импрессиониста Эдуарда Мане [7], ставшего одним из первопроходцев в использовании названий, которые не просто дополняют или описывают произведение искусства, но и позволяют зрителю увидеть изображенное художником под другим углом зрения, понять суть полотна, глубинный замысел художника, его отношение к миру, мысли. Артионим Эдуарда Мане отражает авторский замысел картины, служит первым источником сведений о ней и способен вызвать интерес публики, передавая

определенное эмоциональное впечатление. Название картины (артионим) является неотъемлемой частью произведения искусства, равно как и художественного течения, его маркером и проводником в мир образов и эстетических фантазий. Основная функция артионима заключается не только в языковой репрезентации реальности посредством вербализации художественного объекта (образа картины), но и в передаче эмоционально-оценочной информации, имплицитно содержащейся в произведении искусства, что обуславливает его эмоциональную функцию.

Мы не раз отмечали, что до наступления эпохи Возрождения традиционные наименования художественных произведений отсутствовали. Лишь начиная с XV в. впервые начали появляться развернутые описания изображений, позволяющие быстро определить картину [8, с. 16]. Впоследствии отдельные описания превратились в имена конкретных работ, однако до наших дней дошли названия, которые подверглись сокращениям, например: Рафаэль Санти «Портрет папы Льва X с кардиналами Джулио Медичи и Луиджи Росси»; «Евсевий Кременский воскрешает троих мужчин из мертвых в плаще святого Иеронима», «Святой Иероним спасает Сильвана и наказывает еретика Сабиниана», «Голова молодого человека, смотрящего вверх, и руки», «Святой Михаил»; Лоренцо Лотто «Портрет женщины с сюжетом о самоубийстве Лукреции»; Тициан «Портрет Альфонсо д'Авалоса в доспехах с пажом», Иероним Босх «Несение креста», «Нераскаявшийся разбойник», «Сад земных наслаждений», «Корабль дураков»; Микеланджело Буонарроти «Юный лучник», «Битва кентавров», «Спящий Амур», «Стоящий Амур», «Распятие» и пр. [8, с. 16].

Привычка давать окончательные названия картинам возникла в связи с необходимостью, вызванной индустриализацией художественного производства и профессионализацией ремесла художника. С появлением такого течения в живописи, как импрессионизм, произошел

разрыв с академической традицией, с интеллектуальной и социальной иерархией «предметной живописи», которая склонна отождествлять древнее с возвышенным. Вместо идеализированных форм и образов художники стали стремиться запечатлеть реального человека со всей полнотой его индивидуальных черт, достоинств и недостатков.

Так, живопись Эдуарда Мане, как и всех художников-импрессионистов, будь то Клод Моне, Огюст Ренуар, Эдгар Дега и пр., сталкивает нас с изображением живого, современного человека, а не идеального, находящегося в далеком, мифическом, религиозном или историческом прошлом («Чтение» – «La lecture», «Клод Моне в лодке-студии» – «Monet peignant sur son bateau», «За кружкой» – «Le bon bock», «Музыка в саду Тюильри» – «La musique aux Tuileries», «Мальчик, надующий мыльные пузыри» – «Les bulles de savon» (Э. Мане); «Торговцы хлопком в Новом Орлеане» – «Revendeurs de cotton au New Orleans», «Портреты на фондовой бирже» – «Portraits à la bourse», «Бильярдная комната в Менила-Юбер» – «Salle de billard au Ménil-Hubert», «Контора по торговле хлопком в Новом Орлеане» – «Le bureau de coton à la Nouvelle-Orléans» (Э. Дега); «Большая сосна близ Экса» – «Grand pin près d'Aix en Provence», «Женщина с кофейником» – «La femme à la cafetière», «Сидящий крестьянин» – «Paysan assis», «Девушка у пианино (увертюра к «Тангейзеру»)» – «Jeune fille au piano, l'ouverture de Tannhauser» (П. Сезанн); «В Люксембургском саду» – «Au jardin du Luxembourg», «Бал в Мулен де ля Галет» – «Bal au Moulin de la Galette», «Возвращение гребцов» – «Retour d'une partie de bateau», «Пейзаж с двумя фигурами», «Две фигуры в пейзаже» – «Paysage avec deux personnages» (О. Ренуар)) [2, с. 185–194].

Следует отметить, что полотна Эдуарда Мане не дают зрителю никаких указаний на театральный смысл изображенной сцены или на эмоции персонажей, в отличие

от классического искусства. Дело не в том, что отсутствуют элементы повествования (персонажи, хронотопы), но логика повествования недостаточно последовательна, чтобы выстроить правдоподобную историю. В антитеатральной живописи Эдуарда Мане повествовательная связность, необходимая для академических полотен, уступает место чистой визуальности, где на первый план выходят пластические свойства изображения [9, с. 127].

В книге «Le Musée Imaginaire» А. Малро заметил, что «главный признак современного искусства – не повествование» [10, с. 44]. Поскольку в картине Эдуарда Мане отсутствует традиционное для классицизма повествование, она, безусловно, современна с точки зрения этого критерия.

Приведем пример: даже такой традиционно повествовательный сюжет, как история сражения на картине «Le Combat du Kearsage et de l'Alabama» – «Бой “Кирсажа” и “Алабамы”» [5, с. 195], получил у художника модернистскую обработку. С одной стороны, даже судя по названию, на полотне изображен бой между двумя военными вражескими кораблями, северным и южным, у Шербура. Но если взглянуть на полотно, то может сложиться впечатление, что битва является только поводом и основное внимание художник направил на образы моря и неба, задымленных облаков, в то время как кораблям отвел несущественную долю на полотне.

Отсутствие повествовательности, «фронтальность» и живописная лаконичность данной картины Эдуарда Мане были замечены современным искусствоведом А. Миттераном, который отмечает, что «это скорее великая морская сцена, чем батальное повествование, а битва – лишь предлог для создания эффектов моря, неба, смятения» [11, с. 372], добавляя, что выбранный импрессионистом живописный и повествовательный подход напоминает «изображение битвы при Ватерлоо у Стендаля, увиденное глазами Фабриса» [11, с. 372].

Можно сказать, что действия персонажей сводятся к их взгляду, к их явным

желаниям, которые служат предлогом для картины, а не толчком для повествования. Фигуры словно осознают присутствие зрителя, перестают быть фигурами и становятся моделями для художника. Они будто ставят себя в позу моделей, чтобы предотвратить возможную идентификацию с повествовательными ролями, которые зритель хотел бы им приписать. Они отдаляют зрителя, который остается чужим для репрезентации на холсте, даже если Эдуард Мане иногда представляет его таковым на своих картинах.

Так происходит на известном полотне «Un bar aux Folies-Bergère» – «Бар Фоли-Бержер» [4], где изображенный фрагмент действительности показывает глубинную дисгармонию: на барной стойке представлены вина, фрукты, бокалы и цветы, а рядом с ними, как элемент спектра предлагаемых чувственных удовольствий, скромно стоит барменша, фигура которой неслучайно по своему абрису перекликается с формой стоящей рядом бутылки. Художник демонстрирует явное сочувствие героине, что соотносится с устойчивым мотивом продажной любви, неоднократно репрезентированным в его живописном наследии. Следует сделать вывод о том, что «точно подобранный артионим становится специфическим инструментом воздействия, способным не только увлечь зрителя, но и вызвать у него новые, иногда неожиданные ассоциативно-вербальные связи, расширяя его когнитивные способности и парадигму испытываемых чувств» [12]. Известно, что кафе-концерт Фоли-Бержер славился своими развлекательными мероприятиями, но на картине мы видим одинокую и грустную барменшу, вызывающую сочувствие. Кроме того, художник изобразил зеркало, в отражении которого барменша разговаривает со скромно наклонившимся к ней мужчиной-клиентом, в то время как на переднем плане она обращена лицом к зрителю, а не к клиенту. Это несоответствие может быть намеренным, возможно, чтобы отразить внутреннее состояние девушки или создать эффект двойственности. Эти

модернистские черты артионима функционируют как бессознательные стратегии, которые отражают и стимулируют расширение возможностей художественного поля. Из этого можно сделать вывод, что модернизм оставил свой след не только в живописи Эдуарда Мане, но и в названиях его полотен.

Названия (артионимы), используемые художником, отражают характерное для модернизма отклонение от традиционных наименований. Они ставят под сомнение произведение, акцентируя внимание на сложных отношениях между зрителем и изображенными персонажами и придают образу одновременно современность и загадочность, отказываясь от привычного восприятия картины [13, с. 112]. Создается впечатление, что Мане специально подбирал свои названия так, чтобы затруднить искусствоведам интерпретацию и классификацию его работ согласно устоявшимся академическим традициям, поскольку для критиков того времени изображение на холсте было неразрывно связано с его смыслом.

Одна из главных черт модернизма – рефлексия, ее можно прочесть в названиях таких известных полотен, как: «Mademoiselle V. en costume d'espada» – «Мадемуазель Викторина в костюме матадора», «Le jeune homme en costume de majo» – «Молодой человек в костюме махо», «La jeune femme étendue en costume espagnol» – «Молодая женщина, лежащая в испанском костюме», «La maîtresse de Baudelaire allongée» – «Портрет Жанн Дюваль» [2, с. 194].

Если обратиться к названию картины «Mademoiselle V. en costume d'espada» – «Мадемуазель Викторина в костюме матадора», то это казалось бы обычное типичное название картины, но выражение *en costume de* (пер. «в костюме»)¹ показывает, что художник изобразил не эспаду, то есть тореадора, как это было бы в классическом искусстве,

а свою любимую модель Викторину Мёрен, переодетую в костюм тореадора, и он торжественно заявляет об этом в своем названии. Следует добавить, что слово *espada* (эспада) было неологизмом в то время, что еще больше подчеркивает современность картины. В самом названии картина представлена как инсценировка события, отсылающего к профессии художника [14]. Картина не пытается скрыть тот факт, что госпожа Викторина позирует не на настоящей арене, а в мастерской художника перед изображением арены, написанным по гравюре Гойя. Таким образом, модернистский характер этой картины подтверждается в названии ее повествовательной непрозрачностью и саморефлексивностью.

К аналогичным примерам относится и картина Э. Мане «Le bon bock» – «За кружкой пива». При интерпретации произведения, опираясь исключительно на его название, может возникнуть впечатление о его принадлежности к такому жанру искусства, как натюрморт, поскольку дословный перевод с французского языка – «хорошая (большая) кружка пива»². Однако на полотне изображен пожилой мужчина в питейном заведении. Действительно, семантическое содержание картины и формируемый ею художественный образ находятся в непосредственном соотношении с данным артионимом. Следует заметить, что при переводе этой номинации на русский язык и, видимо, вследствие сложности адекватной передачи семантики был использован более привычный для русского культурного контекста вариант «За кружкой пива». Это доказывает, что переводчик разгадал замысел художника и, глядя на произведение искусства, дал ему более точное название [2, с. 96–97]. Итак, художественный образ, как визуальный элемент произведения искусства, и его номинация, как вербальный, обладают коммуникативной способностью, эффективность которой детерминирована совокупностью факторов, включающих

¹ Мультитран: онлайн словарь. URL: www.multitrans.ru (дата обращения: 14.12.2025).

² Там же.

интеллект и глубину личностного опыта реципиента, а также социокультурный контекст, определяемый исторической эпохой, лингвистическими, культурными, политическими, географическими особенностями отдельной страны.

Заключение

Эдуард Мане был одним из первых художников, который нарушил связь между произведением искусства и его артионимом: он отошел от традиционно прозрачных описаний того, что изображено на холсте, и обратился к названиям, которые

способствуют рефлексии, дополняют и осуществляют более глубокое смысловое прочтение замысла художника. В результате в современном искусствоведческом и лингвистическом дискурсе выделяются две основные концепции имен собственных (артионимов): с одной стороны, артионим рассматривается как номинативное обозначение репрезентации, обладающее нейтральным, денотативным характером, с другой – как средство смысловой характеристики произведения, функционирующее в плоскости коннотации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лосев А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 296 с.
2. Мухаметгареева Н. М. Артионим во французском и русском искусствоведческих дискурсах: лингвокультурологический аспект перевода: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2017. 203 с.
3. Ревалд Дж. История импрессионизма. Л.: Искусство, 1959. 503 с.
4. Ревалд Дж. Постимпрессионизм. Л.: Искусство, 1962. 434 с.
5. Байрамова Л. Эдуард Мане. М.: Белый город, 2005. 47 с.
6. Мосин И. Г. Импрессионизм: история движения в биографиях художников: 25 биографий: более 1000 иллюстраций. М.: Оникс, 2006. 174 с.
7. Мухаметгареева Н. М., Юсупова З. А. Эволюция артионима: особенности функционирования // Российский лингвистический бюллетень. 2022. № 8 (36). С. 1–4. <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.36.20>.
8. Мухаметгареева Н. М., Юсупова З. А. Артионим как репрезентант эстетики жизни и искусства: на примере названий картин Эдуарда Мане // Российский лингвистический бюллетень. 2025. № 12 (72). С. 1–4. <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.72.13>.
9. Hoek Leo H. Titres, Toiles et Critique d'Art. Netherlands: Editions Rodopi B. V., 2001. 389 p.
10. Malraux A. Le Musée Imaginaire. Paris: Gallimard Folio Essais, 1999. 288 p.
11. Mitterand H. Zola. Tome 1. Sous le Regard d'Olympia (1840–1871). Paris: Fayard, 1999. 943 p.
12. Lecuit E., Maurel D., Vitas D. La traduction des Noms Propres: une Etude en Corpus // Varia. 2011. No. 10. P. 201–218. <https://doi.org/10.4000/corpus.2086>.
13. Bosredon B. Les Titres de Tableaux. Une Pragmatique de l'Identification. Paris: P.U.F., 1997. 278 p.
14. Cothey A. L. The Nature of Art. L.: Routledge, 1990. 214 p.

REFERENCES

1. Losev A. F. Introduction to the General Theory of Language Models. Moscow: Editorial URSS, 2004. 296 p. (In Russ.)
2. Mukhametgareeva N. M. Artionym in French and Russian Art Historical Discourses: Linguocultural Aspect of Translation: Diss. ... Cand. Sc. Ufa, 2017. 203 p. (In Russ.)
3. Revald J. History of Impressionism. Leningrad: Iskuststvo, 1959. 503 p. (In Russ.)
4. Revald J. Post-Impressionism. Leningrad: Iskuststvo, 1962. 434 p. (In Russ.)
5. Bayramova L. Eduard Mané. Moscow: Belyi gorod, 2005. 47 p. (In Russ.)
6. Mosin I. G. Impressionism: History of Movement in the Biographies of Artists. Moscow: Oniks, 2006. 174 p. (In Russ.)
7. Mukhategareeva N. M., Yusupova Z. A. The Evolution of an Artonym: Specifics of Functioning // Russian Linguistic Bulletin. 2022. No. 8 (36). P. 1–4. <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.36.20>. (In Russ.)

8. Mukameghareeva N. M., Yusupova Z. A. Artionym as a Representative of the Life and Art Aesthetic: on the Example of the Titles of Eduard Manet's Paintings // Russian Linguistic Bulletin. 2025. No. 12 (72). P. 1–4. <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.72.13>. (In Russ.)
9. Hoek Leo H. Titres, Toiles et Critique d'Art. Netherlands: Editions Rodopi B. V., 2001. 389 p. (In French)
10. Malraux A. Le Musée Imaginaire. Paris: Gallimard Folio Essais, 1999. 288 p. (In French)
11. Mitterrand H. Zola. Tome 1. Sous le Regard d'Olympia (1840–1871). Paris: Fayard, 1999. 943 p. (In French)
12. Lecuit E., Maurel D., Vitas D. La Traduction des Noms Propres: une Etude en Corpus // Varia. 2011. No. 10. P. 201–218. <https://doi.org/10.4000/corpus.2086>. (In French).
13. Bosredon B. Les Titres de Tableaux. Une Pragmatique de l'Identification. Paris: P.U.F., 1997. 278 p. (In French)
14. Cothey A. L. The Nature of Art. London: Routledge, 1990. 214 p. (In English).

Информация об авторах:

Н. М. Мухаметгареева, кандидат филологических наук;
З. А. Юсупова, кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors:

N. M. Mukhametgareeva, Candidate of Philology;
Z. A. Yusupova, Candidate of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.01.2026; одобрена после рецензирования 10.02.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 22.01.2026; approved after reviewing 10.02.2026; accepted for publication 18.06.2026.

ОБУЧЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РУССКОМУ ЖЕСТОВОМУ ЯЗЫКУ

Ольга Николаевна Шалимова

Орловский юридический институт МВД России имени
В. В. Лукьянова, Орёл, Россия, oly7788@yandex.ru,
ORCID: 0009-0002-8894-2432

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы коммуникации сотрудников правоохранительных органов с гражданами, имеющими нарушения слуха, и необходимости обучения указанных сотрудников основам русского жестового языка. Рассматриваются цели, объект и методы исследования, раскрывающие значение русского жестового языка в повышении качества взаимодействия с разными группами населения и соблюдении прав граждан.

Особое внимание уделено особенностям русского жестового языка и его символическому и пространственному характеру, двухкомпонентной природе жестов и специфическим требованиям к процессу обучения сотрудников правоохранительных органов. Подчеркнута важность смешанного подхода, включающего традиционные методы обучения и онлайн-обучение, основанное на дистанционном доступе и интерактивных ресурсах, с целью повышения качества обучения сотрудников правоохранительных органов и формирования профессиональных компетенций.

Ключевые слова: обучение, коммуникация, русский жестовый язык, правоохранительные органы, сотрудники, граждане с нарушениями слуха

Для цитирования: Шалимова О. Н. Обучение сотрудников правоохранительных органов русскому жестовому языку // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 2 (112). С. 147–156.

Original article

TRAINING LAW ENFORCEMENT OFFICERS RUSSIAN SIGN LANGUAGE

Olga N. Shalimova

Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after
V. V. Lukyanov, Orel, Russia, oly7788@yandex.ru,
ORCID: 0009-0002-8894-2432

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of communication between law enforcement officers and citizens with hearing impairments, as well as the need for training law enforcement personnel in the basics of Russian sign language. The goals, object, and methods of research are discussed, highlighting the significance of Russian sign language in improving the quality of interaction with different population groups services and respecting the rights of citizens.

Special attention is paid to the peculiarities of Russian Sign Language, its symbolic and spatial nature, two-component structure of gestures, and specific requirements for the training process of law enforcement personnel. The importance of a mixed approach, which includes traditional teaching methods and online learning based on remote access and interactive resources, has been emphasized in order to improve the quality of training for law enforcement officers and develop their professional competencies.

Keywords: training, communication, Russian sign language, law enforcement agencies, officers, citizens with hearing impairments

For citation: Shalimova O. N. Training law enforcement officers Russian sign language // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 2 (112). P. 147–156. (In Russ.)

Введение

Проблема коммуникации с гражданами, имеющими нарушения слуха, в рамках профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов является актуальной по нескольким аспектам (повышение доступности услуг [1, с. 53]; предотвращение конфликтов; соблюдение требований закона; профессиональная компетентность):

1. Граждане с нарушениями слуха имеют право получать качественные государственные услуги на равных основаниях с остальными гражданами [2, с. 194]. Сотрудникам правоохранительных органов важно уметь эффективно взаимодействовать с такими лицами, обеспечивая соблюдение прав и обязанностей всех граждан.

2. Недостаточная информированность или непонимание инструкций сотрудника может привести к конфликтным ситуациям. Грамотное общение, в том числе с учетом «обособленности и низкой степени открытости» [3, с. 55], способствует предотвращению недопонимания и разрешению возможных споров мирным путем.

3. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» обязывает органы власти обеспечивать доступность информации и услуг для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Сотрудники правоохранительных органов обязаны соблюдать эти нормы и полноценно взаимодействовать с гражданами, имеющими нарушения слуха, для соблюдения стандартов «в условиях формального превосходства» [4, с. 259].

4. Владение русским жестовым языком повышает уровень профессионализма сотрудников и улучшает качество исполнения ими служебных обязанностей. Это позволяет оперативно решать ситуации, возникающие в ходе проверки документов, составления протоколов и оформления административных правонарушений.

Таким образом, актуальность проблемы заключается в необходимости обеспечения

прав и повышении эффективности выполнения должностных функций сотрудниками полиции.

Цель исследования – сбор и систематизация теоретической базы, необходимой для создания в дальнейшем учебного пособия по обучению русскому жестовому языку сотрудников правоохранительных органов.

Объект исследования – процесс обучения сотрудников правоохранительных органов русскому жестовому языку в образовательных организациях МВД России, направленный на повышение их профессиональной компетенции при взаимодействии с гражданами, имеющими нарушения слуха.

Теоретическая значимость исследования заключается в обогащении теории обучения русскому жестовому языку сотрудников правоохранительных органов с выделением специфики их профессиональной деятельности и разработкой рекомендаций по организации педагогического процесса.

Практическая значимость выражается в разработке практико-ориентированной концепции по обучению сотрудников правоохранительных органов основам русского жестового языка. Материалы исследования могут быть использованы в образовательном процессе специализированных организаций МВД России для подготовки и переподготовки сотрудников полиции.

Методы

В процессе исследования для определения научного и законодательных оснований, касающихся обучения русскому жестовому языку сотрудников правоохранительных органов, проводился анализ научной литературы и нормативных актов. Сравнительный анализ применялся для выбора наиболее эффективных подходов к обучению данному предмету. Концептуализация и систематизация теоретических положений применялись для обобщения научных взглядов и выработки собственной исследовательской позиции. Наблюдение за процессом обучения сотрудников правоохранительных органов

использовалось для фиксации реального состояния подготовки сотрудников и выявления слабых мест. Статистическая обработка данных позволила выявить закономерности и тенденции собранных данных.

Результаты

Значение русского жестового языка в повышении качества обслуживания населения сотрудниками правоохранительных органов обусловлено обеспечением доступности коммуникации, комфорта граждан, правовой грамотности, безопасности, соответствия международным стандартам и формированием общественного доверия. Умение общаться с помощью русского жестового языка значительно расширяет возможности сотрудников с теми, кто имеет нарушение слуха [5, с. 161]. Для многих неслышащих граждан русский жестовый язык является основным средством общения, и отсутствие понимания сотрудником русского жестового языка существенно затрудняет контакт. Сотрудничество с гражданами, знающими русский жестовый язык, становится комфортнее и менее стрессовым. Возможность свободно выразить свою позицию, задать вопросы и получить разъяснения непосредственно влияет на восприятие гражданином своей значимости и уважение к себе.

Освоив основы русского жестового языка, сотрудники смогут точнее разъяснять гражданам права и обязанности, помогать им ориентироваться в сложных ситуациях, возникающих в повседневной жизни, и минимизировать риски правовых ошибок вследствие неправильного толкования действий. Четкое понимание сообщений сотрудника правоохранительных органов сокращает вероятность аварийных ситуаций, поскольку водители с нарушениями слуха получают своевременную информацию о дорожном движении и действиях сотрудников дорожно-патрульной службы. Повышение квалификации сотрудников посредством изучения русского жестового языка демонстрирует внимание государства к проблемам социально уязвимых групп населения и укрепляет доверие граждан к органам правопорядка [6, с. 324].

Международные конвенции и соглашения подчеркивают важность интеграции людей с инвалидностью в общество, создавая условия для равноправия и инклюзивности. Таким образом, владение русским жестовым языком является частью глобального тренда на повышение доступности и удобства общественных сервисов. В целом значимость русского жестового языка состоит в обеспечении полноценного взаимодействия сотрудников правоохранительных органов с населением, независимо от наличия ограничений слуха, что способствует повышению качества предоставляемых государством услуг и улучшению условий жизнедеятельности граждан [7, с. 302].

Для начала рассмотрим теоретико-методологические аспекты обучения русскому жестовому языку сотрудников правоохранительных органов. Являясь важной составляющей подготовки профессионалов, работающих в сфере обеспечения общественной безопасности и порядка, изучение русского жестового языка характеризуется некоторыми аспектами. Русский жестовый язык обладает рядом специфических характеристик, отличающих его от русского разговорного языка:

1. Жесты представляют собой символы, которые заменяют отдельные слова и целые понятия (символьная структура жеста). Например, жест «остановись» передается одним движением руки, аналогично слову «стоп».

2. Пространственный характер выражения мыслей играет ключевую роль в интерпретации смысла жестов. Пространственно-временные отношения выражены визуально, что требует особого внимания при восприятии и воспроизведении информации.

3. Каждый знак включает два компонента: движение руки и мимику лица (двухкомпонентная природа жеста). Необходимо учитывать оба компонента одновременно для точного восприятия информации.

4. Русский жестовый язык использует фонологию, основанную на форме и рас-

положении тела, направлении движений, положении пальцев и артикуляции. Понимание этих особенностей помогает создать основу для правильного восприятия и воспроизведения элементов русского жестового языка.

Необходимость изучения русского жестового языка сотрудниками силовых структур обусловлена следующими причинами:

1. Социальная ответственность. Законодательно закреплено требование предоставления доступной среды для людей с ограниченными возможностями здоровья. Овладение русским жестовым языком обеспечивает выполнение данного обязательства.

2. Эффективность коммуникации. Владение русским жестовым языком упрощает взаимодействие с гражданами, позволяя своевременно обмениваться информацией и разрешать конфликты.

3. Повышение уровня доверия граждан сотрудникам полиции. Сформированная профессиональная компетентность сотрудников помогает усилить ощущение уважения и равенства, способствуя укреплению общественного доверия к правоохранительным органам.

4. Юридическая безопасность. Правильное оформление документации и правильное разъяснение положений законов и нормативных актов требуют четкого понимания собеседником устных распоряжений и рекомендаций, а русский жестовый язык облегчает этот процесс [8, с. 362].

В результате систематизированного изучения особенностей русского жестового языка сотрудники приобретают важные профессиональные навыки, необходимые для успешного выполнения своих функциональных обязанностей.

Специфические требования к обучению русскому жестовому языку сотрудников правоохранительных органов обусловлены особенностями их профессиональной деятельности и необходимостью оперативного решения конкретных задач в их повседневной работе [9, с. 368]. Основные из них включают целевые ориентиры обучения, организацию образовательного процесса, контроль качества обуче-

ния, соответствие образовательным стандартам, техническое оснащение и т. д.

1. Целевые ориентиры обучения:

– практическая направленность. Основная цель обучения должна заключаться в формировании практических навыков общения с гражданами с нарушениями слуха применительно к «дорожной ситуации»;

– минимизация рисков конфликтов. Важнейшим требованием является подготовка сотрудников к решению проблемных ситуаций без привлечения излишнего стресса и недопонимания;

– соблюдение юридических норм. Изучение русского жестового языка должно способствовать соблюдению установленных законом процедур и стандартов оказания помощи лицам с особыми потребностями [10, с. 134].

2. Организация образовательного процесса:

– интеграция с основной подготовкой. Программа обучения должна гармонично вписываться в существующую систему подготовки кадров для правоохранительных органов, усиливая общий профессиональный уровень сотрудников;

– комплексный подход. Помимо основных принципов общения, программа обучения должна включать формирование понятий культуры поведения, этики общения и эмоциональной устойчивости при взаимодействии с людьми с нарушениями слуха;

– поддержка индивидуальной мотивации. Занятия должны проводиться таким образом, чтобы стимулировать личный интерес каждого сотрудника к развитию своих способностей и навыков.

3. Контроль качества обучения:

– оценка сформированности базовых компетенций, предусмотренных рабочей программой. Необходимо организовать контроль и оценку уровня полученных знаний и навыков в конце курса обучения;

– мониторинг прогресса. Регулярное отслеживание достижений и выявление трудностей, связанных с усвоением материала;

– самостоятельная работа. Предоставление возможностей для самостоятельной

отработки и повторения пройденного материала вне занятий.

4. Соответствие образовательным стандартам:

- регулирование нормативными актами. Учебный процесс должен соответствовать установленным федеральным требованиям и рекомендациям по подготовке сотрудников правоохранительных органов;

- акцент на реальные сценарии. Особое внимание уделяется моделированию реальных дорожных ситуаций, возникающих в повседневной практике сотрудников правоохранительных органов [11, с. 33].

5. Техническое оснащение:

- использование специализированных инструментов. Обучение должно сопровождаться современными техническими средствами, включая компьютерные программы, приложения и визуализацию жестовых символов;

- адаптация курсов к дистанционному обучению. Разработанные учебно-методические комплексы должны позволять проводить обучение не только очно, но и дистанционно, используя специализированные электронные системы и мобильные устройства.

Таким образом, эффективное обучение русскому жестовому языку сотрудников правоохранительных органов предполагает комплексный подход, учитывающий специфику профессии, правовые требования и потребности самих сотрудников, что обеспечивает высокий уровень качественной подготовки специалистов.

Несмотря на то, что обучение русскому жестовому языку сотрудников правоохранительных органов не носит массового характера, существуют определенные подходы и опыт, накопленные различными регионами и образовательными организациями МВД России.

Традиционный подход к обучению русскому жестовому языку включает проведение регулярных лекций и практических занятий с участием квалифицированных преподавателей. Данный метод предусматривает последовательное изложение теории и постепенное введение практических

упражнений. К преимуществам традиционного метода можно отнести: структурированное обучение, обеспечивающее полный охват материала; прямой контакт преподавателя и ученика, позволяющий быстро устранить ошибки и отвечать на вопросы. Однако высокую зависимость от расписания занятий и их места проведения и ограниченные возможности для индивидуального обучения и повторного прохождения материала можно отнести к недостаткам такого метода.

Современные образовательные технологии предлагают новые способы обучения, например онлайн-обучение, основанное на дистанционном доступе и интерактивных ресурсах. К ним относятся вебинары, видеокурсы и специальные мобильные приложения [12, с. 134]. Гибкость графика занятий, позволяющая сотруднику правоохранительных органов учиться в удобное для него время, доступность учебно-методических материалов в любое время суток несомненно являются преимуществами онлайн-обучения, но требуются жесткая самодисциплина и осознанность обучающихся для регулярных занятий. Недостаток общения с преподавателем может быть решен за счет ведения общего чата для решения сложных вопросов и устранения ошибок.

Наиболее перспективным считается смешанный подход, сочетающий как традиционное, так и онлайн-образование. Такой подход объединяет преимущества обоих методов, предлагая обучающимся возможность сочетать аудиторные занятия с самостоятельным освоением материала дома. Этот подход применяется в некоторых регионах России и показывает хорошие результаты.

Примером успешной реализации смешанного подхода к обучению служит проект Минтруда России, а инициаторы международного проекта EDUCAUSE называют такое обучение «драйвером инновационного развития высшего образования в мире» [13, с. 115].

Экспериментальная программа обучения русскому жестовому языку (основам русского жестового языка) была успешно

реализована в отдельных подразделениях Москвы и Московской области, Татарстане и Красноярском крае [14, с. 240], проводится на постоянной основе в образовательных организациях МВД России в рамках учебных дисциплин «Основы профессиональной служебной деятельности», «Основы русского жестового языка» и др.

Богатый опыт по вопросам обучения основам русского жестового языка отражен в научно-исследовательских и учебно-методических работах (учебно-методическое пособие «Особенности обучения сотрудников органов внутренних дел дактильной и жестовой речи» [15], словарь русского жестового языка для сотрудников органов внутренних дел¹, учебный фильм «Базовые ситуации профессионального общения сотрудников полиции с людьми, имеющими нарушения слуха»² и др.), подготовленных сотрудниками Уфимского юридического института МВД России, Ростовского юридического института МВД России и Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. Эти проекты показывают, что комплексное сочетание традиционных и инновационных методов дает наилучшие результаты.

Основные трудности в обучении, выявленные в ходе анализа:

- низкий уровень осведомленности сотрудников о важности изучения основ русского жестового языка;
- нехватка квалифицированных учебных центров и очного обучения по подготовке педагогов по русскому жестовому языку для ведомственных образовательных организаций;
- недостаточное финансирование мероприятий по обучению.

Перспективами развития могут выступить:

- расширение числа образовательных организаций, готовых предлагать курсы русского жестового языка;

- расширение нормативно-правовой базы, регулирующей обязательное обучение сотрудников правоохранительных органов;

- привлечение финансирования из федеральных и местных бюджетов для расширения масштабов обучения;

- внедрение установленных к использованию в образовательных организациях интерактивных и цифровых инструментов, позволяющих сделать учебный процесс более привлекательным, увлекательным и продуктивным [16, с. 95].

Одним из ключевых компонентов являются интерактивные тренажеры и виртуальные симуляторы, специально созданные для приобретения необходимых навыков общения на русском жестовом языке.

Интерактивные тренажеры (например, интерактивные задания на сайте signflow.ru, motovskikh.ru, pikuso.ru и т. д.) предоставляют пользователям возможность освоить русскую жестовую речь в игровой и интересной форме. Они помогают развивать моторику рук, зрительное восприятие и память. Ключевые характеристики тренажеров – модульность, интерактивность и многоуровневость. Тренажер разделен на модули, каждый из которых охватывает определенную группу жестов или грамматических конструкций. Пользователь получает обратную связь в реальном времени, корректируя свои действия сразу же после совершения ошибки. Программы постепенно повышают сложность заданий от простого к сложному.

Еще одна полезная практика – использование приложения Talking Hands («Говорящие руки»), которое позволяет пользователю повторять жесты в удобном ритме и проверять себя, сверяя собственный жест с образцом.

Особенностью виртуальных симуляторов является воссоздание реальной обстановки общения с применением русских жестов. Такие симуляторы создают среду, прибли-

¹ Науразбаева Л. В., Посиделова В. В., Хорошко Е. Ю. Словарь русского жестового языка для сотрудников органов внутренних дел: словарь. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2019. 222 с.

² Науразбаева Л. В. Базовые ситуации профессионального общения сотрудников полиции с людьми, имеющими нарушения слуха: учебный фильм. М.: ДГСК МВД России, 2021.

женную к действительности, в которой сотрудник может попробовать применить полученные знания в реалистичных ситуациях.

Одним из ярких примеров виртуальной симуляции является приложение Russian Sign Language Simulator, используемое в ряде образовательных организаций. Оно может моделировать ряд стандартных ситуаций, с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов: проверку документов; выдачу предупреждений; направление водителей и пешеходов и т. д. Пользователи выполняют задания, находясь внутри виртуальной сцены, имитирующей реальный диалог. Такое погружение усиливает эффект обучения и помогает быстрее закрепить навыки общения на практике.

На основании данных, представленных центром «Национальная технологическая инициатива» в России, широко распространено использование виртуальной реальности (VR) образовательными организациями, особенно в связи с открытием «Точки Роста» (например, ВИШ МИФИ, БГТУ имени В. Г. Шухова, МГТУ «Станкин», МГТУ имени Н. Э. Баумана, РУДН, ТПУ, СтГАУ, НИУ МГСУ, ВоГУ, Волгоградская академия МВД России и др.)

Некоторые образовательные центры и организации начинают применять дополненную (AR) и виртуальную реальность (VR) для создания еще более убедительных и привлекательных способов изучения жестового языка. Эти технологии позволяют пользователю буквально находиться в среде, воспроизводящей конкретные ситуации общения, такие как патрулирование улиц или осмотр транспортного средства. Данное направление – относительно новое, активно развивающееся и требует значительных инвестиций.

Использование VR-технологий в образовательных организациях МВД России для обучения русскому жестовому языку пока не отмечено, есть примеры использования по другим направлениям обучения (Волгоградская академия МВД России).

Существуют отдельные проекты и инициативы, направленные на интеграцию та-

ких технологий и создание виртуального пространства: «Обучающая среда с использованием VR-технологий» в центре развития русского жестового языка; мобильные приложения с элементами дополненной реальности в центре, разрабатываемые в МГУ имени М. В. Ломоносова; проект «Мир глухих», а также первый русский 3-D синхронный анимированный переводчик русского жестового языка, созданный Новосибирским техническим университетом и инновационной компанией «Адаптис» т. д.

Очевидно, что использование интерактивных тренажеров и виртуальных симуляторов, а также уточнение системы нотации с указанием большого числа параметров [17, с.131] могут значительно ускорить процесс обучения и улучшить показатели запоминания и точности жестов, а следовательно, и языка специальности, представляющего собой ментально-лингвальное образование [18, с. 174]. Опрос обучающихся подтвердил, что такие инструменты сделают процесс обучения интереснее и увлекательнее, повысив мотивацию. Сегодня интерактивные тренажеры и виртуальные симуляторы становятся неотъемлемой частью современной образовательной инфраструктуры. Их широкое распространение в ближайшее время позволит повысить эффективность обучения сотрудников правоохранительных органов и улучшит качество обслуживания граждан с нарушениями слуха.

Заключение

Сбор и систематизация теоретической базы по изучаемому вопросу, а также проведенный анализ опыта обучения сотрудников правоохранительных органов русскому жестовому языку в образовательных организациях МВД России, направленные на повышение их профессиональной компетенции при взаимодействии с гражданами, имеющими нарушения слуха, позволили выделить оптимальные формы и методы обучения, среди которых особое место занимают современные цифровые технологии и виртуальное моделирование ситуаций. Разработка и реализация смешанных

программ обучения, включающих традиционные лекции и практические занятия с использованием специализированных приложений, позволят достичь значимых улучшений в качестве подготовки сотрудников правоохранительных органов и облегчить коммуникацию с менее мобильными группами населения.

Дальнейшие перспективы исследования связаны с развитием цифрового инструментария, привлечением современных технологий и дальнейшей систематизацией теоретической базы, необходимой для создания учебного пособия по обучению русскому жестовому языку сотрудников правоохранительных органов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бадалянц А. Н. Организационно-правовые, психологические и языковые особенности взаимодействия сотрудника ОВД с глухими и слабослышащими гражданами // *Полицейская и следственная деятельность*. 2017. № 2. С. 52–59.
2. Кузнецов Д. В. Особенности взаимодействия сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации с лицами, имеющими нарушения слуха // *Ученые записки Казанского юридического института МВД России*. 2021. № 2 (12). С. 194–197.
3. Шамсутдинова Ю. Ф. Коммуникация с участием слышащих и глухих/слабослышащих людей: потенциал социальных медиа // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2020. № 5. С. 54–76.
4. Максименко М. В. Педагогические приемы формирования у сотрудников органов внутренних дел умения взаимодействовать с лицами с ограниченными возможностями (нарушениями слуха) // *Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании*. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2018. С. 258–261.
5. Лыскова М. И. О методическом обеспечении преподавания основ русского жестового языка сотрудникам органов внутренних дел в Тюменском институте повышения квалификации сотрудников МВД России // *Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России*. 2018. № 2 (11). С. 161–166.
6. Шалимова О. Н. К вопросу формирования основ русского жестового языка у обучающихся ведомственной образовательной организации // *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2023. № 3 (100). С. 323–325.
7. Naurazbaeva L. V. Peculiarities of teaching police officers the basics of the Russian Sign Language // *Modern Studies of Social Issues*. 2022. Vol. 14, No. 3. P. 300–308.
8. Нагорный Н. Н. Обучение русскому жестовому языку сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации как эффективный опыт инклюзии в современном российском обществе // *E-Scio*. 2020. № 12 (51). С. 360–366.
9. Торговитская К. Ю. Изучение русского жестового языка сотрудниками полиции как возможность интеграции глухих людей в современное общество // *Иностранные языки и современные тенденции в иноязычном образовании*. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2023. С. 367–370.
10. Мисроков Т. З. Особенности обучения основам русского жестового языка сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в условиях малого количества аудиторных занятий // *Право и управление*. 2024. № 11. С. 134–136.
11. Зорина В. В. Особенности обучения основам русского жестового языка сотрудников полиции // *Вопросы гуманитарных наук*. 2023. № 5 (128). С. 32–34.
12. Галиева Д. А. Видеоматериалы как прием активизации учебной деятельности обучающихся при изучении дисциплины «Русский жестовый язык» // *На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания*. 2024. № 3 (30). С. 132–135.
13. Плетяго Т. Ю. Педагогические модели смешанного обучения в вузе: обобщение опыта российской и зарубежной практики // *Образование и наука*. 2019. Т. 21, № 5. С. 112–129.

14. Арский А. А. К вопросу об использовании современных мультимедийных технологий при преподавании основ русского жестового языка сотрудникам полиции // Управление образованием: теория и практика. 2022. № 8 (54). С. 238–245.
15. Науразбаева Л. В. Особенности обучения сотрудников органов внутренних дел дактильной и жестовой речи. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2018. 49 с.
16. Арский А. А. К вопросу об обучении сотрудников правоохранительных органов русскому жестовому языку на курсах повышения квалификации // Управление образованием: теория и практика. 2024. № 8-1. С. 90–98.
17. Ихсанова Л. И. О нотации жестов при изучении русского жестового языка // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 128–132.
18. Петрова Е. А. Системное описание языка специальности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 169–175.

REFERENCES

1. Badalyants A. N. Organizational-legal, psychological and linguistic features of interaction between law enforcement officer and deaf and hard-of-hearing citizens // Police and investigative activities. 2017. No. 2. P. 52–59. (In Russ.)
2. Kuznetsov D. V. Features of interaction between employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation with persons having hearing impairments // Scientific Notes of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2 (12). P. 194–197. (In Russ.)
3. Shamsutdinova Y. F. Communication involving hearing and deaf/hard-of-hearing people: potential of social media // Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism. 2020. No. 5. P. 54–76. (In Russ.)
4. Maksimenko M. V. Pedagogical techniques for developing skills among internal affairs bodies' personnel to interact with individuals with disabilities (hearing impairments) // Innovations in professional and vocational-pedagogical education. Ekaterinburg: Russian State Professional-Pedagogical University, 2018. P. 258–261. (In Russ.)
5. Lysskova M. I. On methodological support for teaching basic Russian sign language to internal affairs bodies' staff at Tyumen Training Institute of the MIA of Russia // Bulletin of Tyumen Training Institute of the MIA of Russia. 2018. No. 2 (11). P. 161–166. (In Russ.)
6. Shalimova O. N. On forming the foundations of Russian sign language by students of specialized educational institutions // Proceedings of Oryol State University. 2023. No. 3 (100). P. 323–325. (In Russ.)
7. Naurazbaeva L. V. Peculiarities of Teaching Police Officers Basics of Russian Sign Language // Modern Studies of Social Issues. 2022. Vol. 14, no. 3. P. 300–308. (In Russ.)
8. Nagornyi N. N. Teaching Russian Sign Language to Employees of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation as Effective Experience of Inclusion in Contemporary Russian Society // E-Scio. 2020. No. 12 (51). P. 360–366. (In Russ.)
9. Torgovitskaya K. Yu. Learning Russian sign language by police personnel as means of integration of deaf people into modern society // Foreign languages and modern trends in foreign language education. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2023. P. 367–370. (In Russ.)
10. Misrokov T. Zh. Specifics of training in Russian sign language fundamentals for internal affairs bodies employees under conditions of limited classroom hours // Law and Administration. 2024. No. 11. P. 134–136. (In Russ.)
11. Zorina V. V. Features of Teaching Basic Russian Sign Language to Police Staff // Humanitarian Sciences Review. 2023. No. 5 (128). P. 32–34. (In Russ.)
12. Galieva D. A. Video materials as a method for activating learning activity when studying the discipline “Russian Sign Language” // At the intersection of languages and cultures. Current issues of humanitarian knowledge. 2024. No. 3 (30). P. 132–135. (In Russ.)
13. Pletyago T. Yu. Pedagogical models of blended learning in higher education institution: generalization of Russian and international practice experience // Education and Science. 2019. Vol. 21, no. 5. P. 112–129. (In Russ.)
14. Arsky A. A. Use of modern multimedia technologies in teaching the basics of Russian sign language to police officers // Educational Management: Theory and Practice. 2022. No. 8 (54). P. 238–245. (In Russ.)

15. Naurazbekova L. V. Features of Training Internal Affairs Officers in Finger Spelling and Sign Language. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. 49 p.
16. Arsky A. A. Teaching police officers Russian sign language in advanced training courses // Educational Management: Theory and Practice. 2024. No 8-1. P. 90–98. (In Russ.)
17. Ikhsanova L. I. On notation of gestures in the study of Russian sign language // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 128–132. (In Russ.)
18. Petrova E. A. Systematic description of the language of the specialty // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 169–175. (In Russ.)

Информация об авторе:

О. Н. Шалимова, кандидат педагогических наук.

Information about the author:

O. N. Shalimova, Candidate of Pedagogy.

Статья поступила в редакцию 08.10.2025; одобрена после рецензирования 01.11.2025; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 08.10.2025; approved after reviewing 01.11.2025; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья
УДК 343.825(470)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ
ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМЫХ ПЕРСПЕКТИВ
КАК СРЕДСТВО ИСПРАВЛЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ**

Владимир Николаевич Бодяков¹, Сергей Андреевич Бажанов²

¹ Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия,
krim33@mail.ru

² ФКУ НИИ ФСИН России, Москва, Россия,
sergey.bazhanov62@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования общественно значимых перспектив несовершеннолетних осужденных женского пола.

Предметом исследования явилось использование системы общественно значимых перспектив в качестве средства исправления несовершеннолетних правонарушительниц в условиях воспитательных колоний, объектом – несовершеннолетние осужденные девушки, отбывающие наказание в воспитательных колониях.

Цель исследования состояла в том, чтобы выявить особенности организации в условиях воспитательных колоний педагогической деятельности сотрудников колонии по формированию у несовершеннолетних правонарушительниц системы общественно значимых перспектив, практической реализации их как средства воспитания и построения на этой основе процесса исправления осужденных девушек.

Методами исследования были наблюдение, беседа, обобщение независимых характеристик, анкетирование, интервью, изучались жизненно значимые перспективы и цели осужденных.

Научная новизна заключается в том, что в результате проведенного исследования была научно обоснована возможность исправления несовершеннолетних осужденных девушек путем формирования общественно значимых перспектив, теоретически разработано и обосновано содержание системы перспектив применительно к условиям воспитательных колоний, а также разработана устойчивая классификация несовершеннолетних правонарушительниц на группы и подгруппы по содержанию имеющих у них жизненно значимых перспектив.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, воспитательная колония, несовершеннолетние осужденные, самооценка, общественно значимая деятельность

Для цитирования: Бодяков В. Н., Бажанов С. А. Использование системы общественно значимых перспектив как средство исправления несовершеннолетних осужденных // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 2 (112). С. 157–163.

Original article

**USING THE SYSTEM
OF SOCIALLY SIGNIFICANT PROSPECTS
AS A MEANS OF CORRECTION
OF JUVENILE CONVICTS**

© Бодяков В. Н., Бажанов С. А., 2026

Vladimir N. Bodyakov¹, Sergey A. Bazhanov²

¹ Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia,
krim33@mail.ru

² Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russia,
sergey.bazhanov62@yandex.ru

Abstract. The article discusses the issues of formation of socially significant prospects of female juvenile convicts.

The subject of the study was the use of the system of socially significant prospects as a means of correction of female juvenile offenders in educational colonies. The object of our research is female juvenile convicts serving sentence in educational colonies.

The purpose of the study was to identify the features of the organization of pedagogical activities of colony staff in educational colonies to form a system of socially significant prospects among female juvenile offenders, practical implementation as a means of education and building the process of correction of female offenders on this basis.

The research methods included observation, conversation, generalization of independent characteristics, questionnaires, interviews. The study examined the existing vital prospects and goals of the convicts.

The scientific novelty lies in the fact that the study provided a scientific basis for the rehabilitation of juvenile female convicts through the development of socially significant prospects. The content of the system of prospects was theoretically developed and justified in relation to the conditions of educational colonies, and a stable classification of female juvenile offenders into groups and subgroups based on the content of their existing vital prospects was developed.

Keywords: penal system, educational colony, juvenile convicts, self-esteem, socially significant activities

For citation: Bodyakov V. N., Bazhanov S. A. Using the system of socially significant prospects as a means of correction of juvenile convicts // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 2 (112). P. 157–163. (In Russ.)

Введение

Исправительные учреждения призваны обеспечивать не только исполнение наказания в виде лишения свободы, но и исправление осужденных. По отбытии наказания человек должен влиться в общество полноценным гражданином, честным и достойным человеком. Становление правонарушителей на честный путь может идти лишь через осознание необходимости соотносить свои личные цели и перспективы с общественными, что должно выражаться в их практической деятельности. Ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становится повседневной нормой поведения, а также ценности, присущие личности.

Методы

Методами исследования были наблюдение, беседа, обобщение независимых характеристик, анкетирование, интервью, а также изучались жизненно значимые перспективы и цели осужденных.

Результаты

Ценности – это устойчивые представления о том, что важно для человека и общества, что следует ценить, защищать и развивать. Они формируют моральные, культурные и этические ориентиры, которые влияют на поведение людей и организацию общественных отношений¹.

В правовой сфере ценности играют ключевую роль, поскольку они задают критерии справедливости, легитимности и целесообразности правовых норм. Без ценностной основы

¹ Громкова М. Т. Андрагогика: теория и практика образования взрослых: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 497 с.; Змеёв С. И. Основы андрагогики: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2019. 157 с.

право теряет свою значимость и становится лишь формальным набором предписаний, лишенных нравственного содержания [1; 2].

К числу базовых ценностей, лежащих в основе права, относятся¹:

1. Справедливость – равное распределение прав и обязанностей, защита интересов всех участников общественных отношений.

2. Свобода – возможность личности действовать в рамках закона без чрезмерного вмешательства со стороны государства или других лиц.

3. Равенство – отсутствие дискриминации и обеспечение равных возможностей для всех перед законом.

4. Порядок – поддержание стабильности и предсказуемости в обществе посредством установления четких правил поведения.

5. Безопасность – защита жизни, здоровья, имущества и других жизненно важных интересов граждан.

Они формируют «моральный компас» права, направляя его развитие в сторону удовлетворения потребностей общества и защиты прав личности.

Но не менее важно понятие ценностей и в педагогике. Выработать правильную позицию – задача нравственного воспитания. И большое значение в этой работе принадлежит коллективу сотрудников и педагогов.

В жизни человека, в его профессиональной деятельности ценности играют существенную роль. Понятие «ценность» используется в философской и психолого-педагогической литературе (С. Ф. Анисимова, Л. Г. Здравомыслов, А. М. Коршунов,

Т. И. Пороховская, В. П. Тугаринов и др.) для обозначения значимости объектов, явлений, их свойств, абстрактных идей, воплощающих в себе общественные идеалы и выступающих как эталон должного [3].

Исследователи отмечают разноплановость и универсальность категории ценности. Одни ее представляют как средство удовлетворения потребностей (В. Г. Тугаринов), другие – как интересы, обособившиеся в ходе развития общества (А. Г. Здравомыслов), третьи – как мыслительные программы социальной деятельности, являющиеся преобладающими в социальных действиях (В. Ядов), четвертые – как поведенческие нормативы и регуляторы поведения (Н. Лапин). В целом исследователи выделяют как бы три формы существования ценностей: 1) ценности могут выступать как общественный идеал, как выработанное общественным сознанием и содержащееся в нем абстрактное представление об атрибутах должного в различных сферах общественной жизни; 2) могут предстать в объективированной форме в виде произведений материальной культуры либо человеческих поступков, являющихся конкретным предметным воплощением общественных ценностных идеалов; 3) социальные ценности, преломляясь через призму индивидуальной жизнедеятельности, входят в психологическую структуру личности в форме личностных ценностей, являющихся одним из источников мотивации ее поведения. По отношению к субъекту (человеку) ценности служат объектом интересов, а для его

¹ Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/0001202105050004.pdf> (дата обращения: 24.06.2025); Об утверждении Концепции воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: приказ ФСИН России от 30 декабря 2022 г. № 948 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/603496992?ysclid=mnsxpl7bj566658602> (дата обращения: 24.06.2025); О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об утверждении Концепции создания единой федеральной системы научно-методического сопровождения педагогических работников: распоряжение Минпросвещения России от 6 августа 2020 г. № Р-76 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/573661431> (дата обращения: 24.06.2025).

сознания выполняют роль повседневных ориентиров в социальной действительности, обозначений его практических отношений к окружающим процессам и явлениям. Для личностных ценностей характерна высокая осознанность.

Проблема формирования профессионально-педагогических ценностей находит отражение в работах И. Ф. Исаева, Л. Л. Блохиной, Г. А. Самодовой, В. А. Сластенина, В. Э. Тамарины, Е. Н. Шиянова и др. [4; 5; 6]. Подходя к характеристике педагогических ценностей как условию и результату соответствующей профессиональной деятельности, исследователи отмечают различные уровни их существования. Так, в глобальном плане общественно-педагогические ценности раскрывают характер и содержание ценностей, функционирующих в общественном сознании, морали, религии, философии. Они представляют собой идеи, формы и правила, регулирующие воспитательную деятельность и общение в рамках общества. Профессионально-групповые ценности – это совокупность идей, концепций, норм, регулирующих профессионально-педагогическую деятельность. Они носят целостный характер и выступают как познавательно действующая система, обладающая относительной стабильностью и повторяемостью; являются ориентирами в педагогической деятельности. Совокупность индивидуально-личностных ценностей проявляется как сложное социально психологическое образование, в котором сливаются целевая и мотивированная направленность личности, составляя систему ценностных ориентаций. Она, в свою очередь, представляя собой аксиологическое «Я», дана личности не как система знаний, а как система когнитивных образований, сопряженных с эмоционально-волевыми компонентами, и принимаемая личностью в качестве собственного внутреннего ориентира, побуждающего и направляющего деятельность личности.

Исходя из аксиологической функции профессионально-педагогической деятельности, И. Ф. Исаев считает возможным в качестве основания для выделения и классификации педагогических ценностей взять профессиональную деятельность как содержательный компонент профессионально-педагогической культуры преподавателя. Он выделяет следующие группы профессионально-педагогических ценностей: 1) ценности-цели, раскрывающие значение и смысл целей профессионально-педагогической деятельности; 2) ценности-средства, раскрывающие значение и смысл способов и средств осуществления профессионально-педагогической деятельности; 3) ценности-отношения, раскрывающие значение и смысл отношений как основного механизма функционирования целостной педагогической деятельности; 4) ценности-знания, раскрывающие значение и смысл психолого-педагогических знаний в процессе осуществления профессионально-педагогической деятельности; 5) ценности-качества, раскрывающие значение и смысл качеств личности преподавателя (многообразие взаимосвязанных индивидуальных, личностных, коммуникативных, статусно-позиционных, деятельностно-профессиональных и внешнеповеденческих качеств личности преподавателя как субъекта профессионально-педагогической деятельности, находящихся отражение в специальных способностях)¹.

Все эти ценности, присущие педагогу, позволят помочь несовершеннолетним осужденным встать на путь исправления.

Социально-педагогические исследования, посвященные вопросам жизненного самоопределения молодежи (К. В. Вербова, Л. Ю. Гордин, Е. А. Михайлычев, М. Н. Руткевич, В. Г. Лисовский, Ю. П. Петров, В. Н. Мансуров, В. В. Водзинский и др.) [7; 8; 9], показывают, что подавляющее большинство молодых людей реализует свои жизненные планы в процессе обучения, творческого труда на благо Родины. Однако у некото-

¹ Сластенин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. Педагогика: учебное пособие для вузов / под ред. В. А. Сластенина. 3-е изд. М., 2004. С. 109–110.

рых не имеется четких позитивных жизненных установок, перспектив либо степень их сформированности такова, что они не всегда руководствуются ими в поведении; иногда же эти перспективы имеют асоциальную направленность.

Анализ трудов А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского и других авторов показывает, что отсутствие или деформация жизненно значимых перспектив у человека приводит к отрицательным последствиям в его поведении. Такой точки зрения придерживаются и современные исследователи [10; 11].

Длительное наблюдение за поведением несовершеннолетних осужденных женского пола, содержащихся в воспитательных колониях, подтверждает отмеченную зависимость. Отсутствие перспектив снижает самостоятельность, инициативность правонарушительниц; отрицательные перспективы способствуют противодействию требованиям режима; завышенные, нереальные перспективы порождают у воспитанниц приспособленчество, неуважение к коллективу осужденных, конфликтные отношения; положительные перспективы осужденных обуславливают соблюдение ими режимных требований, организацию самовоспитания, активное участие в общественной жизни колонии, стремление к условно-досрочному освобождению.

Заключение

Приступая к исследованию проблемы, мы исходили из следующей гипотезы: содержание личных перспектив определяет направленность и поведение индивида, является одной из движущих сил развития его личности, фактором, побуждающим к деятельности, самовоспитанию, становится основой его общественной активности; формирование человека высокой нравственности возможно при полном совпадении личных и общественно значимых перспектив; отсутствие или деформация личных перспектив способствует развитию асоциального поведения; целенаправленная деятельность по формированию общественно значимых перспектив личности способствует изменению ее отрицательной направленности на положительную.

В соответствии с особенностями предмета, гипотезой и целью исследования были определены следующие задачи:

1) теоретически обосновать необходимость формирования у несовершеннолетних осужденных девушек системы общественно значимых перспектив и целей как важнейшего средства педагогического влияния в условиях воспитательных колоний, показать их роль в формировании личности;

2) изучить жизненно значимые перспективы осужденных девушек по их прибытию в колонию, дифференцировать их на группы, требующие сравнительно одинаковых мер воздействия в условиях воспитательных колоний;

3) разработать методику формирования у несовершеннолетних осужденных системы общественно значимых перспектив, раскрыть их влияние на процесс исправления, на стремление к самовоспитанию, самосовершенствованию.

На основе диалектических принципов познания методику исследования составили три органически взаимосвязанных и взаимопроницающих этапа.

На первом из них нами разрабатывался методологический аспект проблемы, формулировалась гипотеза, ставились цели, определялись критерии близких, средних, далеких перспектив осужденных, содержащихся в воспитательных колониях.

На втором этапе, используя методы наблюдения, беседы, обобщения независимых характеристик, анкетирования, интервью, эксперимента, изучались жизненно значимые перспективы и цели осужденных.

На третьем этапе с помощью методов и приемов убеждения, доверия, поручения, требования, принуждения, экспериментальных ситуаций, способствовавших активному включению правонарушительниц в деятельность, осуществлялась переориентация асоциальных по содержанию перспектив и целей на положительные, закрепление последних, исправление на этой основе несовершеннолетних осужденных девушек.

Практическая ценность проведенного исследования заключается в разработке част-

ных методик формирования общественно значимых перспектив несовершеннолетних осужденных девушек исходя из содержания структурных компонентов их деятельности в колонии, а также конкретной методики организации процесса исправления несовершеннолетних правонарушительниц в условиях воспитательных колоний.

Таким образом, на наш взгляд, целесообразным будет выделить в коррекционно-педагогической деятельности учителя интуитивный, адаптивный, репродуктивный и репродуктивно-творческий уровни профессионально-педагогической позиции.

В качестве механизма развития профессионально личностной позиции воспитателя как субъекта коррекционно-педагогической

деятельности должны выступать интеллектуальные и эмоционально-волевые качества, отражающие регулятивные способности личности и связанные с ее статусными характеристиками через систему субъект-субъектных (полисубъектных) отношений, которые складываются как во время профессионально-педагогической подготовки учителя, так и в ходе его коррекционно-педагогической деятельности с несовершеннолетними осужденными. При этом подготовка сотрудников воспитательных колоний для несовершеннолетних к коррекционно-педагогической деятельности воспринимается через призму формирования их профессионально-личностной позиции в этом процессе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вершловский С. Г. Преподаватель системы постдипломного образования как андрогог // Человек и образование. 2014. № 1 (38). С. 1–7.
2. Дорожкин Е. М., Зеер Э. Ф., Шевченко В. Я. Научно-образовательная панорама модернизации подготовки педагогов непрерывного профессионального образования // Образование и наука. 2017. Т. 19, № 1. С. 63–81. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-1-63-81>.
3. Вотинов А. А., Грязнов С. А. Организация повышения квалификации сотрудников УИС // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 1 (23). С. 91–95.
4. Лебедева А. Д. Профессиональная подготовка и переподготовка работников уголовно-исполнительной системы – важнейшее направление оптимизации кадрового обеспечения в условиях реформирования УИС // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 3. С. 118–120.
5. Мухтарова Е. А. К вопросу о повышении квалификации сотрудников ФСИН России // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 2. С. 115–116.
6. Панарин Д. А., Брыков Д. А. Направления совершенствования работы с кадрами в уголовно-исполнительной системе // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25, № 1. С. 99–101.
7. Fadeeva S. A. The model for continuous professional development of additional education teachers: design experience in the regional domain // Society.Integration.Education: proceedings of the 14th International scientific conference, 2020, May 22–23, Rezekne, Vol. 3. P. 152–163. <https://dx.doi.org/10.17770/sie2020vol3.4949>.
8. Фадеева С. А. Новые подходы к повышению квалификации специалистов органов и учреждений уголовно-исполнительной системы: опыт и возможности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 7 (230). С. 74–78.
9. Фадеева С. А. Институт наставничества в уголовно-исполнительной системе РФ, тренды и тенденции развития // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 8. С. 35–41.
10. Фадеева С. А. О новых форматах обучения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Антропология. 2022. № 4 (8). С. 32–35.
11. Фадеева С. А. Институт дополнительного профессионального образования: о трендах развития и организационной структуре // Нижегородское образование. 2024. № 2. С. 26–35.

REFERENCES

1. Vershlovsky S. G. Teacher of the postgraduate education system as an andragogy // Man and education. 2014. No. 1 (38). P. 1–7. (In Russ.)

2. Dorozhkin E. M., Zeer E. F., Shevchenko V. Y. Research and educational panorama of modernization of training teachers of continuous vocational education // The education and science journal. 2017. Vol. 19, no. 1. P. 63–81. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-1-63-81>. (In Russ.)
3. Votinov A. A., Gryaznov S. A. Organization of professional development of employees of penal correction system // Bulletin of Samara Law Institute. 2017. No. 1 (23). P. 91–95. (In Russ.)
4. Lebedeva A. D. Vocational training and retraining of penitentiary system employees as the major area of human resources optimization in the conditions of penal system reformation // Society: Politics, Economics, Law. 2016. No. 3. P. 118–120.
5. Mukhtarova E. A. To a question on the improving the skills of the employees of Federal Penitentiary Service of Russia // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 2. P. 115–116. (In Russ.)
6. Panarin D. A., Brykov D. A. Directions for improving personnel management in the penal system // Man: crime and punishment. 2017. Vol. 25, no. 1. P. 99–101. (In Russ.)
7. Fadeeva S. A. The model for continuous professional development of additional education teachers: design experience in the regional domain // Society.Integration.Education: proceedings of the 14th International scientific conference, 2020, May 22–23, Rezekne, Vol. 3. P. 152–163. <https://dx.doi.org/10.17770/sie2020vol3.4949>. (In Eng.)
8. Fadeeva S. A. New approaches to the professional development of specialists of the bodies and institutions of the penal system: experience and opportunities // Journal of the penal system. 2021. No. 7 (230). P. 74–78. (In Russ.)
9. Fadeeva S. A. Mentorship institution in the penal system of the Russian Federation, trends and development trends // Vedomosti of the penitentiary system. 2022. No. 8. P. 35–41. (In Russ.)
10. Fadeeva S. A. On new formats of training for employees of the penitentiary system // Antropogogika. 2022. No. 4 (8). P. 32–35. (In Russ.)
11. Fadeeva S. A. Institute of additional professional education: on development trends and organizational structure // Nizhny Novgorod education. 2024. No. 2. P. 26–35. (In Russ.)

Информация об авторах:

В. Н. Бодяков, кандидат юридических наук, доцент;
С. А. Бажанов, кандидат юридических наук.

Information about the authors:

V. N. Bodyakov, Candidate of Law, Associate Professor;
S. A. Bazhanov, Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025; одобрена после рецензирования 13.11.2025; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 10.11.2025; approved after reviewing 13.11.2025; accepted for publication 18.06.2026.

РЕАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ У ВОСПИТАННИКОВ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ

Нелли Александровна Зинина

Департамент психологической работы
Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия,
zinina.nel@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы коллективных взаимоотношений между воспитанниками кадетских корпусов и их родителями с тем, чтобы определить наиболее существенные пути укрепления семейного воспитания в современных условиях. Представлена реализация системы семейного воспитания в кадетском корпусе, описаны основные подходы, формы и методы, применяемые в воспитательной работе с воспитанниками.

Ключевые слова: кадеты, традиционные семейные ценности, образование, мониторинг, честь, воспитание, кризис

Для цитирования: Зинина Н. А. Реализация системы семейного воспитания у воспитанников кадетских корпусов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 2 (112). С. 164–171.

Original article

IMPLEMENTATION OF THE FAMILY EDUCATION SYSTEM FOR CADET CORPS STUDENTS

Nelly A. Zinina

The Department of Psychological Work
of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia,
zinina.nel@yandex.ru

Abstract. The article discusses the issues of collective relations between students of cadet corps and their parents in order to determine the most significant ways to strengthen family education in modern conditions. The article presents the implementation of the family education system in the cadet corps, describes the main approaches, forms, and methods used in educational work with students.

Keywords: cadets, traditional family values, education, monitoring, honor, upbringing, crisis

For citation: Zinina N. A. Implementation of the family education system for cadet corps students // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 2 (112). P. 161–171. (In Russ.)

Введение

История кадетских корпусов в России началась в 1731 году при императрице Анне Иоановне, когда был создан первый кадетский корпус для подготовки юношей из дворянских семей к военной и государственной службе. Они являлись первой ступенью подготовки офицеров и гражданских служащих,

давая воспитанникам не только военное, но и широкое светское образование.

В кадетских корпусах России конца XIX – начала XX века воспитание строилось на принципах духовно-нравственного становления личности. Формировались такие базовые ценности, как честь, долг, совесть, товарищество, кадетское братство, личная

ответственность, верность присяге. Особое внимание уделялось связи с семьей: родители воспитанников активно участвовали в воспитательном процессе, что создавало единую ценностную среду [1; 2].

В советский период традиционная система кадетского воспитания была прервана, однако с 1990-х годов началось активное возрождение кадетского образования в России. Сегодня в кадетских учебных заведениях обучаются около 26 тысяч воспитанников, 60 % которых – дети из неполных, малообеспеченных, многодетных и неблагополучных семей, а также дети-сироты [3].

Методы

Методами исследования стали анализ научной литературы и методических разработок, сравнение, обобщение и системно-структурный метод при изучении информации, размещенной на сайтах образовательных организаций.

Результаты

В настоящее время в России отмечается кризис семьи. В стране наблюдается увеличение количества дисфункциональных семей, не способных выполнять воспитательные функции, снижение воспитательного потенциала семьи из-за чрезмерной занятости родителей и педагогической неграмотности, а также разрыв межпоколенческих связей и уход от традиций уважения к старшим.

Большое влияние на состояние семьи оказывают цифровизация и информационные вызовы. Цифровые технологии создают новые возможности для обучения, но одновременно ослабляют эмоциональные связи между членами семьи [4]. Социальные медиа оказывают влияние на традиционные семейные нормы и межпоколенческую коммуникацию, что приводит к необходимости поиска баланса между инновациями и традиционными ценностями в кадетском образовании.

Нормативно-методологическая база семейного воспитания прежде всего строится на основе Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традици-

онных российских духовно-нравственных ценностей», федеральных государственных образовательных стандартов в части духовно-нравственного развития [5].

В связи с произошедшим ценностным разрывом поколений наблюдается межпоколенческий конфликт в системе воспитания, когда представители разных поколений имеют различные ценностные ориентации, а молодежь испытывает трудности в идентификации с традиционными семейными моделями в условиях глобализации.

Семью преследуют и социально-педагогические трудности [6; 7]:

- недостаточная подготовленность педагогов к практической реализации задач духовно-нравственного воспитания;
- дефицит квалифицированных кадров и недостаточное финансирование кадетских организаций;
- стрессовая адаптация воспитанников к условиям интернатного типа обучения.

Особую значимость при решении задач нравственного воспитания юных кадетов имеет тесный контакт с их семьями. Для этого необходимо в воспитательной работе применять эффективные формы взаимодействия:

- семейные тренинги и воркшопы, направленные на укрепление общения;
- проекты по изучению семейной истории, где кадеты с помощью родителей собирают информацию о предках;
- классные часы и беседы.

Большая ответственность за воспитание обучающихся в кадетском корпусе лежит на заместителе руководителя по воспитательной работе, который должен следить за осуществлением в учреждении ценностно-ориентированных программ (например, «Патриот»), направленных на формирование духовно-нравственных ценностей, внедрение факультативов и специальных курсов по истории семьи и традициям, использование поисково-познавательной деятельности как формы героико-патриотического воспитания.

Сегодняшняя обстановка, цифровизация общества, уход от традиционных ценностей семьи могут привести к искажению воспи-

тания и обучения кадетов. Чтобы этого не произошло, очень важно сохранить традиционные мероприятия посвящения в кадеты, торжественные праздничные церемонии, а акцент необходимо делать на формировании внутренней дисциплины и мотивации к служению Отечеству.

Воспитание традиционных семейных ценностей у кадетов – это сложный многоуровневый процесс, системность, объединение усилий семьи, образовательной организации и государства. Исторический опыт российских кадетских корпусов демонстрирует, что успешное формирование ценностных ориентаций возможно только при условии единства воспитательной среды, где семья выступает ключевым союзником педагогов [8].

Современные вызовы требуют творческой адаптации к новым условиям. Семья, как важнейший институт социализации детей, определяет их взгляды, ценности и образ жизни, и именно в сотрудничестве с семьей кадетское образование может эффективно выполнять свою миссию – воспитание достойных граждан и защитников Отечества.

Система семейного воспитания в кадетских образовательных учреждениях строится на принципах сотрудничества, преемственности и взаимодополняемости усилий педагогов и родителей. Ключевая идея заключается в том, что семья остается важнейшим элементом педагогического процесса, даже в условиях обучения в кадетских корпусах интернатного типа.

Современная система кадетского воспитания в России имеет глубокие исторические корни. Еще в эпоху Екатерины II кадетские корпуса рассматривались как учреждения, способные «заменять семью» обучающимся, формируя «новую породу людей» через воспитание, образование и нравственное развитие [9].

Система воспитания семейных ценностей у кадетов представляет собой комплексный педагогический процесс, интегрированный в общую структуру духовно-нравственного и патриотического воспитания. Семья рассматривается как первостепенная ценность

наряду с Родиной, поскольку она «более широко раскрывает смысл жизни кадета».

Ключевые принципы системы [10]:

1. Ценностно-ориентированный подход – формирование базовых морально-нравственных ориентиров: чести, долга, совести, товарищества, личной ответственности, любви к семье.

2. Интеграция семьи и образовательного учреждения – эффективность воспитания напрямую зависит от тесного взаимодействия образовательной организации и семьи, ведущую роль играют классные руководители и офицеры-воспитатели.

3. Комплексность воздействия – воспитательная работа реализуется через учебную и внеурочную деятельность, повседневную жизнь кадетов, взаимодействие с социальными партнерами.

Основными направлениями реализации системы семейного воспитания кадетов является психолого-педагогическое просвещение родителей, которое включает в себя [11]:

- проведение лекций, семинаров, практикумов и индивидуальных консультаций для повышения педагогической культуры родителей;

- организацию «Университета социально-правовых и медико-педагогических знаний» для родителей;

- использование инновационных форм воспитательной работы.

Для успешного воспитания в условиях кадетского корпуса важно вовлечение родителей в учебно-воспитательный процесс:

- участие в родительских собраниях, конференциях, совместных творческих делах;

- включение родителей в работу родительских комитетов и органов управления образовательной организацией;

- организация культурно-экскурсионных программ, совместных праздников и мероприятий.

Классные руководители и воспитатели используют комплекс методов изучения семьи: наблюдение, беседу, анкетирование, тестирование, методику незаконченных предложений (табл. 1).

Таблица 1

Диагностика изучения семьи

Вид диагностики	Цель применения
Предварительная	Знакомство с семьей, подготовка мероприятий
Оперативная	Решение конфликтных ситуаций, коррекция отношений
Итоговая	Оценка результатов работы за учебный год

Воспитательная работа в условиях кадетского корпуса-интерната имеет свою специфику, как положительную, так и отрицательную. Преимущества заключаются в том, что родители осознанно выбирают кадетское образование и предъявляют высокие требования к качеству воспитания, а в процессе обучения формируется единое ценностное пространство «педагоги – кадеты – родители» на основе российских традиций, повышается мотивация кадетов к службе Отечеству при поддержке семьи.

Но кадетское образование имеет и обратную сторону: длительное отсутствие детей в семье может создавать трудности во взаимопонимании, существующие различия в требованиях и укладе жизни между

семьей и кадетским корпусом могут отрицательно отразиться на воспитании (риск перекалывания воспитательных функций исключительно на педагогов, недостаточное участие отцов в воспитании сыновей-кадетов) [12; 13; 14].

Эффективные формы взаимодействия с семьей: традиционные, инновационные подходы, программно-целевые методы (табл. 2).

Примеры конкретных мероприятий:

1. Тематические классные часы: «Семья – основа жизни человека», «Любовь и ответственность», «Честь семьи», «Роль отца и матери в воспитании».

2. Проектная деятельность: создание генеалогических древ, интервью с представителями старших поколений.

Таблица 2

Основные формы и методы работы

Направление	Конкретные формы и методы
Учебная деятельность	Включение тем о семейных ценностях в курсы «Психология», «Психология и педагогика», «Работа с личным составом»
Внеурочная деятельность	Исследовательская и проектная работа, дебаты, круглые столы, акция милосердия
Работа с родителями	Индивидуальные консультации, «Час семьи», совместные мероприятия, родительские комитеты
Духовно-нравственное направление	Изучение семейных традиций, организация совместной деятельности педагогов и родителей, формирование толерантности
Практико-ориентированные задания	Написание эссе «Родитель», анализ семейных моделей, групповые дискуссии о патриархальной и эгалитарной семье

3. Акции и социальные проекты: «Письмо солдату», «Забота о ветеранах», волонтерская помощь многодетным семьям.

4. Совместные события: дни открытых дверей, праздник «Семья и кадетство», военно-спортивные игры с участием родителей.

Эффективность системы напрямую зависит от качества партнерства между учреждением и семьей.

Рекомендуемые практики:

1) регулярные индивидуальные консультации для родителей;

2) информационно-просветительская работа о возрастной психологии подростков;

3) совместное планирование воспитательных мероприятий;

4) вовлечение родителей в жизнь кадетского коллектива;

5) психолого-педагогическое сопровождение семей в трудных ситуациях.

При системной реализации программы воспитания семейных ценностей у кадетов формируются личностные качества (ответственность, уважение к старшим, готовность к созданию крепкой семьи); социальные компетенции (навыки конструктивного общения, эмпатия, толерантность); ценностные ориентации (приоритет духовных ценностей над материальными, понимание семьи как основы стабильности общества); профессиональная готовность (способность сочетать служение Отечеству с исполнением семейных обязанностей).

Подготовка кадетов к семейной жизни является составной частью воспитательной работы. Важное значение имеет совершенствование данной работы, например, разработка спецкурсов по психологии и этике семейных отношений, апробирование различных диагностик по ценностным ориентациям, расширение практики наставничества из выпускников, которые уже создали семьи. Все это требует необходимого методического обеспечения, мониторинга эффективности деятельности и адаптации к современным условиям [15; 16].

Подводя итоги вышеизложенному, можно предположить рост достижений воспи-

танников, снижение их отчисления из кадетского корпуса, улучшение дисциплины, укрепление местных традиций, повышение педагогической культуры родителей, создание методических материалов для работы с семьями, развитие самоуправления с участием родителей. Эффективность данного вида деятельности, воспитания зависит от взаимодействия кадетского училища и семьи. Воспитание должно быть системным и является стратегически важной задачей.

Для эффективной работы в кадетском корпусе рекомендуется использовать не один, а целый комплекс подходов [17; 18].

Аксиологический (ценностный) подход заключается в формировании иерархии ценностей, где семья, верность, преемственность поколений и забота о ближнем занимают приоритетное место. Его реализация в кадетском корпусе возможна через осмысление понятия «честь» не только как воинской категории, но и как семейной (честь рода, фамилии), изучение биографий великих полководцев через призму их семейной жизни (Суворов, Кутузов, Ушаков и др.), дискуссионные клубы на темы «Служение Отечеству и служение семье: конфликт или единство?»

Сущность системно-деятельностного подхода в том, что ценности не даются в готовом виде, а усваиваются через личную деятельность и опыт. В практической деятельности это участие в социальных проектах, например, шефство над многодетными семьями ветеранов, помощь детским домам (формирование опыта работы). Восстановление истории своих семей, участие в акции «Бессмертный полк», изучение семейных архивов – это суть поисковой работы, а волонтерская деятельность позволит участвовать в мероприятиях, поддерживающих институт семьи.

Смысл культурно-исторического подхода заключается в понимании семьи как ячейки, сохраняющей культурный код нации, реализация которого видится в изучении традиций русского быта, обрядов (свадьба, крещение, праздники) в светском и культурологическом ключе; во встречах с предста-

вителями военных династий, в экскурсиях в музеи истории семьи и быта.

Кадетские корпуса сегодня набирают и небольшой процент обучающихся-девочек. В связи с этим немаловажно уделить внимание и гендерному подходу [19].

Значимость компетентного подхода не менее важна. Его суть – формирование практических навыков для создания крепкой семьи.

В работе с обучающимися в кадетском корпусе важное значение приобретает воспитание традиционных семейных ценностей на основе сочетания воинского и семейного долга:

1. Кадетская дружба, или по-другому братство, видится моделью семьи посредством взаимовыручки, формируя при этом навыки заботы и взаимопомощи.

2. Введение ритуалов, связывающих кадетов с их родителями (например, посвящение в кадеты с обязательным участием родителей, вручение погон в присутствии семьи; дни открытых дверей, где родители показывают пример уважения к учреждению).

3. Трансляция идеи «Любовь к Родине начинается с любви к своему дому и близким». Безответственный человек в семье не может быть надежным защитником Отечества, это и есть патриотизм через семью.

Заключение

Методологически неверно воспитывать ценности у ребенка в отрыве от семьи. Необходимо проводить родительский лекторий о важности личного примера, совместные спортивные праздники, туристические слеты, а мониторинг семейного благополучия кадетов (при участии социального педагога, психолога) направлен на обратную связь, чтобы в будущем учесть положительные и устранить отрицательные моменты проведенных мероприятий.

Показателем эффективности проделанной работы будут сформированное осознанное отношение к браку, желание иметь многодетную семью, уважение к старшему поколению, проявление заботы о родителях, участие в жизни семьи, отсутствие асоциального поведения, готовность в будущем создать военную династию или продолжить службу, опираясь на семейную поддержку.

Методология воспитания традиционных семейных ценностей в кадетском корпусе должна базироваться на принципе единства слова и дела. Кадет должен видеть, что офицерская честь и семейная верность – это части одного целого. Успех достигается только при синергии усилий педагогического состава, командиров подразделений и, что критически важно, самих родителей воспитанников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Делинквентность несовершеннолетних социально-педагогическая запущенность // 3 года вместе: закон, порядок, справедливость: сборник научных статей Международного форума, посвященного Дню воссоединения ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей с Российской Федерацией. Луганск: Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2025. С. 36–38.
2. Казберов П. Н., Вилкова А. В. Системное планирование профессиональной подготовки пенициарных психологов к работе с лицами, осужденными за террористические и экстремистские преступления // Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования: сборник статей круглого стола. Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2025. С. 26–33.
3. Вилкова А. В., Лещенко С. А. Неблагополучная семья как фактор дисгармоничного развития нравственного сознания личности // Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования: сборник статей круглого стола. Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2025. С. 105–111.
4. Вилкова А. В., Кашкина Е. В. Самоутверждение несовершеннолетних правонарушителей: пути и средства // Международный научный вестник. 2025. № 8. С. 90–94.

5. Вилкова А. В., Хайрутдинова И. В., Якупов Ф. А. Русский жестовый язык – средство коммуникации или лингвистическая система? // Современное педагогическое образование. 2025. № 5. С. 60–64.
6. Фадеева С. А., Мухин М. И., Угрюмов Ю. М., Чопик О. А. Государственно-политическое, духовно-нравственное и патриотическое воспитание работников УИС молодежного возраста: монография. Тверь: НИИИТ ФСИН России, 2025.
7. Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Основные трудности, ожидающие молодых ученых // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 3 (25). С. 92–101.
8. Vilkova A. Prerequisites, conditions and grounds for the removal of the criminal record: the prospects for the legislative improvement of the institute // Military Law Review. 2018. No. 1. P. 204.
9. Вилкова А. В. Гендерная концепция и методология формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола: дис. ... д-ра пед. наук. Великий Новгород, 2016. 444 с.
10. Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Пути ранней психодиагностики и профилактики отклоняющегося поведения несовершеннолетних // Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы: сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2025. С. 29–37.
11. Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Подготовка научной смены – важнейшая составляющая науки // Международный научный вестник. 2025. № 8. С. 188–191.
12. Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Педагог и конфликтная семья // Российский научный вестник. 2025. № 8. С. 152–155.
13. Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Воспитательно-коррекционная работа с несовершеннолетними // Российский научный вестник. 2025. № 8. С. 190–193.
14. Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Психологическая тенденция к правонарушениям у несовершеннолетних осужденных // Международный научный вестник. 2025. № 9. С. 105–107.
15. Вилкова А. В., Антипов А. Н. Ювенальная юстиция в России: «за» и «против» // Вестник Кузбасского института. 2012. № 3 (11). С. 105–110.
16. Вилкова А. В., Полякова Я. Н., Мешкова Л. В. Проблемные вопросы воспитания научных кадров в России // Образование и право. 2025. № 9. С. 477–481.
17. Вилкова А. В. Последствия дефицитности образования // Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования: сборник статей круглого стола. Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2025. С. 8–13.
18. Актуальные проблемы исправления осужденных: криминологические, психологические и педагогические аспекты: сборник статей круглого стола. Тверь, 2025.
19. Вилкова А. В. Теория и практика исправления несовершеннолетних осужденных в России // Актуальные проблемы исправления осужденных: криминологические, психологические и педагогические аспекты: сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 27–32.

REFERENCES

1. Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Delinquency of minors and social and pedagogical neglect // 3 years together: law, order, justice: collection of scientific articles of the international forum dedicated to the Day of reunification of the DPR, LPR, Zaporizhzhia and Kherson regions with the Russian Federation. Lugansk: Lugansk Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2025. P. 36–38. (In Russ.)
2. Kazberov P. N., Vilkova A. V. System planning of professional training of penitentiary psychologists for working with persons convicted of terrorist and extremist crimes // Extreme psychology and pedagogy: current trends and promising research: collection of articles from the round table. Tver: Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service, 2025. P. 26–33. (In Russ.)
3. Vilkova A. V., Leshchenko S. A. A dysfunctional family as a factor of disharmonious development of an individual's moral consciousness // Extreme psychology and pedagogy: current trends and promising research: collection of articles from the round table. Tver: Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service, 2025. P. 105–111. (In Russ.)
4. Vilkova A. V., Kashkina E. V. Self-assertion of juvenile offenders: ways and means // International scientific bulletin. 2025. No. 8. P. 90–94. (In Russ.)

5. Vilkova A. V., Khairutdinova I. V., Yakupov F. A. Russian sign language – a means of communication or a linguistic system? // Modern pedagogical education. 2025. No. 5. P. 60–64. (In Russ.)
6. Fadeeva S. A., Mukhin M. I., Ugryumov Yu. M., Chopik O. A. State-political, spiritual-moral and patriotic education of employees of the penitentiary system of youth age. Tver: Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service, 2025.
7. Vilkova A. V., Polyakova Ya. N. The main difficulties faced by young scientists // Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia. 2025. No. 3 (25). P. 92–101. (In Russ.)
8. Vilkova A. Prerequisites, conditions and grounds for the removal of the criminal record: the prospects for the legislative improvement of the institute // Military Law Review. 2018. No. 1. P. 204. (In Eng.)
9. Vilkova A. V. Gender concept and methodology of formation of spiritual and moral values of female minor convicts: Diss. ... Dr. of Pedagogics. Veliky Novgorod, 2016. 444 p. (In Russ.)
10. Vilkova A. V., Polyakova Ya. N. Ways of early psychodiagnostics and prevention of deviant behavior in minors // Penitentiary and post-penitentiary resocialization of convicts: problems and prospects: collection of scientific papers of the international scientific and practical conference. Vladimir: Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, 2025. P. 29–37. (In Russ.)
11. Vilkova A. V., Polyakova Ya. N. Training of the scientific shift – the most important component of science // International scientific bulletin. 2025. No. 8. P. 188–191. (In Russ.)
12. Vilkova A. V., Polyakova Ya. N. The teacher and the conflict family // Russian scientific bulletin. 2025. No. 8. P. 152–155. (In Russ.)
13. Vilkova A. V., Lukashenko D. V. Educational and correctional work with minors // Russian scientific bulletin. 2025. No. 8. P. 190–193. (In Russ.)
14. Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Psychological tendency to delinquency in juvenile convicts // International scientific bulletin. 2025. No. 9. P. 105–107. (In Russ.)
15. Vilkova A. V., Antipov A. N. Juvenile justice in Russia: pros and cons // Bulletin of Kuzbass Institute. 2012. No. 3 (11). P. 105–110. (In Russ.)
16. Vilkova A. V., Polyakova Ya. N., Meshkova L. V. Problematic issues of training scientific personnel in Russia // Education and Law. 2025. No. 9. P. 477–481. (In Russ.)
17. Vilkova A. V. The consequences of the deficit nature of education // Extreme psychology and pedagogy: current trends and promising research: a collection of articles from the round table. Tver: Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service, 2025. P. 8–13. (In Russ.)
18. Current issues of correction of convicts: criminological, psychological, and pedagogical aspects: a collection of articles from the round table. Tver, 2025. (In Russ.)
19. Vilkova A. V. Theory and practice of correction of juvenile convicts in Russia // Actual problems of correction of convicts: criminological, psychological and pedagogical aspects: collection of articles of the round table. Tver, 2025. P. 27–32. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.03.2026; одобрена после рецензирования 17.03.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 16.03.2026; approved after reviewing 17.03.2026; accepted for publication 18.06.2026.

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ К ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОМУ ВОСПИТАНИЮ СОТРУДНИКОВ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Марина Римантасовна Илакавичус¹, Елена Александровна Пикина²,
^{1,2} Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
¹ marinaorlova_99@inbox.ru, ORCID: 0000-0003-4706-2877
² 9818904515@mail.ru, ORCID: 0009-0007-7167-3981

Аннотация. Работа с кадрами в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), являясь стратегически значимой задачей, включает в себя морально-психологическое обеспечение, одним из видов которого, согласно приказу МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», выступает политико-воспитательная работа. В ее структуре выделяется духовно-нравственное воспитание, реализацией которого занимаются сотрудники подразделений по работе с личным составом. Подготовка таких специалистов в ведомственных вузах, в частности в Санкт-Петербургском университете МВД России, требует научно-педагогического обоснования.

Цель исследования – выявить и определить поле незнания в области подготовки будущих сотрудников подразделений по работе с личным составом к осуществлению духовно-нравственного воспитания личного состава органов внутренних дел. В качестве методологической основы исследования использован гуманитарно-антропологический подход.

Применены следующие методы: сравнительный анализ нормативных правовых актов, регламентирующих воспитательную деятельность, а также научно-педагогической литературы; теоретический анализ понятий; синтез. Проведен историко-педагогический анализ практики воспитательной работы в советский период и ее нормативно-правовое сопоставление с современной системой духовно-нравственного воспитания в Российской Федерации.

Установлено, что несмотря на наличие исследований по подготовке кадров для воспитательной работы в силовых структурах аспект целенаправленного формирования компетенций для духовно-нравственного воспитания сотрудников органов внутренних дел в условиях современных социокультурных изменений остается недостаточно изученным. Выявлен ряд проблем проектирования данной подготовки, связанных с необходимостью усвоения будущими специалистами обширных общекультурных и андрогогических знаний. В результате исследования определено поле незнания, которое включает в себя неразработанные аспекты содержания, а также адекватных средств и методов подготовки будущих сотрудников подразделений по работе с личным составом к духовно-нравственному воспитанию в контексте морально-психологического обеспечения. Перспективным направлением дальнейших исследований являются пути аксиологизации содержания данной подготовки и разработка методов ее дидактического сопровождения.

Ключевые слова: профессиональное воспитание, подготовка сотрудников подразделений по работе с личным составом, духовно-нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел, образовательные организации высшего образования МВД России

Для цитирования: Илакавичус М. Р., Пикина Е. А. Проблемы подготовки специалистов к духовно-нравственному воспитанию сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 2 (112). С. 172–179.

Original article

PROBLEMS OF TRAINING SPECIALISTS FOR THE SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF EMPLOYEES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

© Илакавичус М. Р., Пикина Е. А., 2026

Marina R. Ilakavichus¹, Elena A. Pikina²

^{1,2} Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Saint Petersburg, Russia

¹ marinaorlova_99@inbox.ru, ORCID: 0000-0003-4706-2877

² 9818904515@mail.ru, ORCID: 0009-0007-7167-3981

Abstract. Personnel management within the Russian Ministry of Internal Affairs, being a strategically important task, involves moral and psychological support, one of the types of which, according to the order of the Ministry of Internal Affairs No. 500 dated August 27, 2024, is political and educational work. Within this structure, spiritual and moral education is prominent, implemented by employees of personnel management departments. The training of such specialists at departmental universities, for example at St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, requires scientific and pedagogical foundation.

The purpose of this study is to identify and define the areas of ignorance in the field of training future personnel department employees for the implementation of spiritual and moral education of internal affairs personnel. The methodological basis for the study is a humanitarian-anthropological approach.

The following methods were applied: comparative analysis of regulatory legal acts regulating educational activities, as well as scientific and pedagogical literature; theoretical analysis of concepts; synthesis. This article presents a historical and pedagogical analysis of educational practices during the Soviet period and compares them with the current system of spiritual and moral education in the Russian Federation.

It was found that, despite the existence of research on the training of personnel for educational work in law enforcement agencies, the targeted development of competencies for the spiritual and moral education of internal affairs officers in the context of contemporary sociocultural changes remains insufficiently studied. The authors identify a number of design challenges for this training related to the need for future specialists to acquire extensive general cultural and androgynic knowledge. The study identifies a gap in knowledge, including undeveloped aspects of the content, as well as adequate means and methods for training future employees for personnel management units for spiritual and moral education in the context of moral and psychological support. A promising direction for further research is to axiologize the content of this training and develop methods for its didactic support.

Keywords: professional education, training of employees of personnel management units, spiritual and moral education of employees of internal affairs bodies, educational institutions of higher education of the Ministry of Internal Affairs of Russia

For citation: Ilakavichus M. R., Pikina E. A. Problems of training specialists for spiritual and moral education of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 2 (112). P. 172–179. (In Russ.)

Введение

Работа с кадрами для любой организации является стратегически значимой задачей. В Министерстве внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) она находится в зоне особого внимания, поскольку оценивается как важнейшее направление социально-политической жизни страны, инструмент реализации оптимальных условий для выполнения задач, поставленных обществом перед силовым ведомством [1]. История кадровой службы органов внутренних дел начинается с 1918 года, когда совместным решением Народного комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата юстиции РСФСР была принята Инструкция «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции». Сегодня

деятельностью службы руководит Главное управление по работе с личным составом МВД России, в функции которого входит также нормативно-правовое регулирование в области воспитания личного состава органов внутренних дел Российской Федерации. Специалисты кадровой службы осуществляют организационно-методическое обеспечение, проводят воспитательную, социальную и культурно-просветительную работу, работу по укреплению служебной дисциплины и законности с сотрудниками.

В 2024 году вступил в силу приказ МВД России № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации». Согласно данному приказу

одним из видов морально-психологического обеспечения (далее – МПО) является политико-воспитательная работа, которая организуется по пяти направлениям, включая духовно-нравственное воспитание¹. К подразделениям, выполняющим задачи МПО, относятся управления (отделы, отделения, группы, направления) морально-психологического обеспечения управлений (отделов, отделений, групп) по работе с личным составом органов, организаций, подразделений МВД России, включающие отделы (отделения, группы, направления) воспитательной работы, отделы (отделения, группы, направления) психологической работы, отделения (группы, направления) социальной работы. Сотрудники указанных подразделений оказывают содействие руководителям структурных подразделений органов внутренних дел (далее – ОВД) в подготовке и проведении мероприятий по реализации МПО. Сложившаяся практика кадровой службы ОВД такова, что за сотрудниками закрепляются конкретные направления деятельности. Одним из таких направлений является МПО. В течение времени обязанности могут перераспределяться, поэтому компетенции в области организации МПО необходимы всем сотрудникам данного подразделения. В практике школьного образования духовно-нравственное воспитание наиболее проблемно по причине необходимости высокого уровня образованности специалистов воспитательной работы, как в общекультурной, так и в психолого-педагогической области, а также в силу разнонаправленности культурно-региональных факторов [2]. Санкт-Петербургский университет МВД России, приоритетным направлением образовательной деятельности которого является подготовка специалистов по работе с личным составом, решает задачи их обучения, в том числе для реализации направления духовно-нравственного воспитания. Проектирование практики подготовки к

реализации данного направления воспитания как элемента морально-психологического обеспечения деятельности ОВД, то есть элемента образования взрослых, требует отдельного исследования.

Тематика подготовки будущих сотрудников кадровой службы к воспитанию личного состава отражена в исследованиях специалистов не только Министерства обороны (С. А. Иванова, Ю. А. Шмакова, Л. А. Золотовской), но и Министерства внутренних дел (В. И. Хальзов, И. В. Будило, Н. Ф. Гейжан, З. В. Васильевой и др.). Однако аспект подготовки будущих сотрудников подразделений по работе с личным составом к духовно-нравственному воспитанию с учетом современных политических и социокультурных изменений не исследован в должной мере.

Эпистемологически предпосылочная (и тем самым педагогически значимая) триада – «знание до знания, незнание, знание о незнании» есть необходимое условие всякого знания. В философии науки незнание может рассматриваться как граница познанного (Н. Кузанский), как ориентир поисков истины (Р. Мертон) [3]. Исходя из этого, при кажущейся простоте решения указанной выше задачи проектирования на основе имеющихся традиций профессионального обучения следует учитывать, что в методологии и технологии профессионального образования имеется поле незнания, которое требует выявления и переформатирования в исследовательский вопрос.

Методы

При проведении исследования были использованы методы сравнительного анализа нормативных и правовых актов и источников, научно-педагогической литературы, теоретический анализ понятий, синтез. Использована гуманитарно-антропологическая методология (В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев, А. И. Остапенко, М. Р. Илакавичус).

¹ Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200024?ysclid=mh86vglexb27801642> (дата обращения: 28.10.2025).

Результаты и обсуждение

Начиная с 2015 года оформлена законодательная база активизации государственной-общественной воспитательной деятельности. Были определены цели, задачи и основные направления государственной политики в сфере воспитания на десятилетие, основой государственной образовательной политики обозначены традиционные ценности (жизнь, патриотизм, историческая память, семья и др.), закреплён приоритет воспитания как базы образования, ориентированной на формирование гармонично развитой личности на основе российских традиционных ценностей¹. Сверхзадачей воспитания можно считать заявленную в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» позицию – реализацию потенциала каждого человека, патриотичной и социально ответственной личности². В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации статус воспитания повышен до фактора обеспечения национальной безопасности, обоснована значимость защиты традиционных ценностей, патриотического воспитания и противодействия деструктивной идеологии, направленной на подрыв единства российского общества³. При этом в общественном сознании на первом месте находится тематика воспитания детей и молодежи. Однако не менее стратегически значима работа в области профессионального воспитания, в том числе с личным составом МВД России. Ее продуктивность напрямую зависит от качества подготовки категории специалистов, которые принимают участие в воспитательной работе, – сотрудников кадровых подраз-

делений. Научное обоснование, моделирование и проектирование данного процесса должно основываться, прежде всего, на традициях советского периода, дидактических приемах преимущественно классической педагогической парадигмы.

В современной интерпретации содержанием воспитания являются нормы, ценности и образцы их реализации в социальном взаимодействии. В советский период все перечисленное было идейно-политически обусловлено; элементами содержания как для военнослужащих, так и для сотрудников милиции были положения марксизма-ленинизма, достижения советского народа в строительстве коммунизма, примеры выполнения служебного долга, традиции [4]. Результатом воспитательной работы должны были стать ревностное отношение к выполнению служебного долга, побуждение к инициативному действию с полным напряжением сил. Наиболее близким по структуре с исследуемым авторами духовно-нравственным воспитанием сотрудников ОВД является политическое и нравственное воспитание советского периода. Политическое воспитание имело целью формирование коммунистического мировоззрения, нравственное воспитание – формирование качеств человека коммунистического общества (коллективизма, честности, добросовестности в службе, стойкости в преодолении связанных с ней трудностей).

Подготовка начальников и политработников, которые осуществляли воспитательную работу в ОВД, была во многом сообразна практике вооруженных сил. Ее сущность образно определялась как «вечный бой», в котором рождаются настоящие профессионалы [5]. Способ воспитательной работы

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202211090019> (дата обращения: 28.09.2025).

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

проявлялся в разнообразных словесных методиках (например, в беседе и т. п.). Реализуя постулат «бытие определяет сознание», руководствуясь принципом коллективизма, воспитательная работа реализовалась в триединстве влияний: на сам коллектив, на определенные группы сотрудников и на конкретного сотрудника. Следует отметить, что в описываемую эпоху было осознано, что сотрудник милиции – взрослый, при работе с ним необходимо опираться на доверие, взаимоуважение, коллективное сплочение, веру в лучшее в человеке. Только на этом основании можно было использовать методы убеждения, примера, поощрения, а также принуждения и упражнения. Все перечисленное было направлено на развитие сложного умения самовоспитания, которое в сочетании с воспитательной работой должно было способствовать формированию гармоничной личности сознательного строителя коммунизма – сотрудника советской милиции.

Возвращение общества и государства к проблематике воспитания во втором десятилетии XXI века было насущным в силу роста угрозы потери молодыми гражданами культурно-исторической идентичности. Специалистами описан развивающийся сегодня глубокий экзистенциальный кризис человечества, ответом на который должны стать новые результативные педагогические действия. Именно поэтому было введено в исследовательский оборот понятие «духовно-нравственное воспитание», с помощью которого эффективно исследовались пути модернизации воспитательной практики [6]. В результате глубокого переосмысления феномена воспитания в конкретно-историческом, постперестроечном контексте на законодательном уровне составляющими содержания воспитания названы социокультурные и духовно-нравственные ценности, принятые в российском обществе правила и нормы поведе-

ния в интересах человека, семьи, общества и государства (результат – сформированные чувства патриотизма и гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам героев Отечества, к закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, к природе и окружающей среде)¹. Россия сегодня нуждается в патриотичных, социально ответственных гражданах всех возрастов, патриотизм и ответственность признаны базовыми качествами сотрудников силовых ведомств. От их наличия, проявленного и в коммуникации, и в выполнении служебных обязанностей, зависит уровень доверия общества к государству.

Принимая за методологическую основу гуманитарно-антропологический подход, учитывая историческую традицию, интерпретируем указанную выше сверхзадачу применительно к профессиональному воспитанию следующим образом: реализация потенциала профессионала в выбранном им труде в ориентации на идеалы отечественной культуры, то есть достижение удовлетворения не только материальными результатами и личным успехом, но и размером вклада в общегосударственное дело. Присоединимся к позиции В. И. Слободчикова и Е. И. Исаева по определению результата профессионального воспитания как умения «гармонизировать содержание профессиональной деятельности со своей личностной позицией и ценностно-смысловыми установками той общности, в пространстве которой разворачивается его собственная деятельность» [7]. Начало профессионального воспитания связано с получением профессионального образования, в процессе которого обучающийся становится участником реализации про-

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся: федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310025> (дата обращения: 29.10.2025).

граммы воспитания. В ней в качестве основы определения цели воспитательной работы конкретного вуза должны быть указаны сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, определяющих зрелую российскую гражданскую идентичность. Проектирование образовательного процесса, транслирующего духовно-нравственные ценности, – новое для специалистов по воспитательной работе направление, его практика проходит этап становления не одно десятилетие. На теоретическом уровне связывается с аксиологизацией содержания и процесса образования (в учебной и внеучебной деятельности студентов, например в волонтерстве, социальном служении).

В современной практике трудовых коллективов «гражданской сферы» профессиональное воспитание как задача не заявляется, что отчасти компенсируется в области формирования корпоративной культуры, представления о которой конструируются в соотношении с ценностями организации и даже целой профессиональной области [8]. Нередко специалисты морально-психологического обеспечения деятельности ОВД при выборе его средств и методов пользуются аналогией с областью формирования корпоративной культуры, генетически связанной с либеральной идеологией устранения от политики и истории в данной области, сужения ценностных основ труда до цеховых, частных. Такой подход видится крайне дискуссионным применительно к профессиям области «человек – человек», поскольку не затрагивает в целом ценностно-смысловую сферу личности профессионала, не принимает во внимание сложности самовоспитания как генерального процесса взрослого человека, стоящего на страже спокойствия и благополучия граждан. В условиях агрессивной информационной войны, устойчивости ценностей общества потребления без реализации духовно-нравственного направления политико-воспитательной работы значительно повышаются риски правового и гражданского нигилизма, отрицания эмпатии как основы служе-

ния народу России. Педагогическая поддержка укоренения духовно-нравственных ценностей в жизнедеятельности полицейского является базой для развития умения проводить исторически обусловленный анализ политических решений российской власти, не следуя изощренным злонамеренным «фейкам» в ее адрес, нацеленным на разлад правоохранителей и государства. Поэтому если опыт формирования корпоративной культуры может быть учтен для проектирования политико-воспитательной работы в ОВД, то лишь отчасти, с применением критического мышления по причине разнонаправленных мировоззренческих позиций феноменов профессионального воспитания и корпоративной культуры.

В советский период воспитательная работа мыслилась в обязательном контексте жизнедеятельности человека в трудовом/служебном коллективе, что позволяло реализовать социальный ресурс в области поддержки личностно-профессионального развития сотрудника. На излете СССР осознавался разрыв между сложностью задачи и недостатком педагогического инструментария, что определяло необходимость сочетания научного поиска и обобщения результатов передового практического опыта в области форм, средств и методов воспитательной работы, учета уровня развития трудового коллектива [9; 10]. Аналогичное осознание дефицитов практики сложилось и на этапе возвращения к проблеме воспитания, осмысления понятия «духовно-нравственное воспитание». Ответом стало проектирование подготовки педагогических кадров к актуальной воспитательной работе в пространстве школьного и высшего образования, что определило появление доказанных позитивных результатов реализации данного направления педагогической деятельности [11; 12]. Решение задачи результативного осуществления духовно-нравственного направления политико-воспитательной работы в области морально-психологического обеспечения деятельности ОВД требует аналогичного поступательного движения ученых и практиков. Во-первых, необхо-

можно определить само понятие, выявив дефиниции, связанные с ценностно-смысловой сферой не просто взрослого человека, но и представителя профессий служения. Во-вторых, необходимо определить место и роль данного направления в политико-воспитательной работе с личным составом ОВД (требует осмысления с учетом современных реалий и само понятие «политико-воспитательная работа»). Кроме того, проблема модернизации дидактических средств, методов подготовки к данной работе остается малоисследованной в силу многогранности явления духовно-нравственного воспитания, широкого спектра трактовок понятия, компонентами которого могут быть и национальные, и региональные, и религиозные ценности, но обязательно с учетом возрастной специфики личного состава.

Заключение

Отметим, что в сравнении с практикой педагогического образования подготовка будущих сотрудников подразделений по

работе с личным составом МВД России к политико-воспитательной работе в целом и к духовно-нравственному воспитанию в частности характеризуется риском недостаточного уровня усвоения общекультурного и общепедагогического блоков. Кроме того, указанным сотрудникам приходится иметь дело со взрослыми людьми, начинающими и сложившимися профессионалами, что определяет необходимость усвоения андрагогической области. Поэтому к полю незнания в вопросе проектирования подготовки будущих сотрудников подразделений по работе с личным составом МВД России к духовно-нравственному воспитанию отнесем аспекты ее содержания, средств и методов, адекватных указанному направлению воспитания сотрудников ОВД в контексте морально-психологического обеспечения их деятельности. Предстоит исследовать пути аксиологизации содержания данной подготовки, методы и методики ее дидактического сопровождения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Элизбарян А. С. Подготовка кадров системы Министерства внутренних дел Российской Федерации: задачи и перспективы развития // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 213–217.
2. Киргуева Ф. Х., Дзидзоева С. М. Духовно-нравственное воспитание младших школьников в поликультурной среде как научно-педагогическая проблема: монография. Ульяновск : Зебра, 2020. 94 с.
3. Дорожкин А. М., Голубинская А. В. Незнание как эпистемологическая проблема // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2023. № 3. С. 77–90.
4. Калинин М. И. О коммунистическом воспитании и воинском долге. М.: Воениздат, 1967. 728 с.
5. Ефремов В. Я. Концептуальные основы укрепления морального духа Вооруженных сил Советского государства в межвоенный период по взглядам высшего партийно-государственного руководства страны и их нормативно-правовое оформление // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20, № 3-2. С. 343–349.
6. Илакавичус М. Р. Понятие «духовно-нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел» как инструмент моделирования воспитательной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 248–256. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-248-256>.
7. Слободчиков В. И. Антропологический смысл профессионального образования (экспертное мнение) // Организационная психология. 2020. № 4 (12). С. 90–99.
8. Маврина М. Е. Корпоративная культура студентов // Экономика и социум. 2019. № 4. С. 480–483.
9. Белов В. И. Профессиональное воспитание в системе современных воспитательных концепций // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. № 14. С. 163–176.
10. Седоплатов В. И. Воспитательная функция трудового коллектива (на примере промышленных предприятий Южного Урала): дис. ... канд. филос. наук. М., 1983. 182 с.

11. Джишкарини Т. Д. О критериях и результатах подготовки будущих педагогов к осуществлению духовно-нравственного воспитания в условиях реализации ФГОС // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 3.
12. Базоркин А. М., Магомедова П. К., Ахмадова З. М. Формирование духовно-нравственной культуры у студентов высших учебных // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-1. С. 24–27.

REFERENCES

1. Elizbaryan A. S. Training of personnel for the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: problems and development prospects // Legal Science and Practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (57). P. 213–217. (In Russ.)
2. Kirgueva F. Kh., Dzidzoeva S. M. Spiritual and moral education of primary school students in a multicultural environment as a scientific and pedagogical problem: a monograph. Ulyanovsk: Zebra, 2020. 94 p. (In Russ.)
3. Dorozhkin A.M., Golubinskaya A.V. Ignorance as an epistemological problem // Epistemology & Philosophy of Science. 2023. No. 3. P. 77–90. (In Russ.)
4. Kalinin M. I. On Communist education and military duty. Moscow: Voenizdat, 1967. 728 p. (In Russ.)
5. Yefremov V. Ya. Conceptual foundations of strengthening the morale of the Red Army during the interwar period according to the views of the party and state leaders and their legal framework // Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 20, no. 3-2. P. 343–349. (In Russ.)
6. Ilakavichus M. R. The concept of “spiritual and moral education of law enforcement officers” as a tool for modeling educational activities // Vestnik of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (106). P. 248–256. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-248-256>. (In Russ.)
7. Slobodchikov V. I. The anthropological meaning of professional training (expert opinion) // Organizational psycholinguistics. 2020. No. 4 (12). P. 90–99. (In Russ.)
8. Mavrina M. E. Students’ corporate culture // Economy and society. 2019. No. 4. P. 480–483. (In Russ.)
9. Belov V. I. Professional education in the system of modern educational conceptions // Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen. 2006. No. 14. P. 163–176. (In Russ.)
10. Sedoplatov V. I. The educational function of the labor collective (on the example of industrial enterprises in the Southern Urals): dis. ... Cand. of Philology. Moscow, 1983. 182 p. (In Russ.)
11. Jishkariani T. D. On the criteria and results of training future teachers to carry out spiritual and moral education in the context of the implementation of the Federal State Educational Standard // Modern problems of science and education. 2016. No. 3. (In Russ.)
12. Bazorkin A. M., Magomedova P. K., Akhmadova Z. M. Formation of spiritual and moral culture among students of higher educational institutions // Problems of modern pedagogical education. 2022. No. 74-1. P. 24–27. (In Russ.)

Информация об авторах:

М. Р. Илакавичус, доктор педагогических наук;
Е. А. Пикина, б/с, б/з.

Information about the authors:

M.R. Ilakavichus, Doctor of Pedagogics;
E. A. Pikina, no academic degree.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026; одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 19.01.2026; approved after reviewing 09.02.2026; accepted for publication 18.06.2026.

МОДЕЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО САМООБРАЗОВАНИЯ КУРСАНТОВ ВУЗОВ МЧС РОССИИ

Александр Анатольевич Карапузиков¹, Николай Павлович Мураев²

^{1,2} Уральский институт ГПС МЧС России, Екатеринбург, Россия

¹ Alexx-7777@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена обоснованию модели педагогического сопровождения информационного самообразования курсантов вузов МЧС России. Уточняется содержание понятия «информационное самообразование курсанта» как целенаправленной саморегулируемой деятельности, включающей поиск, отбор, критическую оценку, переработку и применение информации в учебно-профессиональных задачах при соблюдении информационной этики. На основе системного, субъектного, деятельностного и компетентностного подходов описаны принципы сопровождения, раскрыта структура модели (целевой, содержательный, организационно-технологический, диагностико-результативный блоки), предложены критерии и уровни сформированности информационного самообразования. Практическая значимость работы заключается в возможности использования модели для проектирования самостоятельной работы, разработки диагностических материалов и методических рекомендаций преподавателям и кураторам подразделений.

Ключевые слова: информационное самообразование, педагогическое сопровождение, курсанты, саморегуляция, вузы МЧС России

Для цитирования: Карапузиков А. А., Мураев Н. П. Модель педагогического сопровождения информационного самообразования курсантов вузов МЧС России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 2 (112). С. 180–190.

Original article

MODEL OF PEDAGOGICAL SUPPORT OF INFORMATION SELF-EDUCATION OF CADETS OF UNIVERSITIES OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS OF RUSSIA

Alexander A. Karapuzikov¹, Nikolay P. Muraev²

^{1,2} Ural Institute of State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
Ekaterinburg, Russia

¹ Alexx-7777@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the substantiation of the model of pedagogical support of information self-education of cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia. The content of the concept of “cadet information self-education” as a purposeful self-regulating activity, including the search, selection, critical evaluation, processing and application of information in educational and professional tasks while observing information ethics, is clarified. Based on systemic, subjective, activity-based and competence-based approaches, the principles of support are described, the structure of the model (target, substantive, organizational, technological, diagnostic and effective blocks) is revealed, criteria and levels of formation of information self-education are proposed. The practical significance of the work lies in the possibility of using the model for designing independent work, developing diagnostic materials and methodological recommendations for teachers and supervisors of departments.

Keywords: information self-education, pedagogical support, cadets, self-regulation, universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia

For citation: Karapuzikov A. A., Muraev N. P. Model of pedagogical support of information self-education of cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 2 (112). P. 180–190. (In Russ.)

Введение

В условиях ускоряющегося обновления знаний и усложнения профессиональных задач возрастает роль самообразования как устойчивой способности специалиста самостоятельно выявлять дефициты знаний, находить и критически оценивать информацию, преобразовывать ее в применимые решения и непрерывно корректировать собственную образовательную траекторию. Для курсанта ведомственного вуза эта способность приобретает особую значимость: будущая профессиональная деятельность предполагает работу с нормативными документами, регламентами, методическими материалами, техническими описаниями и информационными ресурсами, а также регулярное освоение новых процедур, технологий и требований. Следовательно, информационное самообразование выступает не как факультативная активность, а как необходимое условие профессиональной готовности и надежности действий в стандартных и изменяющихся ситуациях.

Одновременно с этим именно информационный аспект самообразования становится наиболее уязвимым звеном. Современная информационная среда характеризуется избытком разнородных источников, различным уровнем их достоверности, фрагментарностью сведений и неодинаковой доступностью качественных материалов. При отсутствии сформированных навыков информационного поиска, отбора и верификации курсанты вынуждены действовать методом проб и ошибок (опираться на случайные источники, ограничиваться поверхностным чтением, воспроизводить готовые фрагменты вместо осмысленного анализа, испытывать трудности с систематизацией материалов и их применением в учебно-профессиональных задачах). В результате самообразование нередко превращается в формальную активность, не ведущую к росту компетентности и не закрепляющую механизмы саморегуляции.

Кроме того, проблема усугубляется особенностями организации обучения курсантов. Напряженный распорядок дня, сочетание учебных занятий и служебной деятельности, требования к дисциплинам уменьшают ресурс времени и повышают ценность педагогически грамотно организованной поддержки. С одной стороны, курсанты объективно нуждаются в четких ориентирах: какие источники использовать, как планировать самостоятельную работу, как оценивать качество найденной информации, как оформлять результаты и избегать ошибок. С другой стороны, чрезмерно директивная помощь снижает субъектность обучающегося, закрепляет зависимость от преподавателя и препятствует становлению самостоятельности. Возникает противоречие между необходимостью развивать автономность и ответственное отношение к самообразованию и потребностью в целенаправленном педагогическом сопровождении, позволяющем выстроить продуктивные стратегии работы с информацией без подмены личной инициативы готовыми решениями.

Актуальность исследования определяется: во-первых, запросом относительно способности выпускника к непрерывному обучению и быстрому освоению новых требований; во-вторых, ростом объема и неоднородности профессионально значимой информации; в-третьих, необходимостью обеспечить качество самостоятельной работы курсантов в условиях ограниченного времени и высокой регламентированности обучения. В теоретическом плане исследование важно для уточнения содержания понятия «информационное самообразование» применительно к курсантам и для обоснования модели педагогического сопровождения как особого вида образовательного взаимодействия. В практическом плане значимость связана с возможностью разработки диагностических материалов,

методических рекомендаций и инструментария, который может быть использован преподавателями и кураторами для поддержки самостоятельной деятельности курсантов.

Цель данной статьи – теоретически обосновать и описать педагогическое сопровождение информационного самообразования курсантов, определить его ключевые компоненты (условия, формы, методы, средства) и критерии оценивания сформированности информационного самообразования в образовательном процессе.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют системный, субъектный, деятельностный и компетентностный подходы. Использованы следующие методы: анализ и обобщение научных источников по проблематике самообразования и педагогического сопровождения; сравнительно-сопоставительный анализ подходов к организации самостоятельной работы; моделирование (конструирование структурно-содержательной модели сопровождения); логико-теоретический анализ (уточнение понятий, выделение критериев и уровней).

Результаты и их обсуждение

Вопросы педагогического сопровождения информационного самообразования рассматриваются многими учеными, однако в полной мере не разработаны единые подходы к его содержанию и структуре применительно к условиям обучения курсантов вузов МЧС России: недостаточно конкретизированы функции и механизмы сопровождения, слабо описаны педагогические условия его эффективности, а также не всегда определены критерии и показатели, позволяющие объективно оценивать результативность формирования навыков самостоятельной работы с информацией.

В. А. Романов рассматривает самообразование выпускника как процесс непрерывного педагогического сопровождения профессиональной подготовки и определяет, что увеличение доли самосто-

ятельной работы не обеспечивает нужного результата, а значительная часть обучающихся не обладает достаточной культурой самодисциплины и самоорганизации, поэтому «выделенные часы» не трансформируются в качественное самообразование. Автор обосновывает необходимость специально организованного педагогического сопровождения, которое не подменяет самостоятельность обучающегося, а задает условия, ориентиры и критерии деятельности, обеспечивая постепенное формирование готовности к самообразованию. Такое сопровождение включает целенаправленную поддержку в постановке целей, планировании и рефлексии образовательных результатов, а также в освоении способов поиска, отбора и применения знаний в профессиональных задачах. В результате самообразование выступает не эпизодической активностью, а устойчивым компонентом профессионального становления и повышения компетентности выпускника [1].

И. Д. Белоновская, В. В. Неволлина под педагогическим сопровождением понимают ключевое условие профессионального саморазвития студента и самостоятельного освоения компетенций. Авторы подчеркивают, что при высокой социальной востребованности саморазвития концептуальные основания и практические механизмы сопровождения нередко остаются недостаточно разработанными, что приводит к фрагментарности и стихийности этого процесса. В качестве решения предложена концепция и структурно-содержательная модель сопровождения, реализуемая через взаимодействие «студент – преподаватель – группа студентов» и включающая мотивирование, профессиональное информирование, проектирование, выбор, реализацию и оценку стратегий саморазвития, что позволяет снижать риски стагнации и повышать результативность профессионально-личностного роста [2].

Я. А. В. Лето акцентирует внимание на том, что педагогическое сопровождение выступает не «добавкой» к обучению, а

условием, позволяющим студенту выстроить и реализовать профессиональное саморазвитие в логике новой образовательной парадигмы и требований конкурентного рынка труда. Автор связывает актуальность сопровождения с противоречиями, затрудняющими профессиональную самореализацию выпускников (неуверенность в конкурентоспособности, снижение мотивации к совершенствованию, тревожность по поводу трудоустройства и др.), и делает вывод о необходимости качественно новых условий сопровождения в открытом интегративном образовательном пространстве вуза. Важным результатом исследования является выделение этапности педагогического сопровождения и описание специфики деятельности преподавателя в рамках субъект-субъектного взаимодействия, основанного на сотрудничестве и профессиональном сотворчестве [3].

Я. В. Кириллова показывает, что развитие профессиональных компетенций студентов невозможно сводить только к освоению учебных дисциплин, оно требует педагогического сопровождения как системы условий, поддерживающих мотивацию, профессиональное самоопределение и готовность к практической реализации. Выявленный студентами запрос на индивидуальные формы взаимодействия (беседа, совместная деятельность) и на мероприятия, повышающие вовлеченность, согласуется с нашей установкой на усиление практико-ориентированных и личностно развивающих компонентов подготовки [4].

Позиция Е. С. Заикиной близка с нашей и заключается в том, что профессиональная компетентность специалиста формируется как динамичный процесс, требующий непрерывного обновления знаний и рефлексии собственного опыта. Автор подчеркивает, что самообразование и саморазвитие выступают не дополнительной активностью, а профессиональной функцией педагога и условием его профессионального роста. При этом результативность самообразования обеспечивается сочетанием внутренних предпосылок (мотивация, готовность к раз-

витию, рефлексия, самопознание) и внешних педагогических условий образовательной среды (организация самостоятельной работы, поддержка и сопровождение, создание возможностей для исследовательской (поисковой) деятельности) [5].

В исследовании И. А. Яковлевой, А. О. Шмирко, В. А. Михайлова самообразование рассматривается как необходимое условие профессионального роста педагога и реализации принципа непрерывного образования. Авторы подчеркивают зависимость качества образования обучающихся от уровня профессиональной подготовки учителя и фиксируют, что самообразование становится механизмом постоянного обновления профессиональных знаний и педагогического инструментария [6].

Т. С. Мамонтова, М. В. Шустова показывают, что самообразование – ключевое условие формирования профессиональной компетентности, поскольку без него невозможны рефлексия, самоанализ и постоянное профессиональное обновление. Данный процесс трактуется учеными как саморегулируемая познавательная деятельность, направленная одновременно на профессиональную компетентность и личностное развитие, подчеркивается его самостоятельность, сознательность, организованность и волевой компонент [7].

Л. П. Вишневская, Г. В. Вишневская рассматривают самообразование как целенаправленную и внутренне мотивированную активность личности, в ходе которой человек самостоятельно выстраивает собственное воспитание, обучение, развитие и профессиональную подготовку, соотнося эти цели с общественными требованиями и ценностями. При этом оно понимается как сложная, организованная система, включающая способы поиска и присвоения значимого социального опыта, сам процесс его освоения и получаемый результат; именно это становится базой для дальнейшего саморазвития и самореализации [8].

В научной литературе педагогическое сопровождение трактуется как особый тип

педагогической помощи (поддержки), который не подменяет самостоятельность обучающегося, а создает условия и обеспечивает взаимодействие, помогающие продвигаться в развитии и деятельности.

Д. В. Шугалей рассматривает педагогическое сопровождение как опирающееся на психолого-педагогические и организационные условия, включая участие специалистов и роль образовательной среды. При этом его важной частью выступает диагностика [9].

Л. М. Левина определяет данный процесс как помощь и поддержку обучаемым в личностном формировании, осуществляемую через взаимодействие сопровождающего (преподавателя) и сопровождаемого и направленную на создание благоприятных условий для полноценного участия в образовательном процессе [10].

По нашему мнению, педагогическое сопровождение – это система профессиональных действий преподавателя, направленных на создание условий и оказание адресной поддержки курсанту в процессе его самостоятельной работы с информацией [11]. Оно не подменяет самостоятельность обучающегося, а помогает выстроить индивидуальную траекторию и освоить эффективные способы деятельности: уточнить цели, сформулировать критерии отбора источников, подобрать инструменты поиска и обработки данных, организовать контроль промежуточных результатов и рефлексия. В логике сопровождения преподаватель выступает не как «источник готового знания», а как организатор и консультант: он задает рамки и стандарты качества, обеспечивает методическую навигацию, предлагает алгоритмы и образцы, своевременно диагностирует затруднения и постепенно снижает объем внешней помощи, переводя курсанта к саморегуляции и самоподдержке.

Под информационным самообразованием мы понимаем целенаправленную и организуемую самим курсантом деятельность по самостоятельному получению, отбору, критической оценке, переработке и применению информации для решения учебных и профессионально ориентиро-

ванных задач. Оно включает не просто поиск сведений, а полный цикл работы с информацией: постановку цели и запросов, выбор источников, проверку достоверности и актуальности, осмысление и структурирование материала, интеграцию новых знаний с уже имеющимися, формулирование выводов и перенос результатов на практику. Существенными признаками информационного самообразования выступают самостоятельность, осознанность, рефлексия (понимание, что и зачем делается), самоконтроль качества и соблюдение информационной этики (корректное цитирование, аккуратная работа с источниками) [12].

Педагогическое сопровождение информационного самообразования курсантов целесообразно рассматривать не как набор разрозненных мер, а как целостно организованный процесс, в котором согласуются цели, содержание, методы, средства и ожидаемые результаты. Чтобы теоретически обосновать такую организацию, необходимо опереться на методологические основания, позволяющие, с одной стороны, описать сопровождение как систему, а с другой – учесть активную позицию самого курсанта как инициатора и исполнителя самообразовательной деятельности. Наше исследование опирается на следующие подходы.

Системный подход (О. Л. Алексеев, И. В. Блауберг, В. В. Великоросов, А. М. Гатауллин, В. А. Кваша, Ю. В. Корючков, В. В. Коркунов, Э. Г. Юдин и др.) позволяет представить педагогическое сопровождение как структурированную систему, включающую взаимосвязанные компоненты (цели, содержание информационного самообразования, методы и формы поддержки, цифровые ресурсы образовательной среды, процедуры диагностики и обратной связи, роли педагогов и курсантов). Он задает требования к согласованности элементов, преемственности этапов и управляемости процесса, обеспечивая устойчивость и воспроизводимость результатов [13].

Субъектный подход (О. А. Артемьева, С. Д. Максименко, В. И. Оседло, А. А. Шикун и др.) уточняет, что ключевым условием эффективности сопровождения является не только наличие выстроенной системы, но и развитие у курсанта субъектной позиции в работе с информацией. Курсант рассматривается как активный участник, который осознает цели, выявляет собственные дефициты, планирует индивидуальную траекторию, выбирает стратегии поиска и обработки данных, осуществляет самоконтроль и рефлексия. Педагогическая поддержка в данном случае направлена на постепенное формирование автономности и ответственности за качество информационных решений.

Деятельностный подход (Г. Атанов, Л. С. Высоготский, Ю. И. Давыденко, Н. В. Лактина, С. А. Рубинштейн, Т. Ю. Шабарина и др.) ориентирован на активное взаимодействие всех субъектов образовательного процесса (преподавателей, офицеров факультета, курсантов), предполагает применение комплекса взаимодополняющих методов и форм обучения, а также использование как материальных (технические средства, информационные ресурсы, элементы образовательной среды), так и идеальных средств (знания, нормы, ценности, правила, алгоритмы деятельности) [14]. Информационное самообразование рассматривается как совокупность действий и операций курсанта, направленных на решение учебно-профессиональных задач: постановка цели, поиск информации, отбор и критическая оценка источников, переработка (конспектирование, структурирование, обобщение), применение полученных знаний и рефлексия результата. Педагогическое сопровождение в этом подходе ориентировано на проектирование учебных ситуаций, где курсант осваивает способы действия, а также на поэтапное формирование умений (от показа – к пробе – к самостоятельному выполнению).

Компетентностный подход (А. Г. Бермус, О. Е. Лебедев, В. Я. Назмутдинов, Я. С. Полякова, В. А. Толочек, Г. Р. Юсу-

пова и др.) способствует формированию устойчивой мотивации к постоянному саморазвитию и обучению, развитию лидерских качеств и готовности к командной работе. Курсант, осознающий собственные сильные стороны и индивидуальную значимость, проявляет большую уверенность, самостоятельность и психологическую готовность к выполнению задач повышенной сложности, в том числе в условиях высокой напряженности и ограниченного времени [15]. Цель сопровождения связывается с формированием измеряемых результатов – компетенций, обеспечивающих готовность курсанта эффективно работать с информацией в будущей профессиональной деятельности. В центре внимания – информационная грамотность, критическое мышление, умение учиться, способность к самоорганизации и ответственности за результат. Подход задает необходимость критериев и показателей (что именно считается сформированным и по каким признакам это фиксируется).

Сопровождение информационного самообразования курсантов целесообразно строить на принципах:

- целенаправленности и профессиональной обусловленности (О. Н. Безверхая, Д. И. Денисов, Е. Б. Сытникова, Н. А. Коростылева, П. В. Чесалин): оно выстраивается с учетом учебно-профессиональных задач – работа с информацией должна быть связана с будущими функциональными обязанностями, типичными ситуациями и требованиями к качеству решений;

- системности и непрерывности (Л. Д. Беднарская, Т. Ю. Казарина, Н. Л. Прокопова, И. В. Шорохова и др.): оно организуется последовательно, взаимосвязанно и поэтапно, имеет постоянный характер самообразования и осуществляется на всех этапах обучения и профессионального становления курсантов;

- поэтапного «снятия» помощи (объем внешней поддержки постепенно уменьшается);

- субъектности и ответственности (А. А. Каленов, Н. С. Павлова, Е. А. Сер-

гиенко и др.): курсант вовлекается в постановку целей, выбор источников и критериев качества, ведет рефлексивные записи (что сделал, почему так, что улучшить); при этом фиксируется персональная ответственность за достоверность, корректность использования данных и качество вывода;

– вариативности (Е. В. Бешенкова, Л. И. Кулагина, И. А. Лыкова и др.): при общих стандартах качества (например, требования к источникам, оформлению, проверке фактов) допускаются разные стратегии работы – различные инструменты поиска, способы конспектирования, форматы представления результата (таблица, тезисы, карта понятий, аналитическая записка);

– доказательности и критичности работы с источниками (Н. П. Бусыгина, Т. Г. Подушкина, В. В. Станилевский и др.): любые выводы должны быть обоснованы данными и корректными ссылками; формируется привычка проверять авторство, актуальность, репутацию источника, сопоставлять сведения, выявлять противоречия и ограничения;

– обратной связи и рефлексивности (К. В. Баринаова, М. К. Байсалбаева, Г. С. Сыздыкова, С. В. Титова и др.): сопровождение включает регулярную обратную связь (комментарии к стратегии поиска, качеству отбора, логике обобщения) и организованную рефлекссию – самооценку по критериям, разбор ошибок, план улучшений;

– индивидуализации и учета стартового уровня (М. В. Жукова, Н. А. Киндря, Д. Д. Пыхтина и др.): диагностика исходных умений позволяет задавать разные уровни сложности заданий и разные траектории (некоторым курсантам – базовые алгоритмы поиска и конспектирования, другим – продвинутые техники анализа и синтеза);

– практико-ориентированности результата (Т. Н. Бодаренко, А. С. Гребенкина, А. П. Латкин, А. В. Хитрик и др.): результаты самообразовательной деятельности должны обладать практико-ориентированным характером и выражаться в конкретных продуктах, имеющих прикладную значимость:

в подготовке сообщения (доклада), составлении аналитической справки, выполнении обзора источников, разработке рекомендаций, а также в решении практико-ориентированного кейса на основе собранных и проанализированных данных.

Проведенный анализ научных трудов показывает, что недостаточно лишь констатировать значимость информационного самообразования курсантов; необходимо проектировать управляемый педагогический механизм его развития. Поскольку самообразование по своей природе предполагает самостоятельность и субъектную позицию обучающегося, прямое «администрирование» здесь неэффективно; продуктивнее выстраивать сопровождение как поэтапную систему условий, средств и образовательных действий преподавателя, обеспечивающих: постановку курсантом реалистичных целей; освоение инструментов работы с информацией; регулярную проверку качества результатов; переход от внешней помощи к саморегуляции. Это позволяет перейти от разрозненных методических приемов к целостной модели педагогического сопровождения информационного самообразования курсантов, ориентированной на устойчивый рост их информационной компетентности и автономности в решении учебно-профессиональных задачах (рис.).

К критериям сформированности информационного самообразования курсантов вузов МЧС России можно отнести:

1 Информационно-поисковую грамотность (умеет формулировать запрос, выбирать каналы поиска, обеспечивать полноту и релевантность под задачу). Уровни: низкий (поиск стихийный, запрос общий, использует 1–2 привычных источника, релевантность случайна, не может повторить ход поиска); базовый (запрос и ключевые слова есть, фильтры применяются эпизодически; подбирает несколько источников, но полнота ограничена; стратегия не всегда осознанная); продвинутый (системный поиск с вариантами запросов, использует разные базы данных, добывается релевантной и доста-

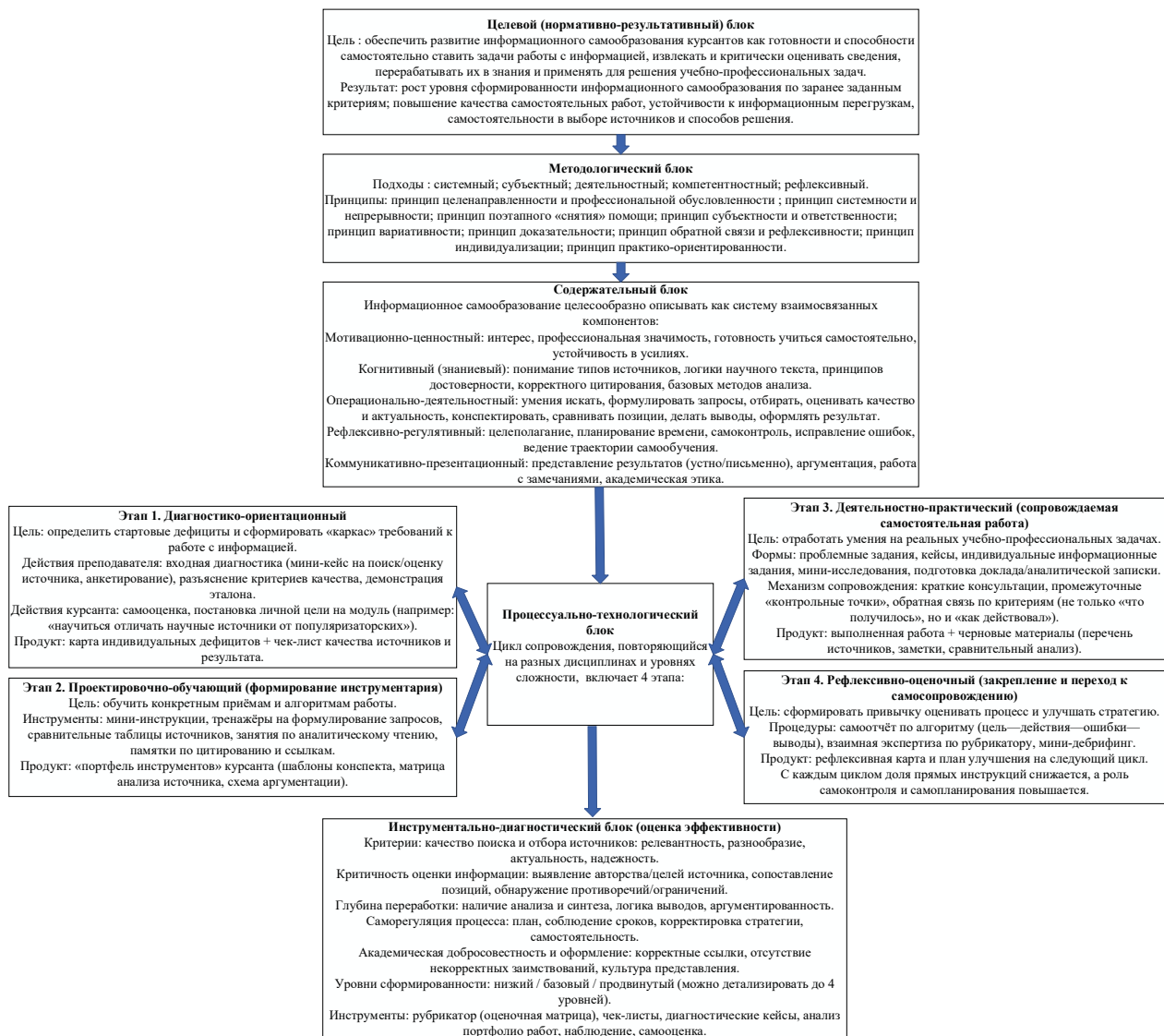

Рис. Модель педагогического сопровождения информационного самообразования курсантов вузов МЧС России

точной выборки, фиксирует и обосновывает стратегию).

2. Критическую оценку и верификацию информации (умеет оценить качество источников и данных, обнаружить манипуляции/ошибки, подтвердить сведения). Уровни: низкий (принимает информацию «как есть»; критерии надежности не применяет, проверка не проводится); базовый (использует отдельные признаки, проверка неполная, противоречия замечает не всегда); продвинутый (применяет набор критериев, сопоставляет источники, явно фиксирует ограничения и уровень доверия, аргументирует выбор источника).

3. Аналитико-синтетическую переработку информации (не копирует, а извлекает смысл, структурирует, делает выводы и обобщения). Уровни: низкий (пересказ, структура слабая, выводы декларативны или отсутствуют); базовый (есть план и частичный анализ, выводы появляются, но не всегда доказательны, сравнение источников ограничено); продвинутый (глубокий анализ и синтез, корректные обобщения, выводы логичны и подтверждены ссылками).

4. Саморегуляцию информационного самообразования (способен самостоятельно ставить цели, планировать, контролировать продвижение и корректировать стратегию).

Уровни: низкий (работает «рывками», сроки срываются, нет плана, зависимость от внешнего контроля); базовый (план есть, но соблюдается не всегда; самоконтроль частичный; корректировки запаздывают); продвинутый (устойчивое планирование и самоконтроль, гибкая корректировка стратегии, высокая самостоятельность при сохранении качества).

Заключение

Проведенный теоретический анализ показал, что для обеспечения качества самостоятельной работы курсантов в условиях информационной избыточности и высокой регламентированности образовательного процесса необходимо проектирование управляемого педагогического механизма развития информационного самообразования. Самообразование по своей природе предполагает самостоятельность и субъектную позицию обучающегося, поэтому продуктивной является стратегия педагогического сопровождения, обеспечивающая создание условий, методическую навигацию и адресную поддержку без подмены личной инициативы курсанта.

В статье уточнены понятия «педагогическое сопровождение» и «информационное самообразование курсанта», обоснованы методологические основания (системный, субъектный, деятельностный и компетентностный подходы) и принципы сопровождения. Предложена модель педагогического сопровождения, включающая целевой, содержательный, организационно-технологический и диагностико-результативный блоки, а также этапный механизм реализации с постепенным «снятием» внешней помощи. Определены критерии и уровни сформированности информационного самообразования, позволяющие осуществлять диагностику и оценивать динамику развития умения работы с информацией.

Перспективы дальнейшей работы связаны с эмпирической апробацией модели в образовательном процессе, разработкой пакета диагностических методик и методических рекомендаций для преподавателей и кураторов, а также уточнением набора показателей с учетом специфики дисциплин и типов учебно-профессиональных задач курсантов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Романов В. А. Самообразование выпускника вуза как процесс педагогического сопровождения его профессиональной подготовки // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62-1. С. 239–242.
2. Белоновская И. Д., Неволлина В. В. Педагогическое сопровождение профессионального саморазвития современного студента // Вестник Оренбургского государственного университета. 2019. № 5 (223). С. 12–18. <https://doi.org/10.25198/1814-6457-223-12>.
3. Лето Я. А. В. Педагогическое сопровождение профессионального саморазвития студента в вузе // Мир педагогики и психологии. 2019. № 3 (32). С. 111–115.
4. Кириллова Я. В. Значение педагогического сопровождения в развитии профессиональных компетенций у студентов вуза физической культуры // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 4 (32). С. 148–150.
5. Заикина Е. С. Педагогические условия самообразования и саморазвития будущих педагогов // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3 (76). С. 225–227.
6. Яковлева И. А., Шмирко А. О., Михайлов В. А. Самообразование как условие профессионального роста педагога // Молодежь и государство: научно-методологические, социально-педагогические и психологические аспекты развития современного образования. Международный и российский опыт: сборник трудов XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Тверь, 18 октября 2021 г. / под редакцией М. А. Крыловой. Тверь: Тверской государственный университет, 2022. С. 146–150.
7. Мамонтова Т. С., Шустова М. В. Роль самообразования в формировании профессиональной компетентности будущего учителя // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 393–403.
8. Вишневская Л. П., Вишневская Г. В. Самообразование как психолого-педагогическая проблема // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2009. № 16. С. 156–158.

9. Шугалей Д. В. Педагогические основы процесса сопровождения физического совершенствования курсантов в военном вузе // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. № 4 (77). С. 367–371.
10. Левина Л. М. Проектирование педагогического сопровождения самостоятельной работы студентов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 1 (37). С. 228–234.
11. Педагогическое сопровождение подготовки курсантов вузов МЧС России к деятельности в экстремальных ситуациях / А. А. Карапузиков, Н. В. Уварина, Н. П. Мураев, А. Д. Низяков // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2024. Т. 30, № 3. С. 99–103. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-99-103>.
12. Буданов Б. В., Низяков А. Д., Карапузиков А. А. Методы формирования готовности курсантов вузов МЧС России к самостоятельной подготовке // Российский научный вестник. 2025. № 6. С. 364–368. <https://doi.org/10.24412/2782-3830-2025-6-364-368>.
13. Карапузиков А. А., Мураев М. П. Системный подход в образовательном процессе вузов МЧС России // Современные наука и образование: достижения и перспективы развития: сборник материалов XXX Международной очно-заочной научно-практической конференции, Москва, 7 июня 2023 г. М.: Научно-издательский центр «Империя», 2023. Т. 4. С. 110–112.
14. Карапузиков А. А., Мураев М. П. Роль системно-деятельностного подхода в построении системы подготовки курсантов специального вуза к деятельности в экстремальных ситуациях // Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки: сборник материалов II Международной научно-практической конференции, Москва, 26 сентября 2022 г. М.: ООО «Издательство АЛЕФ», 2022. С. 35–37.
15. Роль компетентностного и контекстного подходов в повышении мотивации при изучении специальных дисциплин вузов МЧС России / А. А. Карапузиков, Т. Ф. Гайнуллин, А. А. Кузьменко, А. Д. Низяков // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 2 (91). С. 220–223.

REFERENCES

1. Romanov V. A. Self-education of a university graduate as a process of pedagogical support for his professional training // Problems of modern teacher education. 2019. No. 62-1. P. 239–242. (In Russ.)
2. Belonovskaya I. D., Nevolina V. V. Pedagogical support of professional self-development of a modern student // Bulletin of Orenburg State University. 2019. No. 5 (223). P. 12–18. <https://doi.org/10.25198/1814-6457-223-12>. (In Russ.)
3. Leto Ya. A. V. Pedagogical support of a student's professional self-development at a university // The world of pedagogy and psychology. 2019. No. 3 (32). P. 111–115. (In Russ.)
4. Kirillova Ya. V. The importance of pedagogical support in the development of professional competencies among students of universities of physical culture // Bulletin of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. 2012. No. 4 (32). P. 148–150. (In Russ.)
5. Zaikina E. S. St. Pedagogical conditions of self-education and self-development of future teachers // The world of science, culture, and education. 2019. No. 3 (76). P. 225–227. (In Russ.)
6. Yakovleva I. N., Shmirko A. O., Mikhailov V. A. Self-education as a condition for professional growth of a teacher // Youth and the state: scientific, methodological, socio-pedagogical and psychological aspects of the development of modern education. International and Russian experience: proceedings of the 11th all-Russian scientific and practical conference with an international participation, Tver, October 18, 2021 / edited by M. A. Krylova. Tver: Tver State University, 2022. P. 146–150. (In Russ.)
7. Mamontova T. S., Shustova M. V. The role of self-education in the formation of the professional competence of a future teacher // Scientific dialogue. 2016. No. 2 (50). P. 393–403. (In Russ.)
8. Vishnevskaya L. P., Vishnevskaya G. V. Self-education as a psychological and pedagogical problem // Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky. 2009. No. 16. P. 156–158. (In Russ.)
9. Shugaley D. V. Pedagogical foundations of the process of accompanying the physical improvement of cadets in a military university // Scientific notes of Orel State University. 2017. No. 4 (77). P. 367–371. (In Russ.)

10. Levina L. M. Designing the pedagogical support for students' independent work // Bulletin of Nizhny Novgorod Lobachevsky University. Series: Social Sciences. 2015. No. 1 (37). P. 228–234. (In Russ.)
11. Pedagogical support for the training of cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia for activities in extreme situations / A. A. Karapuzikov, N. V. Uvarina, N. P. Muraev, A. D. Nizyakov // Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology. 2024. Vol. 30, no. 3. P. 99–103. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-99-103>. (In Russ.)
12. Budanov B. V., Nizyakov A. D., Karapuzikov A. A. Methods of forming the readiness of cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia for independent training // Russian scientific bulletin. 2025. No. 6. P. 364–368. <https://doi.org/10.24412/2782-3830-2025-6-364-368>. (In Russ.)
13. Karapuzikov A. A., Muraev N. P. A systematic approach in the educational process of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Modern science and education: achievements and development prospects: proceedings of the 30th International correspondence scientific and practical conference, Moscow, June 7, 2023. Moscow: Empire Scientific Publishing Center, 2023. Vol. 4. P. 110–112. (In Russ.)
14. Karapuzikov A. A., Muraev N. P. The role of the system-activity approach in building a system of training cadets of a special university for activities in extreme situations // Modern strategies and digital transformations of sustainable development of society, education and science: proceedings of the 2nd International scientific and practical conference, Moscow, September 26, 2022. Moscow: Limited Liability Company "ALEF Publishing House", 2022. P. 35–37. (In Russ.)
15. The role of competence-based and contextual approaches in increasing motivation in studying special disciplines at universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia / A. A. Karapuzikov, T. F. Gainullin, A. A. Kuzmenko, A. D. Nizyakov // Scientific notes of Orel State University. 2021. No. 2 (91). P. 220–223. (In Russ.)

Информация об авторах:

А. А. Карапузиков, кандидат педагогических наук, доцент;
Н. П. Мураев, кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors:

A. A. Karapuzikov, Candidate of Pedagogy, Associate Professor;
N. P. Muraev, Candidate of Pedagogy, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.12.2025; одобрена после рецензирования 21.01.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 26.12.2025; approved after reviewing 21.01.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья
УДК 378.016

ОЦЕНОЧНЫЕ СРЕДСТВА И КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ

Владимир Андреевич Литвинов

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия,
lva201011@yandex.ru

Аннотация. Проанализирована серия публикаций, посвященных разработке и применению фондов оценочных средств по учебным дисциплинам. Сделан вывод о наличии однотипных недостатков во многих оценочных средствах. На основе этого вывода предложено организовать работу по разработке единых фондов оценочных средств по учебным дисциплинам. Высказано мнение, что работа по созданию единого фонда оценочных средств позволит унифицировать также рабочие программы учебных дисциплин и учебные планы.

Ключевые слова: оценочные средства, качество образования, учебные планы, рабочие программы, искусственный интеллект

Для цитирования: Литвинов В. А. Оценочные средства и качество образования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 2 (112). С. 191–197.

Original article

ASSESSMENT TOOLS AND QUALITY OF EDUCATION

Vladimir A. Litvinov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia,
lva201011@yandex.ru

Abstract. A series of publications devoted to the development and application of assessment funds in academic disciplines has been analyzed. It is concluded that there are similar shortcomings in many assessment tools. Based on this conclusion, it is proposed to organize work on the development of unified funds of assessment tools for academic disciplines. The opinion is expressed that the work on the creation of a single fund of assessment tools will also unify the work programs of academic disciplines and curricula.

Keywords: assessment tools, quality of education, curricula, work programs, artificial intelligence

For citation: Litvinov V. A. Assessment tools and quality of education // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 2 (112). P. 191–197. (In Russ.)

Введение

В базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) за последние неполные два года размещено более 500 научных статей, в которых в той или иной степени рассматривается вопрос создания или применения фондов оценочных средств по учебным дисциплинам. Это, с одной сторо-

ны, свидетельствует о большом внимании научной и педагогической общественности к этим материалам, с другой – о наличии нерешенных проблем. Одному из возможных путей решения этих проблем и посвящена данная работа.

Любое реформирование конечной целью подразумевает повышение качества

чего-либо (качество продукции, качество затрат, выражающееся в уменьшении количества расходуемых материалов, и т. д.). Не является исключением и постоянно реформируемое образование. Потребность внесения изменений обуславливается не только выявлением ранее совершенных просчетов, но и возникшими новыми обстоятельствами, связанными с общим прогрессом. Эффективность управленческих решений во многом зависит от использования объективной информации, заложенной в их основу.

Главная задача образовательных организаций – подготовка специалистов, востребованных в соответствующих их специальностям отраслях в настоящем и способных быстро адаптироваться к изменяющимся условиям труда. Оценка деятельности образовательной организации должна базироваться на результатах проверки соответствия выпускников предъявляемым к ним требованиям.

Объективность оценки зависит от набора критериев оценивания. Во-первых, оцениваться должны качества (компетенции) выпускника, соответствующие выбранной профессии. Во-вторых, эти критерии должны охватывать все компетенции специалиста. В-третьих, оценка должна проводиться по хорошо измеряемым параметрам. По результатам оценки принимается управленческое решение, направленное на повышение эффективности образовательного процесса. Для выработки соответствующего решения требуются дополнительные исследования, позволяющие выявить причины недостатков в формировании тех или иных компетенций выпускников.

Наиболее формализованной является процедура оценки сформированности компетенций выпускников образовательных организаций. Этот факт в свою очередь

дает возможность проанализировать ее на соответствие приведенным выше требованиям. В приказе Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (далее – Минобрнауки России) от 18 апреля 2023 г. № 409¹ отмечается, что оценка качества образовательного процесса производится на основе фонда оценочных средств (далее также – ФОС), разрабатываемых в самой образовательной организации. Представляется, что такой подход не эффективен по нескольким причинам.

Во-первых, каждая организация затрачивает рабочее время большого числа преподавателей на создание однотипных материалов, так как обучение ведется в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами (далее – ФГОС).

Во-вторых, качество некоторых ФОС оставляет желать лучшего. Это связано, с одной стороны, с загруженностью преподавателей, разрабатывавших ФОС, другими видами работ, с другой стороны, локальные оценочные материалы могут не включать проверку некоторых знаний и умений, наличие которых предусмотрено ФГОС.

Использование компьютерных программ для автоматизации составления заданий для ФОС [1; 2; 3], вероятно, не сможет существенно повысить их качество.

Методы

В исследовании использовались обзорно-аналитический метод, заключающийся в теоретическом анализе научных источников по проблематике исследования, метод обобщения и сравнения, а также системный анализ. Данные методы позволили проанализировать сложившуюся практику формирования и применения оценочных средств, выявить существующие проблемы и сформулировать выводы.¹

¹ Об утверждении аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования, методики расчета и применения аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования: приказ Минобрнауки России от 18 апреля 2023 г. № 409. URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/406906022/paragraph/1/doclist/1649/1/0/0/409%2018.04.2023:2> (дата обращения: 03.02.2026).

Обсуждение проблемы

Разработка ФОС производится в соответствии с компетенциями, приведенными во ФГОС с ориентацией на знания, умения и навыки (ЗУН), сформулированные образовательной организацией при разработке рабочей программы дисциплины. Если провести аналогию со школьным образованием, то там итоговая проверка качества полученного образования проверяется по единой для всей страны шкале во время единого государственного экзамена (далее – ЕГЭ). Почему бы и качество высшего образования не проверять по единым измерительным материалам? Конечно, приведенное сравнение с ЕГЭ может вызвать критику, как и сам ЕГЭ. Но ЕГЭ критикуют за его процедуру и влияние этой процедуры на образовательный процесс, который является подготовкой к ЕГЭ. Здесь мы не предлагаем копировать процедуру ЕГЭ для оценки качества подготовки специалистов, хотя процедура проведения ЕГЭ уже давно «перекочевала» и в высшее образование. С развитием цифровых технологий тестирование все больше используется при инспектировании образовательных организаций.

В данном же случае речь идет о необходимости использования единого фонда оценочных средств при инспектировании любой образовательной организации по выбранной специальности или направлению. На сегодняшний момент использование единого фонда оценочных средств входит в противоречие с процедурой разработки рабочих программ по дисциплинам, хотя педагогические образовательные организации уже движутся в этом направлении [4; 5]. Отсутствие стандарта ФОС порождает множество недостатков, присутствующих в частных оценочных средствах.

В работе Я. С. Чистовой и др. [4] приводятся следующие недостатки, выявленные при анализе фондов оценочных средств надзорными органами в сфере образования:

– в некоторых рабочих программах отсутствуют вопросы для подготовки к про-

межуточной аттестации, необходимые для проверки наличия задекларированной компетенции;

– многие оценочные материалы ориентированы в основном на знаннваемую составляющую компетенции, что существенно уменьшает проверяемую предметную область компетенции;

– значительная часть заданий ориентирована на проверку владения материалом на уровне узнавания;

– в оценочных материалах для бакалавриата присутствуют задания, соответствующие школьной программе.

Отмечается большое число однотипных заданий или «предсказуемых» вариантов ответов.

Наличие однотипных недостатков во многих оценочных средствах свидетельствует о системной проблеме в организации проверки качества образовательного процесса.

Проверка образовательных организаций по фондам оценочных средств проводится небольшим числом сотрудников, которые, очевидно, не могут быть специалистами во всех предметных областях. Этот факт требует разработки ФОС с заданиями, результаты выполнения которых хорошо поддаются измерению. Ответы обучающегося должны быть обоснованы только общепризнанными в научной литературе формулировками.

Отсутствие единой нормативной и методической базы разработки фондов оценочных средств стало причиной того, что локальные акты образовательных организаций, определяющие разработку оценочных материалов, существенно различаются. В связи с этим А. В. Бодров, Р. Р. Фатхуллин считают «оправданным зафиксировать в методике расчета и применения аккредитационного показателя минимальные требования к качественному и количественному составу оценочных материалов» [6, с. 59].

Указанные выше проблемы оценки качества образовательного процесса свидетельствуют о необходимости его реформирования (совершенствования). Это, в частности, отмечают И. С. Баранова, А. М. Юровских,

которые анализируют состояние проверки качества педагогов [5]. На данном этапе стоит задача разработки и внедрения единых требований к промежуточной и итоговой аттестации будущих педагогов. Представляется, что такая задача должна стоять и перед всеми образовательными организациями высшего звена.

Создание единого фонда оценочных средств по специальности (специализации) в свою очередь требует и унификации соответствующих учебных планов и рабочих программ учебных дисциплин.

Конечно, учебные планы содержат блоки дисциплин по выбору обучающихся, но выбираются именно дисциплины, а не отдельные темы в них. Для дисциплин же необходимо утвердить на федеральном уровне единые рабочие программы с зафиксированными в них осваиваемыми знаниями, умениями и навыками. На основе этих рабочих программ далее разрабатываются фонды оценочных средств.

На наш взгляд, такой подход позволит повысить качество инспектирования образовательных организаций и, как следствие, качество образовательного процесса. Если найдутся весомые аргументы в пользу региональных особенностей, то можно начать хотя бы с блока общих дисциплин.

Второй положительный эффект от использования единых рабочих программ дисциплин заключается в их фактическом «рецензировании» всеми образовательными организациями. Если во все образовательные организации поступит рабочая программа для магистров по дисциплине «Современные информационные технологии», в которой предлагается рассматривать текстовый редактор и электронные таблицы, то у многих возникнет вопрос о преемственности образования. Автору данной статьи попадались на просторах Интернета такие

рабочие программы, и очень хотелось задать вопрос: «А будущие магистры в школе и на бакалавриате информатику и информационные технологии изучали?»

В едином фонде оценочных средств должны быть четко определены объекты оценки и условия выполнения заданий (время выполнения заданий, необходимые материалы, справочники, оборудование) [7]. При разработке единого фонда оценочных средств представляется более эффективным преодоление известных трудностей, связанных с такими проблемами, как трудоемкость, неоднозначность критериев оценки [8].

Перед разработчиком фонда оценочных средств стоит задача приведения их в соответствие с компетентностной моделью, представляющей интегральные результаты обучения, а оценочные средства всегда имеют дисциплинарную направленность [9].

Следует отметить, что в приказе Минобрнауки России от 18 апреля 2023 г. № 409¹ четко указано, что оценка качества образовательного процесса производится путем инспектирования обучающихся на последнем курсе. При этом при выборе оцениваемых компетенций предпочтение отдается полностью сформированным профессиональным компетенциям.

Несомненно, единые фонды оценочных средств по предметам вызовут много критики, как это было с заданиями для школьного ЕГЭ. Объективной причиной этого является проблема оценки именно компетенций, связанная с различной трактовкой их сущности и структуры [10; 11]. «Несмотря на накопленный за последние десятилетия большой опыт в подготовке ФОС, все еще отмечаются трудности в разработке соответствующего инструментария» [12, с. 126]. Но указанные трудности не связаны с разработкой единых ФОС. ¹Более того, думается, что «рецензирование» единого фонда оценочных средств

¹ Об утверждении аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования, методики расчета и применения аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования: приказ Минобрнауки России от 18 апреля 2023 г. № 409. URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/406906022/paragraph/1/doclist/1649/1/0/0/409%2018.04.2023:2> (дата обращения: 03.02.2026).

большим числом образовательных организаций позволит повысить их качество.

При разработке единого фонда оценочных средств никуда не исчезнут те проблемы, с которыми сталкиваются отдельные образовательные организации, разрабатывая свои ФОС. Особенно это касается новых областей в науке и технике. Но разработка единого фонда предполагает широкое его обсуждение, что позволяет надеяться минимизировать просчеты.

Быстро развивающиеся наука и техника постоянно ставят новые задачи и перед образованием, особенно высшим. В конкурентной борьбе за абитуриента возникает соблазн продекларировать обучение новым технологиям при отсутствии соответствующей материальной и кадровой базы. Так, на современном этапе во многие предметы пытаются внести использование искусственного интеллекта или беспилотных аппаратов. Несомненно, и искусственный интеллект, и беспилотные аппараты становятся неотъемлемой частью нашей жизни. Специалист с высшим образованием должен быть в курсе современных достижений в этой области. Но попытка вести обучение без соответствующей материальной базы может сформировать у обучающихся неправильное представление, например, о возможностях и целях использования искусственного интеллекта. Наличие единого фонда оценочных средств в этой области по каждой специальности позволит определить направление соответствующего обучения. Например, написание текстов на заданную тему во многих случаях успешно выполняется искусственным интеллектом. Правда, этот же искусственный интеллект («Антиплагиат») распознает авторство искусственного интеллекта. Соответственно, руководители обучающихся, редколлегии изданий отвергают такие работы. Возникает вопрос: «Обучающиеся должны уметь пользоваться соответствующей функцией искусственного интеллекта?» Вероятно, да. И в данном случае они должны продемонстрировать умение поставить задачу искусственному интеллекту и проконтролировать полноту и правильность решения задачи.

Может возникнуть вопрос: «Зачем такой искусственный интеллект, если за ним надо проверять?» А вот опыт работы с искусственным интеллектом и должен сформировать убеждение, когда и насколько можно доверять той или иной системе. Автор этих строк использовал два варианта популярных искусственных интеллектов для написания компьютерных программ, которые можно было написать самому или найти на просторах Интернета. Искусственный интеллект существенно сократил время решения задачи, но допустил одну ошибку, которую автору не составило труда исправить. Этот пример лишь подчеркивает, что пользователи искусственного интеллекта должны обладать компетенцией проверки результатов его работы.

В данной статье мы не будем обсуждать правомерность использования искусственного интеллекта при подготовке рефератов, курсовых и дипломных проектов. Мнение автора по этой проблеме отражено в работе [13]. Здесь же речь идет о проверке наличия у обучающегося умения качественно использовать доступные средства искусственного интеллекта для решения поставленной задачи.

При обучении использованию искусственного интеллекта для решения профессиональных задач важное значение имеет доступность для обучаемых соответствующих инструментов. Для всех образовательных организаций должен быть утвержден базовый перечень информационных ресурсов, на основе которых будут составлены и задания фонда оценочных средств.

Базовые умения в данной области должны проверяться на основе общедоступного инструментария. В фонде оценочных средств должны быть соответствующие задания. Простейшие из них – это выбор одного из вариантов задания, предложенных искусственному интеллекту. Такие задания легко поддаются оценке. Более трудоемко для проверяющих оценивать открытые задания, в которых обучающемуся предлагается самому сформулировать задание для искусственного интеллекта.

При разработке единого фонда оценочных средств будут решаться также вопросы

соответствия содержания учебных дисциплин заявленным в них целям и задачам. Если оценочные средства должны проверять не знания, умения и навыки по дисциплине, а освоение заявленной компетенции, то начинать работу с ними следует с проверки соответствия целей обучения по дисциплине индикаторам достижения компетенций на уровне образовательной программы. Чем более конкретно указано в индикаторах достижение компетенций, что должен делать выпускник (обучающийся) по достижении той или иной компетенции, тем проще привести в соответствие результаты обучения по

отдельному элементу образовательной программы компетентностной модели [9].

Заключение

Необходимо в рамках учебно-методических объединений организовать работу по созданию единых фондов оценочных средств по учебным дисциплинам. По всем базовым дисциплинам учебных планов должны быть утверждены единые учебные программы. Создание единых фондов оценочных средств по учебным дисциплинам позволит повысить качество инспектирования образовательных организаций и, как следствие, качество обучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев Р. В., Лукьянов Н. Д. Автоматизация создания фондов оценочных средств по образовательным программам, реализуемым университетом // Информационные и математические технологии в науке и управлении. 2025. № 1 (37). С. 143–152. <https://doi.org/10.25729/ESI.2025.37.1.014>.
2. Нечипас П. Ю. Формирование фонда оценочных средств в языковых вузах с использованием технологий искусственного интеллекта // Московский педагогический журнал. 2025. № 1. С. 91–107. <https://doi.org/10.18384/2949-4974-2025-1-91-107>.
3. Емченко Е.А., Царёв В.Г. Формирование фонда оценочных средств по высшей математике с помощью интерактивных технологий // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 2 (71). С. 496–500. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2025.71.1313>.
4. Проблемы разработки фонда оценочных средств для проверки сформированности компетенций будущих инженеров / Я. С. Чистова, Л. И. Назарова, Л. В. Занфирова, Т. П. Коваленок // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 12-2. С. 127–130. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2023.12-2.41>.
5. Баранова И. С., Юровских А. М. Методические условия формирования единого фонда оценочных средств в современном педагогическом образовании // Педагогический вестник. 2023. № 30. С. 14–16.
6. Бодров А. В., Фатхуллин Р. Р. Диагностическая работа как аккредитационный показатель по образовательным программам высшего образования: дискуссионные вопросы // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2024. Т. 16, № 3. С. 55–63.
7. Механизм формирования единого банка оценочных материалов : методические рекомендации / Уральский государственный педагогический университет; составители: А. В. Антонова, Т. Л. Блинова, Т. В. Гоголина [и др.]; научные редакторы М. Л. Кусова, Н. А. Симбирцева. Екатеринбург: УрГПУ, 2023. 433 с.
8. Томильцев А. В., Мальцев А. В. Проблемы оценки профессиональной подготовки: методологические подходы // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 4. С. 9–33. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-4-9-33>.
9. Сафонова Т. Н. Оценивание результатов освоения образовательной программы // Профессиональное образование: актуальные проблемы и пути их решения: материалы V Региональной научно-практической интернет-конференции (16 декабря 2022 г., г. Ливны). Орел: ОГУ имени И. С. Тургенева, 2023. С. 49–52.
10. Ибрагимов Г.И., Ибрагимова Е.М. Оценивание компетенций: проблемы и решения // Высшее образование в России. 2016. № 1 (197). С. 43–52.
11. Сабельникова Е. В. Эволюция исследования компетенций в международном контексте // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26, № 2. С. 78–89. <https://doi.org/10.17759/pse2021260207>.
12. Объективная оценка достигаемых образовательных результатов: особенности проектирования и применения оценочных средств в современных условиях цифрового развития / В. Ю. Абрамова, А. К. Векслер, Е. Н. Глубокова [и др.] // Science for Education Today. 2024. Т. 14, № 1. С. 125–148. <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2401.06>.

13. Литвинов В. А. Что важнее: ценность или оригинальность? // Вестник Уфимского юридического института МВД России, 2025. № 2 (108). С. 181–188.

REFERENCES

1. Alekseev R. V., Lukyanov N. D. Automation of creation of assessment funds for educational programs implemented by the university // Information and mathematical technologies in science and management. 2025. No. 1 (37). P. 143–152. <https://doi.org/10.25729/ESI.2025.37.1.014>. (In Russ.)
2. Nechipas P. Yu. The use of artificial intelligence in educational assessment in language universities // Moscow pedagogical journal. 2025. No. 1. P. 91–107. <https://doi.org/10.18384/2949-4974-2025-1-91-107>. (In Russ.)
3. Emchenko E. A., Tsarev V. G. Formation of a fund of assessment tools for higher mathematics using interactive technologies // Business. Education. Law. 2025. No. 2 (71). P. 496–500. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2025.71.1313>. (In Russ.)
4. Problems of creating a fund of assessment tools for checking the development of future engineers' competencies / Ya. S. Chistova, L. I. Nazarova, L. V. Zangirova, T. P. Kovalenok // Modern science: topical problems of theory and practice. Series: The Humanities. 2023. No. 12-2. P. 127–130. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2023.12-2.41>. (In Russ.)
5. Baranova I. S., Yurovskikh A. M. Methodological conditions for the formation of a unified fund of assessment tools in modern pedagogical education // Pedagogical bulletin. 2023. No. 30. P. 14–16. (In Russ.)
6. Bodrov A. V., Fatkhullin R. R. Diagnostic work as an accreditation indicator for educational programs of higher education: discussion issues // Contemporary higher education: innovative aspects. 2024. Vol. 16, no. 3. P. 55–63. (In Russ.)
7. The mechanism for the formation of a unified bank of assessment materials: methodological recommendations / Ural State Pedagogical University; compilers: A. V. Antonova, T. L. Blinova, T. V. Gogolina [et al.]; scientific editors M. L. Kusova, N. A. Simbirtseva. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2023. 433 p. (In Russ.)
8. Tomiltsev A. V., Maltsev A. V. The problems of professional training assessment: methodological approaches // The education and science journal. 2018. Vol. 20, no. 4. P. 9–33. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-4-9-33>. (In Russ.)
9. Safonova T. N. Evaluation of the results of mastering the educational program // Professional education: current problems and ways of their solution: materials of the 5th Regional scientific and practical Internet conference (December 16, 2022, Livny). Orel: Orel State University named after I. S. Turgenev, 2023. P. 49–52. (In Russ.)
10. Ibragimov G. I., Ibragimova E. M. Competence assessment: challenges and solutions // Higher education in Russia. 2016. No. 1 (197). P. 43–52. (In Russ.)
11. Sabelnikova E. V. The evolution of competence research in the international context // Psychological science and education. 2021. Vol. 26, no. 2. P. 78–89. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260207>. (In Russ.)
12. Objective assessment of learning outcomes: peculiarities of design and application of assessment tools in modern conditions of digital development / V. Y. Abramova, A. K. Veksler, E. N. Glubokova [et al.] // Science for Education Today. 2024. Vol. 14, no. 1. P. 125–148. <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2401.06>. (In Russ.)
13. Litvinov V. A. What is more important: value or originality? // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 181–188. (In Russ.)

Информация об авторе:

В. А. Литвинов, кандидат физико-математических наук, доцент.

Information about the author:

V. A. Litvinov, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 18.06.2025.

The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 06.02.2026; accepted for publication 18.06.2026.

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

К опубликованию принимаются рукописи научных статей, соответствующие тематике журнала, по своему содержанию отражающие результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, посвященных актуальным проблемам развития юридических, педагогических и филологических наук, которые ранее не направлялись в другие издания и не публиковались по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки).
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (романо-германские языки) (филологические науки).

Статья оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Требования к оформлению печатного текста

Тип статьи указывается отдельной строкой слева в ее начале.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева.

Название статьи приводится на русском и английском языках.

Сведения об авторе приводятся на русском и английском языках (имя, отчество, фамилия, наименование и адрес организации (учреждения), подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), открытый идентификатор исследователя и участника «ORCID» (при наличии), контактные телефоны). Если авторов более одного, один из них указывается как ответственный за переписку. Дополнительные сведения (ученая степень, ученое звание, должность) под заголовком «Информация об авторе» приводятся в конце статьи.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний) приводятся на русском и английском языках.

Ссылка для цитирования на русском и английском языках включает фамилию, инициалы автора, название статьи, название журнала, планируемый год и номер выпуска.

Структура статьи должна состоять из разделов, которые обозначаются в тексте статьи соответствующими словами:

- Введение;
- Методы;
- Результаты;
- Обсуждение (при наличии);
- Заключение.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, содержащий не менее 15 научных источников и оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается в конце текста. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация источников приводится в порядке их цитирования. Дополнительно приводится перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (“References”). На все источники в библиографическом списке должны быть ссылки в тексте статьи. Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Не допускается включение в библиографический список анонимных источников и нормативных документов (постановлений, законов, инструкций и т. д.) в связи с тем, что они не могут быть проиндексированы в базах данных цитирования. Не допускается использование в библиографическом списке труднодоступных, неопубликованных, малотиражных, а также локальных, популярных и образовательных источников: газет, неопубликованных отчетов, учебных пособий и учебников, справочников и словарей. Ссылки на вышеуказанные источники оформляются как постраничные сноски с соблюдением соответствующих правил оформления.

Материал статьи представляется в электронном варианте в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь поля по 2,5 см каждое. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. Графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы предоставляются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводятся на языке текста статьи и повторяются на английском языке. Объем текста должен быть не менее 7 страниц.

Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %.

На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником; не содержит сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования; ранее не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, нормативных правовых актов несет автор. Автор перед отправкой рукописи в редакцию журнала должен проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению рукописи статьи редакция журнала оставляет за собой право не рассматривать ее.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя, заверенный печатью организации.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

Рецензирование статей является закрытым (односторонним / двусторонним слепым).

Датой поступления статьи в редакцию считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее поступления считается день получения окончательного варианта текста статьи.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка на опубликование научной статьи.

Предоставление материала в редакцию

Материалы предоставляются в редакцию через официальный сайт журнала «Вестник Уфимского юридического института МВД России». Для подачи материала автору необходимо пройти регистрацию.

После регистрации в личном кабинете нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Создать» → «Журнальная статья».

Ввести название статьи. Откроется окно создания статьи. Заполнить информацию в разделах «Метаданные» и «Авторы». Загрузить в разделе «Файлы» (нажать на кнопку «Загрузить»):

- статью в формате .docx;
- статью с подписями авторов на последнем листе в формате .pdf ;
- иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и др.) в формате .jpg (при наличии);

- отзыв научного руководителя в формате .pdf (при наличии);
- заявку на опубликование научной статьи в формате .pdf.

Разделы «Текст», «Список литературы» и «Тематики» заполнять не нужно.

Нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Заявка на публикацию». В списке изданий выбрать «Вестник Уфимского юридического института МВД России», в списке рубрик выбрать актуальную рубрику из предложенного списка и нажать «Отправить заявку».

При поступлении статьи в редакцию она проходит первичную проверку на соответствие формальным требованиям.

При необходимости доработки статьи все изменения вносятся в текстовый документ. Первоначальный вариант статьи удаляется, а исправленный – загружается в раздел «Файлы» на странице заявки.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

Заявка на опубликование научной статьи в научно-практическом журнале «Вестник Уфимского юридического института МВД России» Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ (название статьи) в рубрике _____ Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте Уфимского юридического института МВД России в сети Интернет и электронных научных библиотек. Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке рукописи статьи к публикации не использовались сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, а также информация, предназначенная для служебного пользования. Согласен на обработку и распространение своих персональных данных в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией. О себе сообщаю следующую информацию: ФИО (полностью): _____ Должность: _____ Место работы: _____ Ученая степень: _____ Ученое звание: _____ Адрес: _____ Телефон для связи: _____ E-mail: _____ Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается. Дата, подпись, расшифровка подписи.
--

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА